

СОЧИНЕНІЯ

ПЛАТОНА.

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

И

ОБЪЯСНЕННЫЯ

*Профессоромъ Санктпетербургской
Духовной Академіи*

КАРПОВЫМЪ.

ЧАСТЬ 2.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ. Октября 1 дня 1841 года.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

ХАРМИДЪ.

Х А Р М И Д Ъ.

В В Е Д Е Н І Е.

Разговоръ, озаглавленный именемъ Хармида, Платонъ посвятилъ изслѣдованію разсудительности, одной изъ коренныхъ добродѣтелей въ нравственной философіи Грековъ. Разсудительность (*σοφροσύνη*) въ древней Греціи, какъ у насъ здравый смыслъ (*sensus communis, mens sana*), или еще больше,—благоразуміе (*prudencia*), принимаема была въ различныхъ значеніяхъ. Это видно не только изъ содержанія разсматриваемаго теперь разговора, но и изъ того, что двѣ родственныя и по времени близкія одна къ другой философскія школы, Сократова и Аристотелева, составляли объ ней едва не противуположныя понятія. По мнѣнію Аристотеля (1), разсудительность не имѣетъ мѣста въ области собственно душевныхъ дѣйствій: ея

(1) Eth. Nicom. III. 13. 14.

поприще—сфера чувственныхъ пожеланій и страстей; здѣсь, между сими движителями сердца, то возмутительными и дикими, то тихими и обаятельными, человѣкъ долженъ утвердить масштабъ, которымъ опредѣлялась бы золотая середина въ радостяхъ и печаляхъ, въ наслажденіяхъ и страданіяхъ. И этотъ масштабъ, эта мѣра удовольствій, это Делфійское *μηδὲν ἄγαν* (ничего слишкомъ) есть не что иное, какъ *σωφροσύνη*. Такое понятіе Аристотеля о разсудительности заставило Римскихъ ученыхъ разумѣть ее уже не какъ разсудительность, но какъ воздержаніе, или умѣренность; а потому Греческое *σωφροσύνη* они переводили словомъ *temperantia*. Въ послѣдующія же времена, когда философы разсматривали мнѣнія древнихъ болѣе по Латинскимъ переводамъ, нежели по оригиналамъ, слово *temperantia* получило значеніе обширнѣйшее и почиталось тождественнымъ Греческому *σωφροσύνη* не только въ смыслъ Аристотелевомъ, но и Сократовомъ. Между тѣмъ Сократъ понималъ эту добродѣтель совсѣмъ иначе. Подъ словомъ *σωφροσύνη* онъ разумѣлъ практическій разсудокъ, или такое нравственное состояніе человѣка, въ которомъ всѣ силы его дѣйствуютъ по законнымъ своимъ нормамъ, не пересиливая одна другой и не измѣняя взаимнаго отношенія. Нѣкогда спросили Сократа: что такое разсудокъ (*φρόνησις*)? — Благозвучіе души, отвѣчалъ онъ. Потомъ на другой вопросъ:

кто имѣеть разсудокъ?—Тѣ, сказали онѣ, которые не легко погрѣшаютъ (1). Такимъ образомъ разсудокъ, разсудительность, или здравомысліе (*σὺς* и *φρόνησις*), по его мнѣнію, есть красота души, гармонія ея силъ и согласіе внѣшней дѣятельности человѣка съ душевными силами (2). Что Сократъ и Платонъ имѣли точно такое понятіе о разсудительности, видно и изъ значенія объяснительныхъ выраженій, нерѣдко стоящихъ въ связи съ словомъ *σωφροσύνη*, или замѣняющихъ его. Такъ на примѣръ *σωφροσύνη* часто представляется однозначущимъ съ словами *ἡ αἰδησιμότης* και *ἡ κοσμιότης*; въ Федонѣ (р. 83. E),

(1) *Stob. serm.* III. p. 96. *Σωκράτης ἐρωτηθεὶς, τί φρόνησις, εὐαριστία, εἶπε, ψυχῆς Ὁ αὐτὸς ἐρωτηθεὶς, τίνες φρόνημοι; οἱ μὴ φθάρως, εἶπεν, ἐξαμαρτάνοντες.* Сравни. *Xenoph. mem.* III. 9. 4—5.

(2) Асть неправильно думаетъ, что Сократъ почитаетъ разсудительность добродѣтелию опытною, противуположною мудрости, или наукѣ. Слова Платона (*Phaedon.* 82. A. B.) *οἱ τὴν δημοτικὴν τε καὶ πολιτικὴν ἀρετὴν ἐπιτετηθευκότες, ἣν δὴ κάλλισι σωφροσύνην τε καὶ δικαιοσύνην, ἐξ ἔθους τε καὶ μελέτης γεγονυῖαν ἀνευ φιλοσοφίας τε καὶ νῦ.* Также *symr.* 209. A. *πολὺ δὲ μεγίστη, ἔφει, καὶ κάλλιστη τῆς φρονήσεως ἢ περὶ τὰς τῶν πόλεων τε καὶ οἰκίσεων διακοσμησις, ἣ δὴ ὄνομα ἐστὶ σωφροσύνη τε καὶ δικαιοσύνη,* подтверждаютъ только ту мысль, что разсудительность не зависитъ отъ теоретическаго знанія и не можетъ быть предметомъ науки, но происходитъ изъ нравственнаго настроенія души и обнаруживается особенно въ жизни практической.

Протагоръ (р. 322. С. D) и Горгіасъ (р. 506. E. sqq.) говорится, *οἱ κοῖνοι καὶ σοφροῦτες*, а у Ксенофонта (Mem. III. 9. 4. IV, 5. Plat. legg. p. 710. Phædon. p. 69. E) вмѣсто *σοφροσύνη* стоитъ *ἡ εὐταξία καὶ ἡ εὐκρατεία*. Въ подобномъ значеніи Сократъ понимаетъ разсудительность и въ Хармидѣ.

Но должно замѣтить, что въ этомъ разговорѣ Платонъ, слѣдуя обыкновенной Сократической методѣ, не высказываетъ ясно и опредѣленно Сократовыхъ мыслей о разсудительности, а только приближаетъ читателя къ верному о ней заключенію. Онъ имѣетъ въ виду два обстоятельства, существенно вредившихъ правильному и полному раскрытію этой добродѣтели въ Греческомъ обществѣ: первое—то, что понятія о ней въ народѣ вообще были различны, неосновательны и произвольны; второе—то, что многіе поставляли се въ одной способности разсуждать о всемъ, не зная и не дѣлая ничего. Обращая вниманіе на эти обстоятельства, Платонъ предположилъ себѣ цѣлю въ Хармидѣ—во первыхъ обнаружить шаткость и ложность людскихъ мнѣній о той добродѣтели, которую называли словомъ *σοφροσύνη*, во вторыхъ обличить хвастовство софистовъ, которые, будучи готовы разсуждать о всемъ и въ этомъ смыслѣ приписывая себѣ разсудительность, отнюдь не имѣли разсудительности, какъ добродѣтели; потому что она не есть

чистая теорія. Истинное знаніе должно обнаруживаться жванію, а иначе оно не было бы и истиннымъ; общее не можетъ ни существовать, ни приносить пользу, ни быть дѣйствительною добродѣтелію; не проявляясь въ частностяхъ. На это-то кажется мѣтить и Ксенофонтъ, когда говоритъ, что Сократъ не опредѣлилъ мудрости и разсудительности, а только сказалъ, что зная похвальное и честное, надобно пользоваться имъ, а зная постыдное, должно удаляться отъ него (1).

Что именно такова цѣль Платонова Хармида, въ томъ увѣрится всякій, кто захочетъ безъ предубѣжденій вникнуть въ содержаніе, ходъ и направленіе разговора. Въ приступѣ къ нему (р. 153—158) Платонъ аллегорически показываетъ, какъ надобно понимать разсудительность въ смыслѣ добродѣтели; въ первой части (р. 159—164) опровергаетъ понятія о разсудительности, составляемыя легкомысліемъ и невѣжествомъ народа; во второй (р. 165—175) изслѣдываетъ, полезна ли разсудительность, какъ чисто теоретическое знаніе, или способность разсуждать о себѣ и о всѣхъ вообще знаніяхъ, безъ приложенія разсужденій къ самому

(1) *Xenoph. mem. III. 9. 4. Σοφίαν δὲ καὶ σωφροσύνην ἔ διώριζεν, ἀλλὰ τὸν μὲν κατὰ τε καὶ ἀγαθὰ γινώσκοντα χρῆσθαι αὐτοῖς, καὶ τὸν τὰ ἀσχηρὰ εἰδὸτα εὐλαβεῖσθαι.*

дѣлу; наконецъ въ заключеніи (р. 176) говорить, что изслѣдованія собесѣдниковъ не открыли, какъ надобно понимать разсудительность, и Сократъ признаетъ себя неспособнымъ опредѣлить ее. Разсмотримъ всѣ эти отдѣленія подробнѣе и кстати обратимъ вниманіе на основанія Аста, по которымъ онъ не даетъ мѣста Хармиду въ числѣ подлинныхъ разговоровъ Платона.

Главныя мысли вступленія суть слѣдующія: Сократъ, по возвращеніи изъ Потидеи, приходитъ въ Палестру и спрашиваетъ у встрѣтившихся съ нимъ знакомыхъ, въ какомъ состояніи теперь философія и кто изъ юношей въ настоящее время отличается мудростію и красотою. Критіасъ указываетъ ему на двоюроднаго своего брата Хармида, какъ перваго красавца; а Сократъ говоритъ: если у Хармида и душа въ красотѣ не уступаетъ тѣлу, то онъ непобѣдимъ; поэтому предлагаетъ разсмотрѣть ее. Зовутъ Хармида, который тогда жаловался на головную боль,—къ Сократу, который принялъ на себя роль врача. Послѣдній беретъ лечить голову какимъ-то листомъ и приговоромъ, безъ котораго листъ не можетъ имѣть дѣйствія; при томъ говоритъ, что этимъ средствомъ нельзя врачевать одинъ членъ, не врачуя цѣлаго тѣла, и нельзя также врачевать цѣлое тѣло, не врачуя души; а потому считаетъ необходимымъ начать пользованіе Хармида

съ души его. Но Критіасъ увѣряетъ, что Хармидъ столь же разсудителенъ по душѣ, столь прекрасенъ по тѣлу; и Сократъ признаетъ это весьма естественнымъ, потому что, происходя отъ Солона и Критіаса, юноша могъ по наслѣдству получить высокія качества души и склонность къ поэзіи; однакожь, чтобы узнать нужно ли пользоваться Хармида, или нѣтъ, онъ спрашиваетъ его, что такое разсудительность?

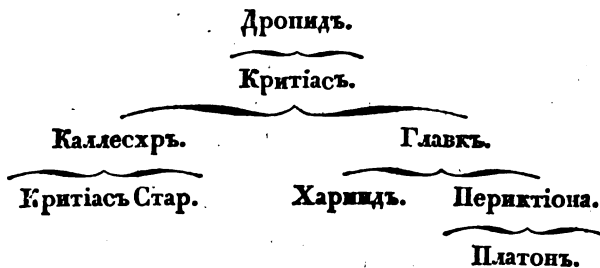
Въ этомъ вступленіи, сказано, заключается положительное понятіе Сократа о разсудительности. Мы открываемъ его здѣсь слѣдующимъ образомъ: Сократу рекомендуютъ Хармида, какъ юношу, одареннаго красою и получившаго отличное воспитаніе. Но Сократъ признаетъ нужнымъ изслѣдовать, таковъ ли Хармидъ и по душѣ, каковъ по тѣлу, и это внутреннее состояніе души, долженствующее соотвѣтствовать внѣшнимъ свойствамъ его тѣла, называетъ разсудительностію. Значить, разсудительность, по его мнѣнію, есть здоровье, красота и гармонія души. Потомъ Сократъ беретъ за врачевать Хармида посредствомъ приговоровъ, или полезныхъ бесѣдъ, и цѣлю такого врачеванія поставляетъ приобрѣтеніе разсудительности. Но мое лекарство, говоритъ онъ, можетъ быть полезно только въ томъ случаѣ, когда пользование будетъ начато съ души; по выздоровленіи же души, тѣло выздоровѣетъ само собою. Значить

разсудительность есть не какое-нибудь познание, или богатство познаний, но нравственное состояние, которое необходимо должно выразиться въ внешней жизни; правильною дѣятельностию и даже истиннымъ понятіемъ о разсудительности (р. 159. А). Не смотря на такую ловкость и дѣйствительно Сократическій характеръ вступленія; Асть находить въ немъ много несообразностей. По его мнѣнію, сочинитель Хармида, говоря здѣсь о родствѣ Солона съ Дропидомъ (1), противорѣчитъ словамъ Платона въ Тимевъ (р. 20. Е): *ἦν μὲν ἢν Σόλων οἰκείος καὶ σφόδρα φίλος ἤτις Δροπίδῃ τῆ προπάππῃ, καθάπερ λέγει πολλὰ καὶ αὐτὸς ἐν τῇ ποιήσει.* Но слово *οἰκείος*, по Схолиасту, означаетъ не только ближняго вообще, но и родственника: *Λέγονται γὰρ οἰκείοι καὶ οἱ συγγενεῖς.* Hesychius: *οἰκείοι οἱ κατ'*

(1) Въ родственной связи Дропида съ Солономъ сомнѣваться нельзя: но что они, по показанію Прокла (ad Tim. р. 25), были родные братья, дѣти Экзекестида, и жили въ одно время, что Дропидъ, по изслѣдованію Корсина (Fast. Att. T. III. pag. 78) и Меурсія (de Archont. Athen. I. 38), былъ Архонтомъ за 593 года до Р. Хр. — это довольно сомнительно; потому что въ Хармидѣ говорится: «домъ вашего предка по мужескому колену, Критіаса, сына Дропидова, прославленный, какъ извѣстно, и Анакреонъ, и Солономъ, и многими другими поэтами, отличается» и проч. Значитъ Соломъ жилъ нѣсколько послѣ Дропида и едвали не былъ тестемъ Критіаса старшаго.

ἐπιγνίαν ἀλλήλοις προσήκοντες καὶ ἴδιοι, καὶ οἱ κατ' οἰκίαν πάντες. Асту кажется также, что Платонъ, происходя самъ отъ Солона и Дропида, не сталъ бы столь тщеславно говорить о предкахъ Хармида и Критіаса (р. 157. Е) (1). Но я не вижу, по чему бы потомку не превозносить своихъ предковъ, если имена ихъ слились съ славою отечества и составляютъ украшеніе его исторіи. Притомъ должно замѣтить, что Хармигъ написанъ Платономъ еще въ школѣ Сократа, въ молодыхъ лѣтахъ, на 24 или 25 году отъ роду, когда юношеское сомнѣніе, опиравшееся на знаменитости предковъ, но незнакомое съ ферулою опыта, манило его на поприще общественной службы и обѣщало ему въ будущемъ блистательные успѣхи (2).

(1) Родословная Критіаса и Хармида слѣдующая:

(2) *Plat. epist. VII. p. 324. В. С. Νέος ἐγώ ποτε ὡν πολλοῖς δὴ ταυτὸν ἔπαθον φήθην, εἰ θάπτον ἐμαυτῆ γενοίμην Κύριος, ἐπὶ τὰ κοινὰ τῆς πόλεως εὐθὺς ἵναί. Καί μοι τύχαι τινές τῶν τῆς πόλεως πραγμάτων τοιαῖδε παρέτεσον· ὑπὸ πολλῶν γὰρ τῆς τότε πολιτείας λοιδορουμένης μεταβολὴ γίνεται, καὶ τῆς μεταβολῆς εἰς καὶ*

О столь раннемъ выходѣ Хармида можно заключать изъ того, что въ этомъ разговорѣ Критіасъ находится въ тѣсной связи съ Сократомъ, значить еще не принадлежить къ числу тридцати Аѳинскихъ тиранновъ, и потому Аѳиняне еще не имѣютъ причины обвинять Сократа за этого самовластителя (1). Наконецъ Асту особенно не нравится здѣсь то, что Сократъ какъ будто увлекается вовсе не философическою любовію къ Хармиду, въ чемъ Атеней (L. V. p. 187) укоряетъ и самаго Платона. Но если всѣ подобныя выраженія въ Платоновыхъ сочиненіяхъ понимать серьезно, въ значеніи буквальномъ; то надобно почестъ подложными и тѣ разговоры, которые самъ Астъ признаетъ несомнѣнными. Гдѣ больше цинизма какъ не

πεντήκοντά τινες ἄνδρες προβάτησαν ἄρχοντες, ἑνδεκά μὲν ἐν ἄστει, δέκα δ' ἐν Πιραιεῖ, περὶ τε ἀγορᾶν ἐμάτεροι τῶντων ὅσα τε ἐν τοῖς ἄστει διοικεῖν εἶδει, τριάκοντα δὲ πάντων ἄρχοντες κατίστησαν αὐτοκράτορες τούτων δὴ τινες οἰκείοι τε ὄντες. (то - есть, Критіасъ и самъ Хармидъ, который, по свидѣтельству Ксенофонта (Hellen. II. 4. 19), принадлежалъ къ числу десяти архоцтовъ Пирея.

(1) *Aeschin. adv. Timarch. p. 169. ed. Reisk.* — Судя надъ Сократомъ между прочимъ ставилъ ему въ вину и то, что изъ его школы вышелъ Критіасъ, одинъ изъ жесточайшихъ Аѳинскихъ тиранновъ, убѣжавшій потомъ въ Θεσσαλίю. См. прим. къ Прот. 18. Этотъ самый Критіасъ извѣстенъ былъ и какъ поэтъ. Отрывки его стихотвореній дошли до насъ. См. *Critias tyranni fragm. ed. V. Bach. Lips. 1827. 8.*

въ Федръ и Пиръ? Однакожь эти бесѣды не только подлинныя, но еще въ составѣ Платоновыхъ сочиненій занимають почетное мѣсто. Внимательный наблюдатель замѣтитъ, что эротическія выходки Сократа вездѣ прикрыты ироніею и имѣють смыслъ болѣе благородный. Ксенофонтъ справедливо замѣчаетъ: *πολλὰ μὲν γὰρ (Σωκράτης) ἔφη μὲν αὐτὸς ἐρεῖν, φανερόν δ' ἦν ἔ τῶν τὰ σώματα πρὸς ὄραν ἀλλὰ τῶν τὰς ψυχὰς πρὸς ἀρετὴν εἰ πεφυκότων ἐφιέμενος*. Притомъ Сократъ въ Хармидѣ говоритъ (р. 174. В): «мнѣ, другъ мой, ничего не опредѣлишь; въ отношеніи къ красавцамъ я просто бѣлый сурь; мнѣ почти всѣ въ этомъ возрастѣ кажутся красивыми.»

Въ первой части разговора Сократъ бесѣдуетъ съ однимъ Хармидомъ, который на вопросъ Сократа, что такое разсудительность, произноситъ три различныхъ понятія объ этой добродѣтели. Сперва онъ называетъ ее благопристойною дѣятельностію и тихостію, *τὸ κοσμίως πράττειν καὶ ἡσυχῆ*. Но Сократъ, не говоря ничего о благопристойности, *ἡ κοσμιότης*, такъ какъ она дѣйствительно есть одинъ изъ отличительныхъ признаковъ разсудительности, отвергаетъ только тихость, *τὴν ἡσυχίαν*. Тихость, говоритъ онъ, всегда и во всемъ хуже скорости, слѣдовательно не можетъ быть чертою похвальною и достойною разсматриваемой нами добродѣтели. Потомъ Хармидъ поставляетъ

разсудительность въ стыдливости. Но поеллику стыдливость сама по себѣ имѣеть значеніе неопредѣленное и не всегда одобряется, напри- мѣръ, по словамъ Омира, стыдъ не добро въ человѣкѣ нуждающемся: то Сократъ находитъ и это попятіе недостаточнымъ. Наконецъ юноша предлагаетъ третіе опредѣленіе разсудительности. Я слыхаль, говоритъ онъ, что быть разсудительнымъ, значить дѣлать свое, *τὰ ἑαυτοῦ πράττειν*. Это мнѣніе въ самомъ дѣлѣ было въ ходу у тогдашнихъ философовъ (1), и Платонъ не безъ основанія заставилъ Хармида сказать, что оно заимствовано имъ отъ другихъ. Не безъ причины также Сократъ догадывается, что Хармидъ слышалъ его отъ Критіаса; потому что Критіасъ вообще любилъ науки и, кажется, охотнѣе слушалъ знаменитыхъ софистовъ того времени, чѣмъ Сократа (2). Впрочемъ Сократова догадка оправдывается и тѣмъ, что сынъ Каллесхра съ жаромъ вступился за истинность этого положенія. Но дѣйствительно ли оно истинно?—Надобно замѣтить, что Сократъ опровергаетъ его не какъ ложное, а какъ неопредѣленное, или неточное. Слова: дѣлать свое, говоритъ онъ, походятъ на загадку, то-есть буквально выражаютъ не тотъ смыслъ, который вѣроятно былъ въ умѣ человѣка, произнесшаго

(1) *Plat. Tim.* p. 72. A.

(2) *Plat. Tim.* 20. A. *Protag.* p. 316. A. 336. D. E.

ихъ (1). Держась буквального значенія этихъ словъ, Сократъ умозаключаетъ слѣдующимъ образомъ: кто дѣлаетъ свое, тотъ дѣлаетъ то, что ему принадлежитъ, или его касается; но разсудительный дѣлаетъ свое; слѣдовательно разсудительный дѣлаетъ то, что ему принадлежитъ, или его касается, значить ткеть себѣ платье, шьетъ себѣ башмаки и проч.,—и все только себѣ, а не другимъ. Когда это третіе, предложенное Хармидомъ мнѣніе привело собесѣдниковъ къ столь нелѣпому заключенію; то Критіасъ поспѣшилъ поправить дѣло. Между словами *дѣлать* и *производить*, говоритъ онъ, есть различіе. Я согласенъ, что разсудительный можетъ заниматься и чужимъ; но въ такомъ случаѣ онъ производитъ, а не дѣлаетъ. Производительность иногда бываетъ безчестна, если относится къ предметамъ неизящнымъ: напротивъ дѣло, по словамъ Исіода, всегда честно. Притомъ, произведенное хорошо и съ пользою есть не *чужое произведеніе*, а *своя работа*. Соединяя эти мысли, Сократъ заключаетъ, что подъ именемъ *собственного* и *своего*, Критіасъ разумѣетъ *добро*, и дѣлами называетъ *произведенія людей добрыхъ*; а потому предлагаетъ

(1) Выраженіе: *дѣлать свое*, имѣетъ различныя значенія: 1) дѣлать то, что меня касается, или мнѣ принадлежитъ; 2) жить для себя, а не для общества; 3) жить, какъ мнѣ хочется; 4) исполнять возложенныя на меня обязанности.

вопросъ: точно ли разсудительность есть дѣланіе добра? и такимъ образомъ переходить ко второй части разговора.

Въ этой части Критіасъ сперва утверждаетъ, что человекъ разсудительный дѣлаетъ доброе и полезное: но чрезъ такое понятіе, разсудительность очевидно лишается отличительныхъ своихъ признаковъ, сливается со всеми другими добродѣтелями, становится внѣ отношеній къ чувствованіямъ сердца, вводится въ міръ опыта и дѣлается игрушкою софистики. Посему Сократъ, желая обратить вниманіе собесѣдника на связь ея съ знаніемъ, какъ внутреннею, или духовною принадлежностію каждой добродѣтели, спрашиваетъ его: знаетъ ли дѣлающій доброе и полезное, что онъ разсудителенъ? — и когда тотъ отвѣчалъ положительно, продолжаетъ: а знаетъ ли врачъ, что, пользуя кого-нибудь, онъ дѣйствительно исцѣлитъ его, или художникъ, что его работа непременно доставитъ ему выгоду? — На этотъ вопросъ, разумѣется можно было отвѣчать только словомъ *иногда*; — и Сократъ заключаетъ: слѣдовательно человекъ разсудительный иногда не знаетъ своего, то-есть, того, что онъ разсудителенъ. Явно, что это заключеніе стоитъ въ связи съ предъидущимъ положеніемъ Критіаса. Выше было допущено, что разсудительный дѣлаетъ свое; но кто хочетъ дѣлать свое, тотъ непременно долженъ знать его. Теперь Сократъ

доказать, что разсудительный не всегда знает свое; слѣдовательно онъ не всегда можетъ и дѣлать свое.

Опровергнутый такимъ образомъ, Критіасъ превращаетъ Сократово слѣдствіе и говоритъ: кто не знаетъ своего, тотъ и неразсудителенъ; истинно разсудительный необходимо знаетъ себя, то-есть, дѣлаетъ доброе и полезное не иначе, какъ съ сознаниемъ, и это мнѣніе подтверждаетъ значеніемъ Делфійской надписи. Но Сократъ, предположивъ умственно тройкій смыслъ знанія, а именно: 1) знаніе, какъ форму, 2) знаніе, какъ матерію, или содержаніе и 3) знаніе, какъ произведеніе, или сочетаніе матеріи съ формою, хочетъ изслѣдовать, въ какомъ смыслѣ Критіасъ понимаетъ самознаніе, свойственное человеку разсудительному, и спрашиваетъ: какое благо доставляетъ намъ разсудительность, какъ знаніе себя? Явно, что этотъ вопросъ клонится къ опредѣленію произведенія, или плодовъ, приносимыхъ самознаниемъ. Критіасу надлежало оправдать свое мнѣніе чрезъ приложеніе его къ наукамъ, искусствамъ и практической жизни. Но онъ говоритъ, что въ этомъ отношеніи знанія—не одинаковы: однѣ изъ нихъ производятъ нѣчто осязательное, постигаемое чувствами; а другія дѣлаютъ то, на что, какъ на произведеніе ихъ, указать невозможно. Къ послѣднему роду знаній, по его понятію, относится и разсудительность. Эта мысль конечно

справедлива, но не довольно ясна и заключаетъ въ себѣ болѣе формы, чѣмъ содержанія. По сему Сократъ требуетъ, чтобы Критіасъ опредѣленнѣе указалъ на матерію, или предметъ самознанія. Искусства считать и взвѣшивать, говорить онѣ, не приносятъ плодовъ осязательныхъ; однакожъ числа и тяжести, которыми онѣ занимаются, суть нѣчто отличное отъ нихъ. Скажи же, Критіасъ, что бы такое было отличное отъ разсудительности, съ чѣмъ она имѣетъ дѣло? Этимъ вопросомъ сынъ Каллесхра поставленъ былъ въ необходимость найти послѣдній и частнѣйшій признакъ разсматриваемой добродѣтели въ самомъ предметѣ. Но вотъ отвѣтъ его: прочія искусства, говорить онѣ, суть знанія не себя, а чего-нибудь другаго; одна только разсудительность есть знаніе самой разсудительности и прочихъ знаній. Кто не замѣтитъ съ перваго взгляда, что предметъ разсудительности, какъ самознанія, является здѣсь логическимъ понятіемъ и есть не болѣе, какъ чистая форма, — скелетъ науки, которую Фихте назвалъ философію? И какъ искусно Платонъ обличаетъ заблужденія Сократовыхъ учениковъ, которые, искакая мнѣнія своего учителя, бросали ихъ для потѣхи въ толпу софистовъ! Известно, что Сократъ основывалъ свою философію также на самопознаніи, слѣдовательно почиталъ ея знаніемъ знаній, то-есть наукою человѣческой жизни и дѣятельности въ природѣ внутренней и

вышней. Но сего знанія онъ не отдѣлялъ отъ предметовъ реальныхъ, сей науки не ограничивалъ предѣлами логическихъ понятій: его философія была практическою, его мудрость—аскетикою сердца, его умствованія—душею всѣхъ занятій даже въ самыхъ низшихъ слояхъ опыта. По сему, разсматривая послѣднее, чисто формальное положеніе Критіаса, сынъ Софрониска поставяетъ его въ совершенную противуположность съ своимъ ученіемъ и ищетъ въ немъ именно того, чего ни въ какомъ формализмѣ быть не можетъ, то-есть, возможна ли разсудительность, какъ знаніе разсудительности и другихъ знаній, и какую пользу она принесетъ намъ, когда мы будемъ имѣть о ней такое понятіе.

Приступая къ рѣшенію перваго вопроса, Сократъ предварительно условливается съ Критіасомъ понимать разсудительность не только какъ знаніе знанія и прочихъ знаній, но и какъ знаніе незнанія, потомъ умозаключаетъ слѣдующимъ образомъ: Нѣтъ ни одной душевной силы и ни одной человѣческой дѣятельности, которая не направлялась бы къ извѣстному, отличному отъ себя предмету, а занималась бы собою. Какъ же возможно, чтобы разсудительность, если она есть знаніе знанія и прочихъ знаній, обращалась только къ себѣ и имѣла предметомъ только себя? Обращаясь къ себѣ, она должна быть больше себя; потому

*

что подлежить знанію, которое познаеть ея съ другой стороны, имѣя предметомъ знаніе, она конечно менѣе себя; ибо въ такомъ случаѣ знаніе подчинено ей (1). Притомъ если бы разсудительность, какъ знаніе знанія, была возможна; то она видѣла бы себя подъ какими-нибудь частными чертами, значить отличала бы себя отъ себя. Такъ напримѣръ, если бы зрѣніе видѣло само себя; то безъ сомнѣнія имѣло бы свой цвѣтъ, какъ необходимое условіе зрѣнія. Но это противорѣчитъ принятому положенію, которое, не выходя изъ предѣловъ логической формы, не приписываетъ разсудительности ничего реальнаго. Между тѣмъ надобно быть великимъ человекомъ, говорить Сократъ, чтобы найти въ вещи такія свойства, которыя служили бы ей для ней самой; да и тогда еще осталось бы нерышленнымъ, это ли должно назвать разсудительностію.

(1) Для объясненія сего умозаключенія, мы подвергаемъ такой же критикѣ нравственное начало самоусовершенія: *perficere se ipsum*. Кто стремится усовершенить себя; тотъ долженъ быть уже совершенъ (болѣе себя); потому что видить свои недостатки и умѣть исправить ихъ. Съ другой стороны кто стремится усовершенить себя; тотъ очевидно несовершенъ (менѣе себя); ибо находить, что его качества ниже сознаваемой имъ мѣры совершенства.

Приведенный такими изслѣдованіями въ недоумѣніе, Критіасъ не можетъ сказать ничего дѣльнаго и только словами старается прикрыть свое безсиліе въ рѣшеніи Сократовой задачи. По сему Сократъ обращается къ другому вопросу: полезна ли разсудительность, какъ знаніе знанія и прочихъ знаній, даже самаго незнанія? Предположивъ, что это понятіе справедливо, онъ приписываетъ разсудительному знанію того, что кто знаетъ и чего кто не знаетъ. Критіасъ не давъ надлежащаго вѣса словамъ: *кто* знаетъ и *чего* не знаетъ, охотно соглашается на его заключеніе: обладающій знаніемъ, говоритъ онъ, разумѣется знающъ. Побуждаемый такимъ недоразумѣніемъ Критіаса, Сократъ объясняетъ свою мысль слѣдующимъ образомъ: знаніе, спрашиваетъ онъ, будучи знаніемъ знанія, можетъ ли различать что-нибудь кромѣ того, что это — знаніе, а то — незнаніе? и изъ отрицательнаго отвѣта Критіасова мало помалу выводитъ слѣдствіе, что человѣку разсудительному, поколику онъ имѣетъ только знаніе знаній, а незнакомъ коротко съ самымъ жодержаніемъ ихъ, не можетъ быть извѣстно, *кто* и что именно знаетъ, также *кто* и чего именно не знаетъ; а потому для человѣка разсудительнаго всѣ знанія сливаются въ одно безразличное, логическое знаніе, и всѣ знатоки стоятъ на одной общей степени наукословія

съ незнаючими. Къ чему же ведетъ такая разсудительность? Что въ ней добраго и полезнаго, спрашиваетъ Сократъ? Она приносила бы великую пользу только въ такомъ случаѣ, когда бы знала, кто и что именно знаетъ, кто и чего именно не знаетъ; ибо тогда, съ ея помощію, мы поручали бы исполненіе дѣлъ только людямъ знающимъ, и по тому у насъ все исполнялось бы превосходно.

Впрочемъ положимъ, продолжаетъ Сократъ, что разсудительность, какъ знаніе знаній, дѣйствительно знаетъ, о чемъ кто-нибудь имѣеть познаніе и о чемъ — нѣтъ: но и въ такомъ случаѣ она не сдѣлаетъ насъ счастливыми. Не спорю, что подъ ея руководствомъ, люди пользовались бы здоровьемъ, спасались бы отъ опасностей, носили бы хорошую одежду, обувь и проч.: но все еще они не были бы счастливы; да и опытъ показываетъ, что нѣкоторые художники хотя и обладаютъ знаніемъ своего искусства, однакожъ не наслаждаются благополучіемъ. Скажи же, Критіасъ, спрашиваетъ Сократъ, которое именно знаніе доставляетъ людямъ счастье. — Но Критіасъ не нашелъ ни одного, годнаго для этой цѣли. — По крайней мѣрѣ то, о которомъ я спрашиваю, имѣеть ли какой-нибудь предметъ? — Имѣеть, отвѣчалъ Критіасъ, — добро и зло. Пришедши къ этой мысли Сократъ

заключаетъ, что благополучіе человѣка зависитъ отъ знанія добра и зла, и что прочія знанія тогда только могутъ быть полезны, когда будутъ развиваться подъ его условіемъ. Если же всѣ люди и во всѣхъ родахъ знаній получаютъ пользу только отъ знанія добра и зла; то разсудительность, какъ знаніе знаній, вовсе бесполезна. Замѣчаешь ли, Критіасъ, слабость моихъ изслѣдованій, прибавляетъ Сократъ? Я не умѣю найти пользу даже въ разсудительности, которая безъ сомнѣнія должна быть чѣмъ-то весьма полезнымъ. Явно, что знаніе добра и зла, поставленное Сократомъ выше всякаго знанія, есть то самое здравіе души, та самая гармонія душевныхъ силъ и нравственной дѣятельности человѣка, на которую, какъ на истинную разсудительность, онъ указывалъ еще въ приступѣ къ Хармиду. Это подтверждаетъ и Ксенофонтъ (1). Когда спросили Сократа, говорить онъ, должно ли почестъ мудрыми и разсудительными тѣхъ, которые, зная, что надобно дѣлать, дѣлаютъ противное; то онъ отвѣчалъ, что такіе люди отнюдь не мудры и не разсудительны; ибо изъ дѣлъ возможныхъ, по моему мнѣнію, всѣ охотнѣе совершаютъ дѣла, признаваемые особенно полезными. Здѣсь понятіе

(1) *Xenoph. mem.* III. 9. 4.

пользы Сократъ не отличаетъ отъ понятія добра, что справедливо замѣтилъ и Штейдлинъ (Gesch. d. Moralphilosophie p. 84 sqq.). Въ заключеніе разговора Сократъ снова обращается къ Хармиду и жалуетъ, что отъ Критіасовой разсудительности онъ не получить ничего полезнаго; всего же болѣе жалѣю о томъ, говорить онъ, что и Фракійскій приговоръ оказался пустымъ дѣломъ, или лучше самъ я—плохимъ изслѣдователемъ. По этому, если ты, Хармидъ, дѣйствительно разсудителенъ, то меня почитай болтуномъ, а себя человекомъ счастливѣйшимъ. Но Хармидъ не знаетъ, разсудителенъ онъ, или нѣтъ, и рѣшается подвергнуться дѣйствию Сократова приговора.

Лица разговаривающія:

СОКРАТЬ, ХЕРЕФОНЪ, КРИТІАСЪ, ХАРМИДЪ.

Возвратившись наканунѣ вечеромъ изъ Потидейскаго лагеря, я, послѣ долговременной отлучки, весело сѣвши въ обычные мѣста собранія собесѣдниковъ (1) и между прочимъ зашелъ въ Таврееву палестру, что противъ храма царскаго. Тутъ встрѣтилось мнѣ очень много и незнакомыхъ людей и знакомыхъ. Увидѣвъ меня; неожиданно вошедшаго, они тотчасъ, кто откуда, раскланивались со мною издали; а Херэфонъ, какъ человекъ пылкій (2), выскочивъ изъ толпы, подбѣжалъ ко мнѣ и, схвативъ меня за руку, сказалъ: ахъ, Сократъ! какъ это спасся ты отъ сраженія? Въдѣ едва мы ушли, при Потидеѣ произошла битва, — и находящіеся здѣсь только сей часъ узнали о ней. — Какъ видишь, отвѣчалъ я. — Здѣсь, продолжалъ онъ, объявляютъ, что сраженіе было жаркое и что въ немъ пало много знакомыхъ. — И справедливо объявляютъ, отвѣчалъ

153.

В.

С.

я. — Такъ ты участвовалъ въ битвѣ (3), спросилъ онъ? Конечно участвовалъ. — А! сюда же! садись и рассказывай намъ; потому что мы еще не все ясно знаемъ. — Тутъ онъ привелъ меня къ Критіасу, сыну Калесхрову, и посадилъ. Свѣши подлѣ Критіаса, я приветствовалъ какъ его, такъ и другихъ, и началъ рассказывать имъ о событіяхъ въ лагерь, отвѣчая на вопросы каждаго; а спрашивалъ кто что.

Когда же любопытство наше было удовлетворено; то и я съ своей стороны спросилъ о новостяхъ въ городѣ, о философѣ, въ какомъ она теперь состояніи, и о юношахъ, кто изъ нихъ отличается мудростію, красотою, илѣтѣмъ и другимъ вмѣстѣ. При этомъ вопросъ Критіасъ, взглянувъ на дверь и замѣтивъ ка-
 154. нкихъ — то юношей, входившихъ въ палестру и ссорившихся между собою, а по слѣдамъ ихъ другую толпу, сказалъ: что касается до красавцевъ, Сократъ, то ты, кажется, сей часъ увидишь ихъ. Вотъ эти вонедшіе суть предтечи и друзья того, который почитается красивѣйшимъ. Вероятно и самъ онъ скоро войдетъ. — Да кто же и чей онъ, спросилъ я? — Ты безъ сомнѣнія зналъ его; только до твоего отъѣзда онъ не былъ еще на возрастѣ (4): это
 В. двоюродный братъ мой Хармидъ, сынъ нашего дяди, Главка. — А! точно зналъ. Онъ былъ не дурень и тогда — въ дѣтствѣ, а те-

нерь — въ юношѣствѣ, думаю, сталъ еще лучше. — Вотъ увидишь и возрастъ его и качества, сказалъ онъ. Лишь только Критіасъ произнесъ это, какъ вошелъ и Хармидъ.

Мною, другъ мой, ничего не значишь: въ отношеніи къ красавцамъ я просто бѣлый суръ (5); мнѣ почти всѣ въ этомъ возрастѣ кажутся красивыми. По тому-то я только удивился росту и дородству Хармида; а другіе, по видимому, любили его, ибо когда онъ появился, были поражены и смѣшались. Большая же часть друзей его шла за нимъ. Впрочемъ наше дѣло мужское возбуждало тутъ не много удивленія: я обратилъ свое вниманіе на юношей и замѣтилъ, что никто изъ нихъ, даже самый меньшій, не взглянулъ ни на какой другой предметъ, но всѣ смотрѣли на него, какъ на статую.

Ну что, Сократъ? какъ тебѣ кажется юноша, спросилъ меня Хересонъ? не благообразенъ ли? — Чрезвычайно, отвѣчалъ я. — А если бы онъ захотѣлъ раздѣться (6); то ты забылъ бы и о его лицѣ: такъ статно его тѣло! — Это мнѣніе Хересона подтвердили и другіе. — О Иракль! воскликнулъ я, да такой человекъ, но вашимъ словамъ, непреодолимъ, если, сверхъ сего, онъ обладаетъ еще одною бездѣлицею. — Какою? спросилъ Критіасъ. — Если хорошо образована душа его, сказалъ я. Вѣдь кто изъ вашего дома, Критіасъ; тому, можетъ Б

бить, прилично имѣть и образованную душу. — О, въ этомъ отношеніи онъ также весьма хорошъ и добръ, былъ отвѣтъ. — А что, не раздѣтъ ли намъ ее (7), сказалъ я, и не посмотрѣть ли на нее прежде, чѣмъ на тѣло? Находясь въ такомъ возрастѣ, Хармидъ уже конечно охотникъ разговаривать. — И очень, отвѣчалъ Критіасъ; къ томужъ онъ философъ, да еще и поэтическій (8), какъ инымъ и ему самому кажется. — Вотъ эта-то красота, любезный Критіасъ, перешла къ вамъ издалека, отъ родства съ Солономъ. Такъ потрудись же позвать и покажи юношу; ибо ему, хотя бы онъ былъ и моложе, не стыдно бесѣдовать съ нами при тебѣ, его руководителѣ и двоюродномъ братѣ. — Ты хорошо говоришь; позовемъ. — Малчикъ! крикнулъ онъ слугѣ: позови сюда Хармида, и скажи ему, что я хочу представить его врачу, по случаю болѣзни, на которую онъ недавно жаловался. — Потомъ обратившись ко мнѣ, примолвилъ: Хармидъ, вставши съ постели, въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ тяжесть въ головѣ, и тебѣ ничто не мѣшаетъ показать видъ, будто ты знаешь лекарство для головы. — Конечно ничто не мѣшаетъ, только приди онъ. — А вотъ придетъ сказалъ Критіасъ. — Такъ и случилось. Но своимъ приходомъ Хармидъ возбудилъ сильный смѣхъ; потому что каждый изъ насъ, которые тутъ сидѣли, усердно тѣснѣли своего сосѣда, съ намѣреніемъ очистить

возлѣ себя мѣсто, пока съ концевъ одинъ не всталъ, а другой не свалился на полъ. Пришедшій съл между мною и Критіасомъ. Вотъ тутъ-то, другъ мой, и я уже смѣшался; куда дѣвалась прежняя смѣлость, представлявшая мнѣ бесѣду съ нимъ весьма легкою! А когда Критіасъ сказалъ, что я именно тотъ, который знаетъ лѣкарство, и когда Хармидъ какъ-то неизяснимо посматрѣлъ на меня и будто хотѣлъ что-то спросить, цѣлая же палестра волновалась около насъ большимъ кругомъ; тогда, почтеннѣйшій, я (9).
 вышелъ изъ себя (10), и къ числу мудрѣйшихъ въ любви отнесъ Критіаса (11), который о прекрасномъ мальчикѣ сказалъ: *смотри, чтобъ олень, попавшись на стрѣлу льву, не соѣдался его добычею*. Казалось, что и меня увлекло это животное. На вопросъ Хармида, точно ли мнѣ извѣстно лѣкарство для головы, я едва могъ отвѣчать, что извѣстно. — Какое же это? спросилъ онъ. — Это одинъ листъ, сказалъ я: но къ сему лѣкарству надобно еще присоединить приговоръ; и кто употребляетъ его съ приговоромъ, для того оно дѣйствительно, а безъ приговора не приноситъ никакой пользы. — Такъ я спишу у тебя этотъ приговоръ, сказалъ онъ. — По тому ли, что попросишь меня, или и не прося? — По тому, что попрошу, Сократъ, отвѣчалъ онъ улыбаясь. — Пусть такъ; но ты уже знаешь и

D.

E.

156.

- мое имя? — Иначе я обидѣлъ бы тебя. Между моими сверстниками бываетъ о тебѣ не мало разговоръ; притомъ я еще съ дѣтства помню твоё знакомство съ Критіасомъ. — Хорошо же дѣлаешь ты, сказалъ я; за то тѣмъ смѣлѣе будешь говорить, въ чемъ состоитъ мой приговоръ; только недоумѣваю, какимъ бы образомъ объяснить его силу. Видишь, онъ таковъ; Хармидъ, что не исцѣляетъ одной головы, но дѣйствуетъ, подобно добрымъ врачамъ, которые, какъ и ты можешь быть слышалъ, когда приходятъ къ нимъ кто-нибудь, страдающій глазами, говорятъ ему, что они не могутъ пользоваться одни глаза, что для приведенія ихъ въ здоровое состояніе, должно лѣчить и голову, а лѣчить голову — значитъ одну, саму по себѣ, безъ всего тѣла, было бы крайне неблагоуразумно. По этой причинѣ, они предписываютъ діету цѣлому тѣлу и въ цѣломъ стараются уврачевать часть его. Или ты, можешь быть, не знаешь, что такъ говорятъ и такъ бываетъ (12)? — Нѣтъ знаю. — А одобряешь ли это сужденіе и принимаешь ли его? — Всего болѣе, отвѣчалъ онъ. —
- D. Слыша, что онъ хвалитъ меня, я сдѣлался бодрѣе, мало по малу возвратилъ прежнюю свою смѣлость и воодушивившись, сказалъ: Такъ вотъ же сущность приговора, Хармидъ. Я узналъ его въ лагерь отъ Фракіяна, одного изъ врачей Замолксисовыхъ (13), которые будто

бы дѣлають людей безсмертными. Этотъ Ора-
 кіецъ признавался, что Греческіе врачи хо-
 тя и правы въ томъ, о чемъ я сейчасъ ска-
 залъ, однакожь замолксясь, царь и богъ нашъ, Е.
 говорилъ онъ, возвѣщаетъ, что какъ глаза не
 должно лечить безъ головы, а голову безъ тѣ-
 ла, такъ и тѣло не надобно лечить безъ души.
 По тому-то отъ вниманія Эллинскихъ врачей и
 ускользають многія болѣзни, что они не зна-
 ютъ цѣлаго, о которомъ надлежитъ имѣть ста-
 раніе: когда же цѣлое не хорошо, то и часть хо-
 рошею быть не можетъ. Все — и добро и зло,
 какъ для тѣла, такъ и вообще для человѣка,
 по его словамъ, идетъ изъ души и оттуда
 притекаетъ, будто отъ головы къ глазамъ. И- 157.
 такъ, кто хочетъ привести въ хорошее состоя-
 ніе головные и другіе органы, тотъ долженъ
 прежде и болѣе всего врачевать душу. Но вра-
 чевать ее, другъ мой, надобно нѣкоторыми
 приговорами, продолжалъ онъ; а эти пригово-
 ры суть прекрасныя рѣчи(14). Дѣйствіемъ ихъ
 вселяется въ душу разсудительность: а когда
 она вселена въ нее и присуща ей; то уже лег-
 ко бываетъ доставить здравіе и голову, и дру-
 гимъ частямъ тѣла. Открывъ мнѣ такое лекар- В.
 ство и приговоры, онъ сказалъ: смотри же, да
 не убѣдитъ тебя никто врачевать этимъ голо-
 ву, пока не рѣшится сперва лечить твоими
 приговорами свою душу; ибо нынѣшнее за-
 блужденіе людей въ томъ и состоитъ, что нѣ-

которые хотятъ быть врачами, не употребляя одного изъ сихъ средствъ. При этомъ онъ очень строго приказалъ мнѣ не слушать ни богатаго, ни благороднаго, ни красиваго, и ни кого, кто сталъ бы убѣждать меня дѣлать иначе. Вотъ я и буду вѣренъ его приказанію, да и поклялся, не лѣзя не быть вѣрнымъ. Пожалуй предпишу лекарство и для твоей головы, если, по наставленію иностранца, согласишься сперва подчинить свою душу дѣйствию Фракійскихъ приговоровъ. А когда не согласишься, то я уже и не знаю что съ тобою дѣлать, любезный Хармидъ.

Выслушавъ мои слова, Критіасъ сказалъ: значить головная боль была бы для нашего юноши Эрміевымъ (15) сокровищемъ, если бы, благодаря головъ, онъ принужденъ былъ сдѣлаться лучшимъ по уму. Впрочемъ увѣряю тебя, что Хармидъ превосходитъ своихъ сверстниковъ не только наружностію, но и тѣмъ самымъ, касательно чего у тебя есть приговоръ. Вѣдь ты, кажется, назвалъ это разсудительностію: не правдали? — Точно такъ сказалъ я. — Знай же, что онъ гораздо разсудительнѣе нынѣшнихъ юношей, да и по всему другому, что сообразно съ его возрастомъ, никого не хуже — Тебѣ и прилично, Хармидъ, сказалъ я, въ этихъ отношеніяхъ быть превосходнѣе прочихъ; ибо не думаю, чтобы кто-нибудь здѣсь легко указалъ на такіе два Аѳинскіе дома,

которые соединившись, рождали бы дѣтей, по видимому, прекраснѣе и лучше, чѣмъ дома, давшіе тебѣ бытіе. Домъ вашего предка по отцовскому колену, Критіаса, сына Дропидова, прославленный, какъ извѣстно, и Анакреономъ и Солономъ, и многими другими поэтами, отличается красотой, добродѣтелию и такъ называемымъ благодѣнствіемъ. То же должно сказать 158. и о домѣ вашей матери; ибо на твердой землѣ (16), говорятъ, не было человѣка прекраснѣе и виднѣе твоего дяди Перилампа, когда онъ находился тамъ въ качествѣ посла — то при дворѣ великаго царя, то при какомъ-нибудь иномъ. Взятый же въ цѣломъ, вашъ домъ ни въ чемъ не уступаетъ другимъ. Имѣя такое-то происхожденіе, тебѣ естественно быть по всему первымъ. И дѣйствительно, что касается до наружности, любезный сынъ Главка; то в. ты, кажется, не стыдишь ни кого изъ своихъ предковъ: а если еще и по всему другому не менѣе совершенъ; то мать твоя, любезный Хармидъ, родила тебя счастливымъ. Теперь дѣло таково: если ты уже разсудителенъ, какъ говоритъ Критіасъ, и достаточно благоразуменъ; то не имѣешь надобности въ приговорахъ ни Замолксиса, ни Авариса Иперборейца (17); лекарство для головы должно даваться с. тебѣ само собою. Но когда ты какъ будто еще чувствуешь въ немъ нужду; то прежде лѣкарства требуются приговоры. И такъ скажи мнѣ

самъ: подтверждаешь ли прежнее? думаешь ли, что у тебя достаточно разсудительности, или чувствуешь въ ней нужду? — Хармидъ сперва покраснѣлъ и сталъ еще лучше, ибо стыдливость идетъ къ его возрасту; потомъ не безъ благородства отвѣчалъ (18), что въ настоящее время не легко ему сказать на вопросъ и да и нѣтъ. Если я не признаю себя разсудительнымъ, говорилъ онъ; то, подавая мнѣнiе, неблагопрiятное самому себѣ, покажусь страннымъ и оболгу (19) какъ Критiаса, такъ и многихъ другихъ, которые, согласно съ его отзывомъ, почитаютъ меня разсудительнымъ: а когда признаю и начну хвалиться; то можетъ быть возбужу противъ себя ненависть. По сему мнѣ нечего отвѣчать тебѣ. — На это я сказалъ, что Хармидъ, повидимому, говоритъ дѣло: кажется, надобно разсмотреть съобща, другъ мой, прiобрѣлъ ли ты, или не прiобрѣлъ то, о чемъ спрашивается, чтобы и тебя не неводить говорить, чего не хочешь, и мнѣ не прибѣгать къ лъварству неосмотрительно. И такъ, если тебѣ прiятно, то я готовъ изслѣдовать это вмѣстѣ съ тобою; а когда нѣтъ, то оставимъ. — Мнѣ всею прiятнѣе, отвѣчалъ онъ; и по тому, какъ самъ лучше думаешь изслѣдовать, такъ и изслѣдывай. — Приличнѣйшiй образъ изслѣдованiя этого предмета, сказалъ я, кажется, вотъ какой. Явно, что если есть у тебя разсудительность, то есть и нѣкоторое понятiе о ней; ибо

находясь въ комъ-нибудь, она необходимо внушаетъ известное чувство; а изъ чувства развивается у тебя и понятіе, что такое разсудительность и какова она. Или ты не думаешь? — Нѣтъ, думаю, отвѣчалъ онъ. — По этому тебѣ, умѣя говорить по-гречески, хотъ бы и выразить то самое, что думаешь, то-есть, что она такое? — Можетъ быть. — Такъ вотъ же мы и узнаемъ, есть ли у тебя разсудительность, или нѣтъ: скажи только, что она такое, по твоему мнѣнію? — Хармидъ сперва в. призадумался и не очень хотѣлъ отвѣчать, но потомъ сказалъ, что разсудительность, кажется, есть благопрістойная дѣятельность и тихость въ ходѣхъ по дорогамъ, въ разговорѣ и во всемъ другомъ. Цѣль твоего вопроса, прибавилъ онъ, повидимому, вообще есть нѣкоторая тихость.

Можетъ быть ты и хорошо говоришь (20), сказалъ я; разсудительныхъ, Хармидъ, въ самомъ дѣлѣ называютъ тихими: однакожь посмотримъ, заключается ли что-нибудь въ этомъ понятіи. Скажи мнѣ: разсудительность не изъ с. похвальныхъ ли дѣлъ? — И очень изъ похвальныхъ, отвѣчалъ онъ. — Но въ школѣ грамматиста весьма похвально списывать буквы скоро, или тихо? — Скоро. — А читать скоро, или медленно? — Скоро. — Равно и играть на цитрѣ, и бороться — гораздо лучше быстро, чѣмъ тихо и медленно? — Да. — Ну, а состязаться на

кулакахъ и подвизаться во всѣхъ родахъ гимнастики — не такимъ же ли образомъ? — Конечно. — И бѣгать, и прыгать, и дѣлать всѣ тѣлесныя движенія не почитается ли свойствомъ похвальнымъ, когда это совершается быстро и скоро, а постыднымъ, когда медленно, непроворно, тихо (21)? — Кажется. — Слѣдственно намъ кажется и то, сказалъ я, что, въ отношеніи къ тѣлу, не тихость, а скорость и быстрота есть дѣло самое похвальное? Не такъ ли? — И очень. — Но вѣдь разсудительность похвальна? — Да. — Если же она похвальна; то, въ отношеніи къ тѣлу, должна быть разсудительнѣе не тихость, а скорость. — Надлежало бы, отвѣчалъ онъ. — А что? спросилъ я: въ ученіи похвальнѣе острота, или тупость? — Острота. — Не правда ли, что въ ученіи быть острымъ, значить учиться скоро, а быть тупымъ, значить учиться тихо и медленно? — Да. — И учить другаго не похвальнѣе ли скоро и сильно, чѣмъ тихо и медленно? — Конечно. — Что еще? припоминать и удерживать въ памяти похвально ли тихо и медленно, или скоро и 160. сильно? — Сильно и скоро, сказалъ онъ. — Вѣдь остроуміе, безъ сомнѣнія, есть нѣкоторая быстрота, а не тихость души? — Правда. — Слѣдовательно весьма похвально замѣчать наставленія грамматиста, цитриста и всякаго другаго, какъ можно скорѣе, а не какъ можно тише. — Да. — По этому въ душевной дѣятельности и

совѣщаніи достойнъ похвалы, думаю, не тотъ, кто тихо, съ трудомъ совѣтуетъ и избобрѣтаетъ, а тотъ, кто дѣлаетъ это легко и скоро.—Точно такъ, сказалъ онъ. — Значитъ все, совершаемое скоро и быстро, какъ въ отношеніи къ душѣ, такъ и въ отношеніи къ тѣлу, кажется намъ, Хармидъ, гораздо похвальнѣе, чѣмъ то, что совершается медленно и тихо? — Должно быть, отвѣчалъ онъ. — А изъ этихъ словъ слѣдуетъ, что разсудительность нельзя назвать какою-то тихостію, и жизнь разсудительную жизнью тихою, какъ скоро, будучи разсудительною, она должна быть похвальна. Тутъ одно изъ двухъ: тихія дѣла или никогда, или весьма рѣдко въ жизни выходятъ лучше скорыхъ и сильныхъ. Да если бы, другъ мой, тихихъ, достойныхъ похвалы, открыть и не менѣе, чѣмъ сильныхъ и скорыхъ; и тогда неразсудительно было бы предпочитать дѣятельность болѣе тихую, дѣятельности скорой и сильной, въ ходьбѣ ли то, въ разговорѣ, или въ чемъ другомъ (22); и тогда тихую жизнь не слѣдовало бы представлять себѣ разсудительнѣе не тихой; потому что разсудительность мы причислили къ дѣламъ похвальнымъ; а скорое было бы столь же похвально, какъ и тихое. — Ты Сократъ, кажется, говоришь справедливо, сказалъ онъ.—

И такъ, Хармидъ, размысли опять, всмотрись въ самага себя, подумай, какимъ дѣлаетъ тебя твоя разсудительность и какова она, если

такимъ тебя дѣлаетъ. Соединивъ въ умѣ всѣ эти обстоятельства, скажи прямо и смѣло, чѣмъ она тебѣ кажется. — Тутъ Хармидъ пріостановился и, мужественно вошедши въ себя, сказалъ: разсудительность, повидимому, заставляетъ стыдиться, дѣлаетъ человека отыдливымъ и есть то же, что стыдъ. — Пусть такъ; но недавно ты призналъ ее похвальною? — Конечно, отвѣчалъ онъ. — Следовательно люди разсудительные суть также и добрые? — Да. — А можетъ ли быть добромъ то, что дѣлаетъ недобрымъ? — Отнюдъ нѣтъ. — Между тѣмъ разсудительность есть дѣло не только похвальное, но и доброе. — Кажется. — Что же? значить ты не вѣришь, что Омиръ (23) хорошо говоритъ: *стыдъ не добро въ человѣкѣ нуждающемуся?* — Нѣтъ, вѣрю, отвѣчалъ онъ. — Такъ видно стыдъ добро и не добро? — Видно такъ. — Но разсудительность вѣдь добро, если она тѣхъ людей, которымъ присуща, дѣлаетъ добрыми, а не худыми. — Мнѣ кажется, ты говоришь правду. — Когда же разсудительность добро, а стыдъ не болѣе добро, какъ и зло; то первую нельзя назвать послѣднимъ. — Все это, повидимому, справедливо, Сократъ; но разсмотри еще слѣдующее понятіе о разсудительности: какъ оно тебѣ кажется?

Я сей-часъ вспомнилъ чьи-то слова, что быть разсудительнымъ, значить дѣлать свое. Разсмотри-ка, хорошо ли это сказано. — О лу-

кавецъ! воскликнулъ я; ты вѣрно слышалъ отъ С. Критіаса, или отъ какого-нибудь другаго мудреца! — Развѣ отъ другаго, примомвилъ Критіасъ, а ужь никакъ не отъ меня. — Да какая нужда, Сократъ, сказалъ Хармидъ, отъ кого бы я ни слышалъ. — Разумвется никакой; ибо не то, безъ сомнѣнія, надобно изслѣдовать, кто говорилъ, а то, истинно, или нѣтъ изреченіе. — Вотъ теперъ твоя правда, сказалъ онъ. — Да, клянусь Зевсомъ. Однакожь было бы удивительно, если бы мы открыли настоящій смыслъ его; видишь, оно походить на загадку. — Почему же такъ, спросилъ онъ? — По тому, отвѣчалъ я, что въ выраженіи «разсудительность D. есть дѣланіе своего» слова, значать не то, что мыслилъ произносившій ихъ. Думаешь ли, что грамматистъ ничего не дѣлаетъ, когда пишетъ, или читаетъ? — Думаю, дѣлаетъ. — А кажется ли тебѣ, что онъ пишетъ и читаетъ только свое имя и васъ дѣтей учить тому же (24)? Или вы столько же писали имена враговъ, сколько друзей и свои собственные? — Конечно столько же. — Но, дѣлая это, вы хватались за E. многое и не были разсудительны? — Никакъ. — И однакожь дѣлали - то не свое, если только писать и читать значить что-нибудь дѣлать. — Безъ сомнѣнія. — Равнымъ образомъ, другъ мой, врачевать, стронть, ткать, вообще производить извѣстную вещь въ какомъ бы то ни было родѣ искусствъ называется что-нибудь дѣлать. —

И очень. — Но что? хорошо ли, по твоему мнѣнію, управлялъ бы обществомъ тотъ законъ, который предписывалъ бы каждому ткать и мыть для себя платье, шить себѣ башмаки, 169. готовить масляные сосуды, головныя повязки и другое тому подобное, — вообще чужаго не касаться, а дѣлать всякому свое? — Не думаю, отвѣчалъ онъ. — Однакожъ такое общество, живя разсудительно, жило бы вѣдь очень хорошо. — Какъ же иначе, сказалъ онъ. — Такъ выходитъ, что подобное дѣланіе своего не можетъ быть названо разсудительностію. — Да, выходитъ. — То-то и есть; я и прежде сказалъ, что слова «разсудительность есть дѣланіе своего» загадочны. Произнесшіи ихъ видно были не такъ-то просты. Или ты, Хармидъ, слышалъ ихъ отъ какого-нибудь простака? — Все го менѣе; онъ казался мнѣ даже очень мудрымъ. — Слѣдовательно тѣмъ вѣроятнѣе, что его изреченіе, какъ я думаю, загадка; по тому-то и трудно понять, что значить «дѣлать свое.» — Вѣроятно, сказалъ онъ. — Такъ что же бы значило «дѣлать свое?» Объяснишь ли ты? — Не умѣю, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ онъ. Впрочемъ можетъ быть (что удивительнаго!) и тотъ не понималъ этихъ словъ, кто сказалъ ихъ. — Выговоривъ это, онъ улыбнулся и взглянулъ на Критіаса.

Между тѣмъ явно было, что Критіасъ давно уже борется съ самимъ собою и сильно

желаетъ похвастаться предъ Хармидомъ и при- С.
 сутствующими. Досель онъ таки кое-какъ удерживался, но тутъ уже не вытерпѣлъ. По этому мнѣ кажется весьма справедливымъ свое предположеніе, что тотъ отвѣтъ о разсудительности Хармидъ слышалъ отъ Критіаса. Не рѣшаясь самъ дать отчетъ въ изреченіи (35), онъ подстрекнулъ своего брата и указалъ на него, какъ на обличеннаго. А этотъ не выдержалъ и, повидимому, D.
 досадовалъ на Хармида, будто поэтъ на актера, когда онъ худо декламируетъ его стихотвореніе (36). По сему, взглянувъ на него значительно, Критіасъ сказалъ: тебѣ-то такъ кажется, Хармидъ, что если самъ ты не знаешь мысли чловѣка, который разсудительность поставлялъ въ дѣланіи своего, то уже и онъ не знаетъ. — Но вѣдь ему въ такой молодости и не удивительно не знать этого, любезный Критіасъ, сказалъ я. Вотъ тебѣ, и по возрасту и по твоимъ занятіямъ, знать это конечно естественно. E.
 И такъ если ты согласенъ, что разсудительность надобно разумѣть въ самомъ дѣлѣ такъ, какъ онъ опредѣлилъ ее; если ты принимаешь его слово: то я съ особеннымъ удовольствіемъ желалъ бы вмѣстѣ съ тобою изслѣдовать, истинно или нѣтъ это опредѣленіе. — Да, я очень согласенъ и принимаю, отвѣчалъ Критіасъ. — Хорошо; скажи же мнѣ, согласенъ ли ты и въ томъ, о чемъ я недавно спрашивалъ, что то-есть всѣ художники производятъ нѣчто? — Разумѣется. —

163. Но какъ тебѣ кажется: свое ли только производятъ они, или и чужое? — И чужое. — По этому они разсудительны, производя и не свое? — Что же препятствуетъ, спросилъ онъ? — Мнѣ-то ничто, сказалъ я; но смотри, не препятствуетъ ли что-нибудь тому, кто, положивъ разсудительность въ дѣланіи своего, потомъ говорить, что нѣтъ никакого препятствія быть разсудительнымъ, дѣлая и чужое. — Да, можетъ быть, я призналъ разсудительными дѣлающихъ
- в. чужое, а признавалъ ли производящихъ? — Но развѣ, по твоему мнѣнію, *производитъ* (*ποιεῖν*) и *дѣлать* (*πράττειν*) не одно и то же? — Конечно, равно какъ *работать* (*ἐργάζεσθαι*) и *производитъ* (*ποιεῖν*). Я узналъ это у Исіода, который сказалъ: *никакая работа не есть безчестіе* (37). Думаешь ли, что онъ не почелъ бы ни для кого безчестнымъ шить обувь, продавать соленую рыбу, или сидѣть въ лавочкѣ (38), еслибы слова *работать* и *дѣлать* относились къ такимъ вещамъ, о которыхъ ты сей-часъ говорилъ? Вѣдомо не такъ (39), Сократъ; производительность онъ вѣроятно различалъ отъ дѣланія и работы, и произведеніе почиталъ иногда безчестнымъ, какъ скоро оно относилось къ предметамъ неизящнымъ, а въ работѣ не видѣлъ ничего безчестнаго, и по тому, что производимо было хорошо и съ пользою, называлъ работами, трудами и дѣлами. Только такія дѣла, по его мнѣнію, и надобно почи-

татъ своиими; а всѣ вредныя суть чужія. И такъ, согласно съ Исидомъ и другими благо-разумными людьми, разсудительнымъ должно называть того, кто дѣлаетъ свое. — О Критіасъ! D. сказалъ я: почти при самомъ началѣ твоей рѣчи можно было замѣтить, что подѣ именемъ *собственнаго* и *своего* ты разумьешь *добро*, и произведенія людей добрыхъ называешь *дѣлами*. О различеніи — то именъ я вѣдь слыхалъ отъ Продика много дивнаго. Впрочемъ уступаю тебѣ: понимай каждое изъ нихъ, какъ хочешь, только объявляй, въ какомъ смыслѣ принимаешь употребляемое тобою слово.

Теперь опредѣли сначала и пояснѣ: точно ли, E. по твоему мнѣнію, разсудительность есть дѣланіе, или произведеніе (назови какъ угодно) добра? — Да, я такъ думаю, сказалъ онъ. — Следовательно разсудителенъ не тотъ, кто дѣлаетъ зло, но тотъ, кто добро? — А тебѣ, любезный, развѣ иначе кажется, спросилъ онъ? — Пстой, сказалъ я; рѣчь не о томъ, что кажется мнѣ, но о томъ, что говоришь ты. — Да я того не называю разсудительнымъ, кто дѣлаетъ не добро, а зло: по моему, разсудителенъ тотъ, кто дѣлаетъ не зло, а добро. Опредѣляю ясно: разсудительность есть дѣланіе добра. — Можетъ быть тебѣ 164. въ самомъ дѣлѣ ничто не мѣшаетъ говорить правду; однакожъ удивительно, если ты думаешь, что люди разсудительные не знаютъ того, что они разсудительны. — Но я такъ не ду-

- маю. — Между тѣмъ немного прежде, продолжалъ я, тобою было сказано, что художникамъ, хотя они производятъ и чужое, ничто не препятствуетъ быть разсудительными. — Да, было сказано; такъ чтожь? — Ничего. Говори, кажется ли тебѣ хоть отчасти, что врачъ, исцѣляя кого-нибудь, приноситъ пользу и себѣ и тому, кого исцѣляетъ? — Кажется. — Слѣдовательно дѣлающій это, дѣлаетъ что должно? — Да. — А дѣлающій что должно, не разсудителенъ ли? — Конечно разсудителенъ. — По этому врачъ необходимо знаетъ, когда онъ лѣчитъ съ пользою и когда нѣтъ, равно какъ и всякій художникъ, — когда будетъ выгода отъ его работы и когда не будетъ? — Можетъ быть и не необходимо. — Значить иногда, дѣйствуя съ пользою, или вредомъ, врачъ не знаетъ своего, какъ онъ дѣлаетъ; хотя, дѣйствуя съ пользою, поступаетъ, какъ ты сказалъ, разсудительно. Или ты такъ не говорилъ? — Говорилъ. — Слѣдовательно, иногда, дѣйствуя съ пользою, онъ, при всей своей разсудительности, не знаетъ своего, того то-есть, что онъ разсудителенъ. — Но этого, Сократъ, быть не можетъ, сказалъ Критіасъ. Если же ты пришелъ къ сему заключенію необходимо, на основаніи чего-нибудь въ прежде допущенныхъ мною положеніяхъ; то я скорѣе пересмотрю ихъ и не постыжусь признаться, что утверждалъ несправедливо, нежели соглашусь, что человекъ, не знающій самаго себя, разсуди-
- В.
- С.
- Д.

теленъ: ибо моя мысль о разсудительности почти сходится съ мыслию о самопознаніи и не отличается отъ надписи, сдѣланной въ Дельфахъ. Эта надпись, мнѣ кажется, есть привѣтствіе бога къ входящимъ, употребленное тамъ вмѣсто «радуйся» (*χαίρει*); потому что привѣтствіе «радуйся» несправедливо; не того надобно желать другъ другу, а разсудительности. Такимъ образомъ Богъ совѣтуетъ входящимъ нѣчто отличное отъ совѣта человѣческаго. И эту-то мысль, повидимому, имѣлъ въ умѣ чевѣкъ, посвятившій Дельфамъ свою надпись (31); то-есть, онъ всегда и всякому входящему говорить: будь разсудителенъ. Его слова, какъ слова прорицателя, конечно загадочны; познавай самого себя и будь разсудителенъ, безъ сомнѣнія, суть одно и то же: что утверждаетъ надпись, то утверждаю и я. Уже въ послѣдствіи нѣкоторые начали оразнообразивать ея значеніе, что, какъ видно, дѣлали и позднѣйшіе посвятители надписей: *ничего слишкомъ и порука возмъ измѣны*; ибо слова «познавай самого себя» принимая за совѣтъ, а не за привѣтствіе бога входящимъ, они и сами написали и посвятили Дельфамъ не менѣе полезные совѣты. Все это я говорю, Сократъ, вотъ для чего: въ прежнемъ уступаю тебѣ; объ этомъ иное, можетъ быть, правильно сказалъ ты, иное — я; но въ нашихъ словахъ не было надлежащей ясности. Теперь, если ты не согласенъ, что разсудительность есть

165.

В

знаніе самаго себя, я хочу тебѣ доказать это:

Но ты, Критіасъ, такъ относись ко мнѣ, какъ будто я приписываю себѣ знаніе того, о чемъ спрашиваю, и, если захочу, могу согласиться съ тобою (зз. Совсѣмъ не то: спрашивая тебя, я только изслѣдываю предметъ, по тому

C. что самъ не знаю его, и уже по изслѣдованіи объявлю, принимаю ли его, или непринимаю. Подожди же, пока изслѣдую. — Такъ изслѣдывай, сказалъ онъ. — Конечно буду изслѣдывать; и вотъ слушай. Если быть разсудительнымъ, значить дѣйствительно познавать что-нибудь; то подъ разсудительностію должно разумѣть, очевидно, нѣкоторое чего-нибудь знаніе. Не такъ ли?—Да, и именно знаніе себя, отвѣчалъ онъ.—Такимъ образомъ врачебное искусство есть знаніе здоровья, сказалъ я?—И очень.—Теперь, если бы ты спросилъ меня: врачебное искусство, какъ знаніе здоровья, какую приносить намъ пользу и что дѣлаетъ? я отвѣчалъ бы, что оно

D. оказываетъ не маловажную услугу: плодъ его дѣятельности есть хорошее здоровье. Принимаешь ли это?—Принимаю.—По томъ, если бы ты спросилъ меня: искусство строительное, какъ знаніе строить, какимъ дѣломъ занимается? я отвѣчалъ бы: строеніемъ домовъ. То же и касательно прочихъ искусствъ. Отвѣчай же, Критіасъ, и ты на мой вопросъ. По твоему мнѣнію, разсудительность есть знаніе себя: но, какъ знаніе себя, что дѣлаетъ оно хорошаго и сообразнаго

съ своимъ именемъ? Скажи-ка это.—Да ты, Со- В.
 кратъ, неправильно изслѣдываешь, возразилъ
 онъ. Разсудительность, по своему свойству, не
 походить на прочія знанія; равно какъ и про-
 чія знанія не сходны между собою: а ты спра-
 шиваешь о нихъ, какъ о подобныхъ. Говори
 мнѣ, продолжалъ онъ: работа искусства щетнаго,
 или геометрическаго, такова ли, какъ домъ —
 строительнаго, одежда—ткацкаго, или другія по-
 добныя работы? На послѣднія, сколько бы ихъ
 ни было по числу искусствъ, всякій можетъ у-
 казать; а укажешь ли на которую-нибудь изъ 168.
 первыхъ? вѣрно не укажешь.—Правда, отвѣчалъ
 я; однакожь могу указать, къ чему, отличному
 отъ самаго знанія, относится каждое изъ этихъ
 знаній. Такъ напримѣръ, щетное относится къ
 опредѣленію равныхъ и неравныхъ величинъ, то-
 есть, къ опредѣленію ихъ связи и взаимной за-
 висимости. Не правда ли?—И очень, отвѣчалъ
 онъ.—А числа, неравное и равное, вѣдь отличны
 отъ искусства щетнаго?—Какъ же не отличны.—
 Такимъ же образомъ искусство взвѣшивать (*στα- В.
 τή*) есть знаніе тяжелаго и легкаго: но тяжелое
 и легкое отличны отъ искусства взвѣшивать.
 Согласенъ ли?—Согласенъ.—Скажи же: и раз-
 судительность конечно есть знаніе чего-нибудь,
 что отлично отъ самой разсудительности?—
 Это такъ, Сократъ; твои изслѣдованія дѣйстви-
 тельно привели тебя къ тому, чѣмъ разсуди-
 тельность отличается отъ всѣхъ знаній. Но ты

- искалъ какого-то сходства между первым и последними; а въ этомъ отношеніи уже не такъ. Прочія искусства суть знанія не себя, но чего-нибудь другаго: одна только разсудительность есть знаніе, какъ всѣхъ знаній, такъ и самой себя. И это отнюдь не могло скрыться отъ тебя: вѣтъ, ты, кажется, утверждаешь то, что недавно отвергалъ; ты выпустилъ изъ вида содержаніе рѣчи, лишь бы опровергнуть меня.— Какъ тебѣ думать, что я, хотя бы и дѣйствительно опровергалъ тебя, дѣлалъ это для кабой-нибудь другой причины, а не для испытанія себя и словъ своихъ,—не изъ боязни, забыв-
- D. шись, почестъ себя знатокомъ того, что мнѣ неизвѣстно! Снова утверждаю, что дѣлаю это, то-есть, изслѣдываю предметъ, преимущественно для себя, можетъ быть также и для друзей своихъ. Развѣ ты не вѣришь, что для всѣхъ людей—одно общее благо: имѣть ясное понятіе о каждой вещи, какова она?—О, въ этомъ я совершенно увѣренъ, Сократъ, сказалъ онъ.—Будь же смѣлѣе, почтеннѣйшій; отвѣчай на вопросы, какъ тебѣ кажется, не заботясь о томъ,
- E. кто будетъ опровергнуть, Критіасъ или Сократъ; обращай вниманіе только на самую рѣчь и смотри, къ чему придетъ опровергнутый.— Хорошо, постараюсь, сказалъ онъ; ибо ты, кажется, говоришь дѣло.—

И такъ скажи, продолжалъ я: какъ ты думаешь о разсудительности?—Я думаю, отвѣчалъ

онъ, что разсудительность есть такое знаніе, которое, одно изъ всѣхъ, знаетъ и себя и другія знанія. — Не есть ли она также знаніе и незнанія, если ты называешь ее знаніемъ знанія? — Конечно, сказалъ онъ. — По этому одинъ только разсудительный будетъ знать самъ себя, 167. получить возможность испытать, что знаетъ онъ и чего нѣтъ, и такимъ же образомъ — изслѣдовать другихъ, кто что знаетъ и увѣренъ въ своемъ знаніи, кто приписываетъ себѣ известное знаніе и не имѣетъ его; а изъ прочихъ людей — никто. То-есть, быть разсудительнымъ, или разсудительность есть самознаніе, знаніе того, что знаешь, и того, чего не знаешь. Это ли говоришь ты? — Это, отвѣчалъ онъ. — Такъ изслѣдуемъ же опять сначала, въ третій и послѣдній разъ (34), во первыхъ, возможно ли это, или нѣтъ, то-есть, что-нибудь зная, или чего-нибудь не зная, возможно ли знать, что одно знаешь, а другаго не знаешь; во вторыхъ, возможно ли особенно, чтобы это знаніе принесло намъ какую-нибудь пользу. — Да, надобно изслѣдовать, сказалъ онъ. — Изслѣдуй же Критіасъ, не способнѣ ли ты меня въ этомъ отношеніи? я запутался, и сказать ли, какъ? — Скажи. — Не правда ли, что все, о чемъ ты сей часъ упоминалъ, какъ о несомнѣнномъ, есть одно какое-то знаніе, — знаніе не того или другаго, но себя и прочихъ знаній, даже самаго незнанія? — Правда. — Смотри же,

другъ мой, какую странность хотимъ мы утверждать. Попытаемся приложить это самое къ различнымъ вещамъ, и ты думаю встрѣтишь невозможность.—Какую же и въ чемъ? — Вотъ въ чемъ: посуди пожалуй, можешь ли ты представить себѣ зрѣніе, которое не было бы зрѣніемъ вещей, доступныхъ прочимъ зрѣніямъ, но было бы только зрѣніемъ себя и другихъ

D. зрѣній, даже и не зрѣній, которое не видѣло бы никакихъ цвѣтовъ, но видѣло бы себя и другія зрѣнія? Можешь ли представить это?— Нѣтъ, клянусь Зевсомъ.—А слухъ, который бы не слышалъ никакихъ звуковъ, но слышалъ бы себя и другіе слухи, даже и не слухи? — И этого не могу. — Пересмотри всѣ вообще чувства: представляешь ли ты себѣ хоть одно изъ нихъ, которое было бы чувствомъ себя и другихъ чувствъ, а предметовъ, ощущаемыхъ прочими чувствами, не чувствовало бы?— Не представляю. — Равнымъ образомъ, допускаешь ли какое-нибудь желаніе сердца, которое не было бы желаніемъ удовольствія, но было бы желаніемъ себя и другихъ желаній?—Отнюдь нѣтъ. — Не допускаешь и хотѣнія, которое не хотѣло бы ничего добраго, но хотѣло бы себя и другихъ хотѣній? — Безъ сомнѣнія. — А можешь ли указать на какую-нибудь любовь, которая не любила бы ничего прекраснаго, но любила бы себя и всякую другую любовь? — Не могу. — Равно, воображалъ ли ты себѣ какой-нибудь

страхъ, который страшился бы себя и другихъ 168.
 страховъ, а предметовъ опасныхъ не страшил-
 ся бы? — Не воображалъ. — Также и мнѣнія о
 себѣ самомъ и о другихъ мнѣніяхъ, которое
 однакожь не было бы мнѣніемъ о томъ, къ
 чему относятся другія мнѣнія? — Никакъ. —
 Между тѣмъ знаніе мы, кажется, назвали та-
 кимъ, которое, не будучи знаніемъ предметовъ
 познаваемыхъ, есть знаніе себя и другихъ зна-
 ній. — Да, назвали. — Но не странно ли, если
 оно таково? ибо мы не должны утверждать,
 что оно не таково, а обязаны изслѣдовать, та-
 ково ли оно въ самомъ дѣлѣ. — Правда. — Смо- В.
 три же, это знаніе есть знаніе чего-нибудь и
 заключаетъ въ себѣ свойство быть знаніемъ
 чего-нибудь. Не такъ ли? — Такъ. — Большему
 мы вѣдь приписываемъ такое свойство, по ко-
 торому оно есть больше чего-нибудь. — При-
 писываемъ. — А когда будетъ большее, то бу-
 детъ и меньшее? — Необходимо. — И такъ если
 бы мы нашли нѣчто большее, что было бы
 больше другаго большаго и себя, но не боль-
 ше того, въ отношеніи къ чему другое большее
 — больше; то безъ сомнѣнія вышло бы, что С.
 это нѣчто, будучи больше себя, оказалось бы
 также и меньше себя. Не правда ли? — Крайне
 необходимо, Сократъ, сказалъ онъ. — Равнымъ
 образомъ, если бы нѣчто было и двойное враз-
 сужденіи другихъ двойныхъ вещей и себя; то
 какъ двойное, оно составляло бы только поло-

*

- вину себя и прочихъ предметовъ, ибо двойное возможно неначе, какъ въ отношеніи къ половинѣ. — Правда. — Но что болѣе себя, то не будетъ ли и менѣе, что тяжелѣе, то не будетъ ли и легче, что старше, то не будетъ ли и моложе, и такъ далѣе? При томъ, что имѣть извѣстное свойство для себя, то не будетъ ли имѣть и такой природы, къ которой относится это свойство? Разумью слѣдующее: на примѣръ, мы называемъ слухъ - слухомъ не чего другаго, а звука. Не такъ ли? — Такъ. — По этому, если слухъ слышитъ себя, то надобно, чтобы онъ имѣлъ собственный свой звукъ; иначе онъ и не слышалъ бы. — Весьма необходимо. — Такимъ же образомъ и зрѣніе, почтеннѣйшій: если оно видитъ себя, то должно имѣть свой цвѣтъ; потому что зрѣніе не можетъ видѣть ничего безцвѣтнаго. — Конечно ничего. — И такъ смотри же Критіасъ: все изслѣдованное теперь кажется намъ частію вовсе невозможнымъ, а частію весьма сомнительнымъ — въ томъ отношеніи, для себя ли что-нибудь одарено свойствами. Что касается до величинъ, чиселъ и тому подобнаго, — это рѣшительно не возможно (35). Не правда ли? — Безъ сомнѣнія. — А слухъ и зрѣніе, также движеніе, которое будто бы само себя движетъ, теплота, которая, говорить, сама себя согреваетъ, и прочее того же рода, для однихъ кажется сомнительнымъ, а для другихъ можетъ

БЫТЬ И НѢТЬ. Надобно быть, другъ мой, вели- 169.
 кимъ челоѡкомъ, чтобы удовлетворительно
 разобрать это со всѣхъ сторонъ, то-есть, дѣй-
 ствительно ли нѣтъ ни одной вещи, которая
 бы заключала въ себѣ свойства не для себя са-
 мой, а для другихъ вещей (36), или напротивъ
 имѣють ихъ однѣ — для себя, а другія — для
 другихъ. Потомъ, если и есть предметы, ода-
 ренные свойствами для себя; то имъ ли при-
 писать знаніе, называемое разсудительностію?
 Я не нахожу себя способнымъ для такого раз-
 личенія, а по сему не утверждаю ни того, воз-
 можно ли знаніе знанія, ни того еще болѣе,
 согласиться ли мнѣ на твое понятіе о разсуди- В:
 тельности. Надобно прежде изслѣдовать, полез-
 на ли она, или нѣтъ, поколику мы такъ ее по-
 нимаемъ. Ибо я гадаю, что разсудительность
 должна быть чѣмъ-то полезнымъ и добрымъ.
 И такъ, сынъ Каллесхра, положивъ, что она
 есть знаніе (37) не только знанія, но и незна-
 нія, и вызвавшись доказать свое положеніе, до-
 кажи сперва то, о чемъ я сей часъ говорилъ
 (38), то-есть, возможно ли это, а потомъ къ до-
 казательству возможности присоедии и дока-
 зательство пользы: тогда вдругъ увѣришь меня, С.
 что слова твои о разсудительности справедливы.
 — Слыша это и замѣтивъ, что я недоумѣваю,
 Критіасъ пришелъ въ состояніе тѣхъ людей,
 которые, видя передъ собою зѣвающихъ, сами
 дѣлають тоже. Мигъ показалось, что мое недо-

- умѣніе заставило и его подвергнуться недоумѣнію. Однакожь, привыкну къ похваламъ, онъ стыдился присутствующихъ и не хотѣлъ признаться, что не можетъ разрѣшить предложенныхъ мною вопросовъ, а между тѣмъ не говорилъ ничего яснаго и только прикрывалъ свое недоумѣніе. По сему, чтобы продолжить нашъ разговоръ, я сказалъ: впрочемъ если угодно, Критіасъ, предположимъ пока, что знаніе знанія возможно, и будемъ разсматривать, такъ ли это, или нѣтъ. Давай же. Если это возможно всего; то можно ли не знать, кто что знаетъ и чего не знаетъ? Вѣдь это, кажется, значить знать себя и быть разсудительнымъ. Не такъ ли? — Такъ отвѣчалъ онъ; да и должно быть такъ, Сократъ; ибо кто обладаетъ знаніемъ, которое знаетъ само себя; тотъ конечно таковъ, каково то, чѣмъ онъ обладаетъ. Напримѣръ, кто обладаетъ скоростію, тотъ скоръ; кто красотою — красивъ; кто знаніемъ — знающъ; и такъ какъ знаніе знаетъ само себя, то и знающій равнымъ образомъ будетъ знать самаго себя. — Но мое сомнѣніе не въ томъ, сказалъ я, что владѣтель самознанія знаетъ самаго себя, а въ слѣдующемъ: человѣку, обладающему самознаніемъ, необходимо ли знать, что онъ знаетъ и чего не знаетъ? — Да это одно и то же, Сократъ. — Можетъ быть; только жаль, что и я всегда одинъ и тотъ же, то-есть, все еще не понимаю, какъ можно знать и то, что кто

знать, и то, чего кто не знаетъ. — Какая твоя мысль, спросилъ онъ? — А вотъ какая, отвѣчалъ я: знаніе, будучи знаніемъ знанія, можетъ ли различить что-нибудь болѣе, кромѣ того, что это знаніе, а то незнаніе? — Нѣтъ, именно столько. — Слѣдственно одно и тоже — знать и не знать здоровое, знать и не знать справедливое? — Никакъ. — Но первое, думаю, в. относится къ искусству врачебному, второе — къ политикѣ, а третье есть не иное что, какъ знаніе. — Какъ же иначе? — Слѣдственно, кто хоть и не приобрѣлъ знанія ни о здоровомъ, ни о справедливомъ, а знаетъ одно знаніе, по-колику имѣеть только знаніе знанія; тотъ все-таки можетъ знать и о себѣ и о другихъ, что онъ нѣчто знаетъ, и что имѣеть нѣкоторое знаніе. Не правда ли? — Да. — Но какъ этимъ знаніемъ узнаеть онъ то, что знаетъ? Вотъ с. здоровое, на примѣръ, онъ знаетъ врачебнымъ искусствомъ, а не разсудительностію, гармоническое — музыкаю, а не разсудительностію, домостроительное — наукою домостроительства, а не разсудительностію; такимъ же образомъ и все. Или нѣтъ? — Кажется. — Но разсудительностію, если только подъ нею надобно разумѣть знаніе знаній, какъ узнать ему, здоровое ли знаетъ онъ, или домостроительное? — Никакъ. — Между тѣмъ, кто не знаетъ сего, тотъ знаетъ, что именно онъ знаетъ, а что онъ знаетъ. — Вѣроятно. — По этому

- D. быть разсудительнымъ , или , разсудительность есть знаніе не того, что именно знаешь и чего не знаешь , а того, какъ видно, что знаешь и что не знаешь. — Должно быть. — Слѣдовательно, когда кто другой говоритъ , что онъ знаетъ нѣчто , разсудительный не можетъ изслѣдовать , дѣйствительно ли знаетъ онъ то , что признаетъ себя знающимъ , или не знаетъ: изслѣдователь повидимому будетъ знать только то, что другой имѣетъ какое-то знаніе, а какое именно , разсудительность не поможетъ ему
- E. знать. — Кажется не поможетъ. — Значить, онъ не отличить врача , который только выдаетъ себя за врача, а въ самомъ дѣлѣ не врачъ, отъ того, который въ самомъ дѣлѣ врачъ ; равно какъ не отличить и другихъ знатоковъ отъ не знатоковъ. Мы разсмотримъ это на слѣдующемъ основаніи. Если разсудительный, или кто другой хочетъ отличить дѣйствительнаго врача отъ мнимаго; то не такъ ли поступить? О врачебной наукѣ онъ говорить съ нимъ не будетъ; потому что врачъ, какъ сказано, знаетъ только здоровое и больное. Не правда ли? — Конечно правда. — А о знаніи и искусный врачъ ничего не знаетъ ; потому что знаніе мы приписали
171. одной разсудительности. — Да. — То-есть , онъ не знаетъ и о врачебной наукѣ, поколику врачебная наука есть также знаніе. — Справедливо. — И такъ разсудительный хоть и знаетъ , что врачъ имѣетъ нѣкоторое знаніе, однакожь, воз-

намѣрившись испытать, въ чемъ состоитъ оно, не будетъ ли изслѣдывать, къ чему оно относится? Развѣ не тѣмъ опредѣляется каждое знаніе, что оно не только есть знаніе, но и какое, то-есть, къ чему относится?—Именно тѣмъ. — И самое врачебное искусство почитается знаніемъ, отличнымъ отъ прочихъ знаній—конечно потому, что опредѣляется понятіемъ здоровья и болѣзни. — Да. — По этому, желающій изслѣдовать врачебное искусство необходимо долженъ изслѣдовать его въ томъ, въ чемъ оно состоитъ, а не въ иномъ внѣшнемъ, въ чемъ В. не состоитъ. — Безъ сомнѣнія. — Значить, надлежащій изслѣдователь будетъ разсматривать врача въ кругу здоровья и болѣзней, дѣйствительно ли онъ искусный врачъ.— Должно быть. — То-есть, будетъ разсматривать и слова и дѣла его именно въ этомъ отношеніи: слова, — вѣрны ли онъ, дѣла — правильно ли совершаются?— Необходимо. — И такъ безъ врачебной науки не лзя испытывать никого изъ нихъ? — Конечно не лзя.— Не лзя, какъ видно, никому-таки, кромѣ врача, — даже и разсудительному? Иначе при своей разсудительности онъ былъ С. бы и врачомъ.— Такъ. — Значить, нѣтъ сомнѣнія, что когда разсудительность есть только знаніе знанія и незнанія, то она не въ состояніи отличить ни врача, знающаго свою науку, отъ того, который не знаетъ ея, а думаетъ и приписываетъ себѣ знаніе, ни всякаго другаго,

что-нибудь знающаго : отличить развъ подобную себѣ разсудительность ; какъ дѣлаютъ и прочіе художники. — Кажется , сказалъ онъ. —

- Д. Но какую пользу получили бы мы, Критіасъ, отъ разсудительности , когда бы она была такова? Если бы разсудительный, какъ было положено сначала, зналъ , что онъ знаетъ и чего не знаетъ , зналъ , что первое ему извѣстно , а послѣднее не извѣстно, и могъ бы изслѣдовать другаго въ тѣхъ же отношеніяхъ ; то разсудительность, говоримъ, была бы намъ весьма полезна: тогда жили бы безгрѣшно и мы сами , потому что обладали бы ею, — и другіе, потому что находились бы подъ нашимъ руководствомъ. То-есть, и мы сами не брались бы тогда дѣлать то, чего не знаемъ, но для исполненія этихъ дѣлъ, искали бы людей знающихъ, и другимъ, которыми управляемъ, внушали бы поступать справедливо, или дѣлать то, что они знаютъ. Такимъ образомъ разсудительность была бы причиною благополучія въ жизни и домашней, и общественной, и всякой, которая управлялась бы ею; по тому что гдѣ нѣтъ грѣха,
172. гдѣ каждое дѣло производится справедливо ; тамъ люди безъ сомнѣнія живутъ похвально и честно; а живущіе честно благополучны. Не то ли, Критіасъ, говорили мы о разсудительности, спросилъ я, когда утверждали , что весьма хорошо знать , что кто знаетъ, и чего не знаетъ? — Именно то , отвѣчалъ онъ. — А теперь ви-

дѣшь, такого знанія нигдѣ не оказывается. —
Вижу, сказалъ онъ. —

В.

Но добро, продолжалъ я, котораго мы ищемъ въ понятіи о разсудительности, не состоитъ ли въ томъ, что человекъ, обладающій ею, учась чему-нибудь иному, учится легче и на всякой предметъ смотреть яснѣе, поколику кромѣ того, чему учится, видитъ еще знаніе? Равнымъ образомъ въ тѣхъ вещахъ, которыми учится, не лучше ли онъ испытываетъ и другихъ, между тѣмъ какъ безъ сего условія, испытаніе производится слабѣе и хуже? Не такое ли что-нибудь, другъ мой, доставляетъ намъ разсудительность, тогда С.
какъ мы изслѣдуемъ и ищемъ въ ней чего-то больше, нежели сколько она заключаетъ? —
Чтожь? хоть и такъ, отвѣчалъ онъ. — Можетъ быть, сказалъ я; а можетъ быть мы и не нашли ничего полезнаго. Вотъ видишь: разсудительность представляется мнѣ чѣмъ-то страннымъ, какъ скоро она такова. Разсмотримъ, если угодно. Положимъ, что знанію можно знать; не отвергнемъ и прежняго положенія, что разсудительность есть знаніе того, что знаемъ, и того, чего не знаемъ; согласимся съ этимъ: но допустивъ все сіе, изслѣдуемъ обстоятельнѣе, принесетъ D.
ли намъ это какую-нибудь пользу. Сказавъ не давно, что разсудительность была бы великимъ благомъ, если бы имѣла такое значеніе, то-есть, если бы управляла и дѣлами и домою и обществомъ, мы вѣдь, кажется, не хорошо сказа-

ли, Критіасъ. — Почему? спросилъ онъ. — Потому, отвѣчалъ я, что легкомысленно признали великимъ благомъ для людей то, когда каждый изъ насъ дѣлалъ бы, что знаетъ, и предоставлялъ бы дѣлать другимъ знающимъ, чего самъ не знаетъ. — Такъ это не хорошо? — Думаю, не хорошо, сказалъ я. — Ты, Сократъ, говоришь чрезвычайныя странности. — Клянусь собакою, что и мнѣ не иначе кажется. По тому - то я предварительно и назвалъ свои представленія странными, что боялся, какъ бы не ошибиться въ изслѣдованіяхъ. Однакожь, если разсудительность въ самомъ дѣлѣ такова? вѣдь вовсе не видно, что бы тогда она могла принести намъ какое-нибудь благо. — Какъ же это? спросилъ онъ. Скажи, чтобъ и мы знали, что ты говоришь. — Кажется, я брежу; впрочемъ мои представленія надобно изслѣдовать: кто хотя не много заботится о себѣ; тотъ легкомысленно не оставитъ ихъ. — Хорошо, Сократъ. — Выслушай же сонъ мой, сказалъ я, изъ роговъ ли высыплется онъ, или изъ слоновой кости (39). Если бы въ самомъ дѣлѣ управляла нами разсудительность, понимаемая такъ, какъ мы нынѣ опредѣлили ее; то она дѣйствовала бы вѣроятно по по знапіямъ. Тогда, то-есть, не обманулъ бы насъ ни кормчій, который только носитъ это имя, а не заслуживаетъ его, ни врачъ, ни военачальникъ, тогда не укрылся бы отъ насъ никто, приписывающій себѣ также знаніе, ко-

тогдаго онъ не имѣеть. А чрезъ это положеніе
 дѣлъ, наше тѣло пользовалось бы лучшимъ
 здоровьемъ, чѣмъ нынѣ, мы спасались бы отъ
 опасности и на моръ и на войнѣ, у насъ и
 сосуды и одежда и обувь и всѣ вещи были бы С.
 приготовлены искусно, потому что намъ слу-
 жили бы истинные художники. Даже если бы
 ты захотѣлъ, чтобъ и прорицаніе мы почли
 также знаніемъ будущаго и поставили его подъ
 вліяніе разсудительности; то и тутъ отъ хва-
 стуновъ мы отвращались бы, а избрали бы
 себѣ прорицателей истинныхъ, которые дѣй-
 ствительно предсказываютъ будущее. Представ-
 ляя родъ человѣческій въ такомъ состояніи, я
 говорю, что онъ поступалъ бы и жилъ съ зна-
 ніемъ; ибо разсудительность—наблюдательница D.
 не позволила бы незнанію вмѣшиваться въ
 наши занятія. Но все еще не лѣзя сказать, лю-
 безный Критіасъ, что дѣйствуя съ знаніемъ, мы
 проводили бы жизнь хорошую и были бы
 благополучны.—Однакожь унизивъ знаніе, ска-
 залъ онъ, не легко найти тебѣ какое-нибудь
 другое, высшее совершенство хорошей жизни.
 — Но научи меня еще не многому: о какомъ
 знаніи говоришь ты? Не о томъ ли, какъ шить
 обувь? — Нѣтъ, клянусь Зевсомъ. — Или какъ
 обрабатывать мѣдь? — Отнюдь нѣтъ. — Или какъ E.
 обходиться съ шерстью, лѣсомъ и другими по-
 добными вещами? — Вовсе нѣтъ. — Ну такъ мы
 не стоимъ въ своемъ словѣ, сказалъ я, что че-

ловѣкъ, живущій съ знаніемъ, благополученъ. Эти люди живутъ съ знаніемъ, и однакожь ты не признаешь ихъ благополучными, но приписываешь благополучіе, кажется, только нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которые живутъ съ знаніемъ. Можетъ быть, по твоему мнѣнію, благополученъ тотъ, о которомъ я не давно упоминалъ,

174. то-сть, кто знаетъ все будущее? Такъ прорицателя, или кого другаго называешь ты благополучнымъ?—И прорицателя, и другаго, отвѣчалъ онъ. — Кого же другаго? спросилъ я. Не того ли, кто, кромѣ будущаго, знаетъ и прошедшее, и настоящее, для кого нѣтъ ничего неизвѣстнаго? ибо мы, пожалуй, предположимъ бытіе такого чловѣка. Ужь конечно ты не укажешь на другаго, кто жилъ бы съ большимъ знаніемъ, чѣмъ этотъ? — Безъ сомнѣнія не укажу. — Но я желаю знать, которое изъ знаній дѣлаетъ его благополучнымъ. Или всѣ

в. равномѣрно?—Отнюдь не равномѣрно, сказалъ онъ. — Которое же больше? и что оно знаетъ изъ настоящаго, прошедшаго и будущаго? Ужь не игра ли это въ кости? — Какая игра въ кости! — Такъ не искусство ли счисленія? — О нѣтъ. — Или не врачебная ли наука? — Еще менѣе. — Однакожь то знаніе, о которомъ я спрашиваю, безъ сомнѣнія имѣетъ какой-нибудь предметъ? — Имѣетъ, отвѣчалъ онъ, — добро и зло. — О лукавецъ! сказалъ я, ты давно уже водишь меня въ кругу, скрывая, что жить хо-

рошо и быть благополучнымъ, значить жить с. не съ знаніемъ вообще и не со всѣми другими знаніями, а только съ тѣмъ, которое относится къ добру и злу. Но скажи, Критіасъ: если это знаніе ты отдѣлишь отъ прочихъ; то искусство врачевнос менѣ ли будетъ врачевать, башмачное менѣ ли будетъ обувать, ткацкое менѣ ли будетъ ткать, также искусство кормчаго менѣ ли будетъ препятствовать намъ погибнуть на морь, а искусство полководца — на войнѣ? — Не менѣ, отвѣчалъ онъ. — Между тѣмъ, любезный Критіасъ, привести каждое изъ сихъ зна- d. ній въ хорошее состояніе и сдѣлать его полезнымъ не удастся намъ, когда не будетъ того перваго. — Твоя правда. — А то первое, какъ видно, есть не разсудительность, но такое знаніе, которое должно приносить намъ пользу; ибо оно представляется уже не какъ знаніе знаній и не знаній, но какъ знаніе добра и зла; такъ что, если это послѣднее полезно, то разсудительность была бы чѣмъ-то отличнымъ отъ полезнаго. — Какъ, спросилъ онъ? Развѣ она не можетъ быть полезнаю? Будучи знаніемъ знаній, то-есть, господствуя надъ всѣми e. знаніями, она имѣетъ въ своей власти и знаніе относящееся къ добру, слѣдовательно можетъ приносить намъ пользу. — Но она ли врачуетъ, или врачевная наука, спросилъ я? Равнымъ образомъ, она ли совершаетъ дѣла, входящія въ область всѣхъ другихъ искусствъ, или

каждое изъ нихъ дѣлаетъ свое? Не согласились ли мы давно уже, что разсудительность есть только знаніе знанія и не знанія, не болѣе? Правда вѣдь? — Кажется. — Слѣдовательно она не есть причина здоровья. — Безъ сомнѣнія. —

176. То-есть здоровье зависитъ отъ другаго искусства. Или нѣтъ? — Отъ другаго. — А потому она не есть и причина пользы, другъ мой; ибо это дѣло мы теперь же приписали другому искусству. Не такъ ли? — Конечно такъ. — Какимъ же образомъ разсудительность будетъ полезна, не производя никакой пользы? — Кажется, никакимъ, Сократъ. —

Видишь ли, Критіасъ? я давно имѣлъ причину беспокоиться, и не безъ основанія обвинялъ себя, что не открываю ничего дѣльнаго въ разсудительности. Если бы отъ меня была польза для надлежащихъ изслѣдованій; то предметъ, почитающійся прекраснѣйшимъ изъ всѣхъ, не показался бы намъ бесполезнымъ. А теперь мы потерялись, мы не можемъ опредѣлить, съ которою изъ вещей нарицатель именъ соединилъ имя разсудительности. Предположены были конечно многія; но паша бесѣда показала несообразность ихъ. Предположено было, что разсудительность есть знаніе знанія; но изслѣдованіе не дозволило принять и утвердить это понятіе. Предположено было также, что это знаніе знаетъ и дѣйствія другихъ знаній; но опять представилось невозможнымъ, почитать разсудительнаго знатокомъ

того, что онъ знаетъ, что знаетъ, и чего не знаетъ, что не знаетъ. Мы предположили это, правда, очень отважно, не замѣчая, что чего кто не знаетъ никакъ, того не знаетъ и какънибудь; то есть, наше мнѣніе приписывало разсудительному знанію того, что онъ не знаетъ; а это, мнѣ кажется, весьма безразсудно. Такимъ образомъ, хотя изслѣдованіе встрѣтило въ насъ D. людей стоворчивыхъ, не упорныхъ, однакожь не могло открыть истину, но непрестанно стыдило ее; такъ что, допустивъ и вообразивъ какое-нибудь понятіе о разсудительности, оно тотъ-часъ же слишкомъ оскорбительно выводило отсюда ее бесполезность. Впрочемъ по отношенію ко мнѣ, это еще не такъ досадно; я особенно досадою за тебя Хармидъ, что ты, будучи столь хорошъ по тѣлу, и свѣрхъ того, столь разсудителенъ по душѣ, ничего не вы- E. играешь отъ такой разсудительности и въ жизни не получишь отъ ней никакой пользы. Но всего досаднѣе приговоръ, перенятый мною у Оракійда: я заучивалъ его съ большимъ стараніемъ; а изъ него вышла вещь пустая. Впрочемъ не думаю, чтобъ это было такъ (40): напротивъ видно я-то плохой изслѣдователь; потому что разсудительность въ самомъ дѣлѣ— великое благо; и ты счастливъ, какъ скоро обладаешь ею. Только смотри, обладаешь ли? не чувствуешь ли нужды въ приговорѣ? Если 176. дѣйствительно обладаешь, то искренно совѣтую

тебѣ почитать меня болтуномъ и не способнымъ къ изслѣдыванію чего бы-то ни было посредствомъ разговора, а тебя, какъ болѣе разсудительнаго, разсудительнѣйшимъ и счастливѣйшимъ. — Но клянусь Зевсомъ, Сократъ, сказалъ онъ, что не знаю, разсудителенъ ли я, или нѣтъ. И какъ мнѣ знать, когда, по твоимъ словамъ, сами вы не можете опредѣлить даже

В. того, что такое разсудительность? Въ этомъ однакожь я не очень вѣрю тебѣ, Сократъ, и живо чувствую, что мнѣ нуженъ приговоръ; да съ моей стороны и нѣтъ препятствія принимать его отъ тебя столько времени, сколько ты признаешь нужнымъ. — Хорошо, сказалъ Критіасъ Хармиду; сдѣлавъ это, то-есть, поручивъ Сократу приговаривать себя и не оставляя его ни на минуту, ты представишь мнѣ доказательство своей разсудительности. — Вѣрь, что буду слѣдовать за нимъ (41), не отстану отъ него, сказалъ онъ; при томъ съ моей стороны было бы грубо и не послушаться тебя, своего руководителя, и не поступить, какъ ты приказываешь. — Да, я именно приказываю это. — А я съ сего же дня начну выполнять твое приказаніе. — Э! что тамъ у васъ за совѣщаніе, спросилъ я? — Ничего, отвѣчалъ Хармидъ, уже рѣшено. — Не хочешь ли употребить силу, не давая мнѣ права избранія? — Если онъ прикажетъ, сказалъ Хармидъ, то употреблю и силу. По этому смотри самъ, что тебѣ лучше.

— Нечего уже смотреть, отвчалъ я. Когда ты ^{Д.} рѣшишься что-нибудь сдѣлать и употребить силу; то никто не будетъ въ состояніи противиться. — Не противься же и ты. — Не буду, сказалъ я. —

*

ЭВТИФРОНЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Къ числу тѣхъ разговоровъ, которые написаны Платономъ для отдѣльнаго раскрытія нравственныхъ истинъ Сократовой философіи, содержащихся въ Протагорѣ, относится и Эвтифронъ. Древніе критики начинали имъ первую тетралогію, посвященную признательнымъ ученикомъ памяти знаменитаго правоучителя. И если тетралогическій порядокъ, какъ показано въ своемъ мѣстѣ, не приложимъ ко всемъ сочиненіямъ Платона; то въ отношеніи въ Эвтифрону, Критону, Апологіи и Федону, по крайнѣй мѣрѣ историческая основательность его не подлежитъ сомнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, бывъ во всю свою жизнь, до глубокой старости, руководителемъ юныхъ умовъ въ исполненіи обязанностей, возлагаемыхъ на человека собственною его природою и обществомъ, проведши все

свое время въ борьбѣ съ возраставшимъ и непрестанно усиливавшимся духомъ софистическаго суемудрія и тщеславія, Сократъ наконецъ приходитъ къ послѣднему предѣлу жизни, гдѣ должна была обнаружиться связь земной его дѣятельности съ помыслами и надеждами загробными. И могъ ли Платонъ, такъ ясно понимавшій душу своего наставника, не обезсмертить его размышленій, раждавшихся при всѣхъ, особенно поразительныхъ обстоятельствахъ предсмертнаго его существованія? Философу, въ мірѣ языческомъ глубокому и наблюдательному, что въ состояніи было представить лучшіе случаи для философскихъ созерцаній и важнѣйшія темы для изложенія ихъ; какъ не катастрофа мудреца, возвысившагося надъ предрасудками своего вѣка и отечественнаго язычества? И такъ Платонъ, при первомъ появленіи Сократа предъ судомъ Архонтовъ, въ качествѣ государственнаго преступника, заставляетъ его разговаривать съ Эвтифрономъ о святости и благочестіи; потомъ возводитъ его на судейскую каѳедру, какъ гражданина, прибѣгающаго подъ покровительство закона; далѣе описываетъ его уже какъ узника и влагаетъ ему въ уста бесѣду съ Критономъ о справедливости и законности поступковъ; и наконецъ изображаетъ его въ темницѣ, какъ мужественнаго страдальца, изливающаго ученикамъ свои чаянія и надежды на безсмертіе.

Впрочемъ эта историческая связь Эвтифрона съ показанными разговорами не препятствуетъ намъ въ наукословномъ отношеніи смотрѣть на него, какъ на дальнѣйшее развитіе мыслей объ одной изъ тѣхъ коренныхъ добродѣтелей, о которыхъ говорено было въ Протагорѣ. Эвтифронъ, сказали мы, посвященъ изслѣдованію святости и благочестія. Бесѣдуя съ Протагоромъ, Сократъ имѣлъ въ виду подвести частныя понятія о добродѣтеляхъ, въ смыслъ юридическомъ, подъ одно общее понятіе знанія, или добродѣтели нравственной, и требовалъ, чтобы сила и значеніе первыхъ объясняемы были изъ послѣдней. Съ этою цѣлю онъ приводилъ къ тождеству между прочимъ справедливость и святость. Слѣдовательно въ Протагорѣ дѣло шло объ отношеніи и средствъ добродѣтелей. Напротивъ въ Эвтифронѣ разсматривается одна святость сама по себѣ и рѣшается вопросъ не объ отношеніяхъ, а о существѣ и значеніи оной. Если же изслѣдованіе существа всякой вещи необходимо служить къ проясненію какъ отличительныхъ ея признаковъ, такъ и общихъ, которые указываютъ на ея сродство съ другими вещами; то само собою разумѣется, что Эвтифронъ есть дальнѣйшее раскрытіе одного изъ моментовъ, заключающихся въ Протагорѣ (1).

(1) Эта связь высказана и самимъ Платономъ. См. Protag. p. 360. E.

Нельзя также не замѣтить близкой связи разсматриваемаго разговора съ Лахесомъ и Хармидомъ, какъ скоро сравнимъ характеръ, форму и ходъ всѣхъ сихъ сочиненій. Въ Лахесѣ Стезилай хвастается искусствомъ сражаться въ полномъ вооруженіи; а между тѣмъ серповидное его копье сдѣлало его смѣшнымъ въ глазахъ зрителей: здѣсь Эвтифронъ хвастается даромъ предсказанія и знаніемъ вещей божественныхъ; а между тѣмъ самъ же признается, что Аѳиняне часто смѣются надъ его прорицаніями. Въ Лахесѣ, равно какъ и въ Хармидѣ, предлагаются мнѣнія за мнѣніями о разсматриваемомъ предметѣ и всѣ, одно за другимъ, опровергаются Сократомъ: здѣсь Эвтифронъ непрестанно мнѣяетъ свои понятія о святости, и ни одно изъ нихъ не выдерживаетъ Сократова анализа. Въ Лахесѣ и Хармидѣ результатъ разговора ясно не высказанъ; и здѣсь также не выведено окончательнаго заключенія, что такое святость. Впрочемъ о направленіи и цѣли Эвтифрона мы скажемъ послѣ, а теперь изложимъ кратко его содержаніе.

Прологъ Эвтифрона есть историческое событіе — появленіе Сократа въ портикъ царя, или предъ уголовнымъ судомъ, по доносу Мелита, который обвиняетъ сына Софронискова въ нечестіи и развращеніи юношества. Здѣсь Сократъ встрѣчается съ Эвтифрономъ, хвалившимся обширными познаніями въ дѣлахъ ре-

лиці, и, вступивъ съ нимъ въ разговоръ, къ крайнему удивленію, узнаеть, что онъ пришелъ обвинить своего отца въ челоуѣкоубійствѣ, по случаю смерти одного наемнаго слуги, который за убійство раба былъ связанъ отцемъ его и прежде рѣшенія суда умеръ. Узнавъ это, Сократъ спрашиваетъ Эвтифрона: «Неужели ты приписываешь себѣ столь опредѣленное знаніе дѣлъ божественныхъ и тѣхъ, которыя называются святыми, что, обвиняя отца, не боишься совершить нечестіе? Скажи же, что ты называешь святымъ и что нечестивымъ?»

Замѣчательно, что заставивъ Эвтифрона рѣшать этотъ вопросъ, Платонъ мало по малу перевелъ его по всѣмъ степенямъ ограниченія предмета и изложилъ эротематически всю теорію логики объ опредѣленіи.

Эвтифронъ сперва отвѣчаетъ, что святое дѣло есть именно то самое, которое онъ теперь предпринялъ, то-есть, которое клонится къ обвиненію его отца въ убійствѣ. Это, очевидно не что иное, какъ опредѣленіе предмета частнымъ случаемъ, примѣромъ, или какою-нибудь одною стороною явленія. По сему Сократъ требуетъ, чтобы Эвтифронъ указалъ ему общую черту святости, достаточную для обозначенія цѣлаго рода дѣлъ святыхъ и благочестивыхъ.

Понявъ смыслъ этого требованія, прорицатель называетъ святымъ то, что пріятно богамъ, а нечестивымъ то, что имъ непріятно.

Противъ сего опредѣленія, повидимому, и сказать бы нечего: но Сократъ вдругъ, вышедши изъ круга вѣрованій языческихъ, поставляетъ ихъ предъ судомъ истины, ясной для всякаго ума здравомыслящаго, — и Эвтифроново опредѣленіе падаетъ само собою. Какъ узнать, говорить онъ, что пріятно богамъ, и что нѣтъ, когда они во враждѣ между собою, когда одному изъ нихъ нравится то, другому — другое? Если боги ссорятся другъ съ другомъ, и предметъ ихъ ссоры есть справедливое и не справедливое, доброе и злое; то, по отношенію ко всѣмъ имъ вмѣстѣ, одно извѣстное дѣло должно быть и святымъ и нечестивымъ. Это заключеніе, очевидно, основывается на томъ свойствѣ родоваго признака, по которому онъ принадлежитъ не всему роду или цѣлому, а только извѣстнымъ видамъ, или частямъ его. Такая же погрѣшность была бы допущена, когда бы кто составилъ, на примѣръ, слѣдующій силлогизмъ: все, что разрушается смертно, а человекъ разрушается; слѣдовательно человекъ смертенъ.

Опровергнутый симъ заключеніемъ, Эвтифронъ старается поправить свое мнѣніе, посредствомъ обобщенія родоваго понятія. Предположивъ, что должны же быть поступки, пріятные либо непріятные всѣмъ богамъ, онъ пополняетъ прежнее понятіе о святости. Святое, говоритъ, есть то, что любятъ всѣ боги; не святое напротивъ — то, что ненавидятъ всѣ боги. Но Сократъ

входить глубже въ предметъ и видить различіе между святымъ и боголюбезнымъ. Боголюбезное должно признавать боголюбезнымъ по тому, что его любятъ боги; а святое и самые боги любятъ по тому, что оно свято. Слѣдовательно основаніе того, что боголюбезное боголюбезно, заключается въ любви боговъ; а основаніе святости—въ чемъ-то выше сей любви; такъ что и самая любовь боговъ зависитъ отъ какого-то высшаго условія, скрывающагося въ существѣ святости. Такимъ образомъ Сократъ показываетъ, что любовь боговъ есть не признакъ, которымъ можно бы опредѣлить, что такое святость, а законная, естественно и необходимо приносимая ей дань; иначе: любовь боговъ есть только дѣйствіе святости на боговъ (*πάθος*), формальное ея выраженіе, а не сущность (*δοξα*).

Когда же и это понятіе оказалось недостаточнымъ; то Сократъ вызывается самъ навести Эвтифрона на путь къ образованію опредѣленія, удовлетворяющаго требованіямъ логики. Надобно, говоритъ онъ, смотрѣть, что въ чемъ содержится, что содержащее, и что содержимое, и первымъ ограничивать послѣднее. Святость, очевидно, есть часть справедливости (1); ибо все святое

(1) Это мнѣніе, безспорно, принадлежитъ Сократу и Платону; потому что оно признается за истинное и въ другихъ мѣстахъ Платоновыхъ сочиненій, напр. Protag. p. 14. В. С. 331. А. sq. Gorg. p. 507.

справедливо, но не все справедливое свято. Скажи же, Эвтифронъ, какая часть справедливости называется святостию; укажи признакъ, которымъ въ цѣлой сферѣ справедливаго отличается святое отъ всего прочаго. Но Эвтифронъ не видитъ въ предметѣ ничего, кромѣ формальныхъ его выраженій и признакомъ святости почитаетъ обхожденіе съ богами (*περί τῶν θεῶν θεράτεια*), а признакомъ всего прочаго въ той же сферѣ—обхожденіе съ людьми; то-есть, опредѣляетъ святость не самымъ существомъ справедливости, а только ея отношеніемъ. По сему Сократъ признаетъ нужнымъ прояснить понятіе обхожденія и, вмѣстѣ съ Эвтифрономъ, разумѣя его какъ стараніе оказать пользу тому, съ кѣмъ обходимся, заключаетъ, что обходиться съ богами, значитъ приносить имъ пользу, или дѣлать ихъ лучшими. Само собою разумѣется, что Эвтифронъ не могъ согласиться на это заключеніе, а спѣшилъ исправить свою мысль, представляя святость, какъ искусство рабски служить богамъ (*ὑπηρεσίη*). Но Сократъ преслѣдуетъ своимъ анализомъ и это новое опредѣленіе: онъ разсматриваетъ значеніе служенія, поколику оно почитается признакомъ святости, и находитъ, что служеніе въ семъ смыслѣ есть орудіе, посредствомъ котораго боги что производятъ, а по тому спрашиваетъ: что все производятъ боги, пользуясь нашими услугами? На этотъ вопросъ Эвтифронъ не нахо-

дѣть прѣмога отвѣта, но, самъ не замѣчая, возвращается къ прежнему своему понятію о святости. Онъ говоритъ: святость есть умѣнье въ молитвахъ и жертвоприношеніяхъ дѣлать угодное богамъ. Чтобы показать ему, что онъ дѣйствительно возвратился къ тому положенію, которымъ началъ и отъ котораго потомъ самъ отказался, Сократъ разбираетъ понятія молитвы и жертвоприношенія и, находя, что молиться значитъ просить, а приносить жертвы—давать, заключаетъ, что святость есть торговая сдѣлка людей съ богами. Это заключеніе заставило Эвтифрона понять жертвоприношеніе и молитву, уже какъ выраженіе благодарности, и сказать, что такое выраженіе богамъ любезнѣе всего; а отсюда само собою слѣдовало, что святымъ дѣломъ называется дѣло боголюбезное, между тѣмъ какъ прежде было доказано Сократомъ и допущено Эвтифрономъ, что боголюбезное отлично отъ святаго. По сему Сократъ выражаетъ свое сожалѣніе, что онъ не узналъ, что такое святость, и не имѣетъ возможности избавиться отъ обвиненія, внесеннаго Мелитомъ.

Изъ этого хода и развитія разговора видно, что хотя онъ и не привелъ собесѣдниковъ къ ясному результату о существѣ святости, однакожь показалъ, въ чемъ и какимъ образомъ надобно искать его, по внутреннему убѣжденію Сократа. Для уразумѣнія сего убѣжденія, на-

добно сообразить всѣ обстоятельства разговора и сравнить ихъ съ нѣкоторыми современными мнѣніями народа о сынѣ Софрониска. Эвтифронъ выставляется образцемъ благочестія и въ то же время вовсе несправедливо обвиняетъ своего отца въ убійствѣ. Напротивъ, Сократа между прочимъ обвиняли въ возмущеніи дѣтей противъ отцовъ (1) и за это относили его къ числу людей нечестивыхъ. Такія, совершенно противныя умозаключенія отдаются какъ бы на судъ Мелита, Сократова обвинителя. Явно, что его сужденіе должно основываться на истинномъ понятіи о благочестіи и святости; а понятіе о святости, какъ показано въ разговорѣ, должно вытекать изъ вѣрнаго значенія справедливости, поколику она прилагается къ богамъ и людямъ. Но какою чертою, которой характеризуется справедливость, Сократъ могъ объяснить, что такое святость? Мы видимъ что онъ заставляеть Эвтифрона возводить значеніе святости выше молитвъ и жертвоприношеній и поставлять ее вообще въ выраженіи благодарности. Однакожь и благодарность ея нельзя назвать признакомъ справедливости, и правды; потому что первая ниже послѣдней

(1) Въ Аристофановыхъ облакахъ v. 7320 sqq. Сократъ, получившій образованіе въ школѣ Сократа, обвиняетъ своего отца и еще доказываетъ, что онъ правъ.

Благодарность есть самое высшее въ религиозной и нравственной жизни человека: но и она далеко недостаточна для опредѣленія святости. Что же слѣдуетъ отсюда? — то, что истинная святость не выразима человѣческимъ языкомъ и человѣческими дѣлами, что она заключается въ нѣдрѣ правды, а правда бываетъ предметомъ ссоры даже и для Греческихъ боговъ. По этому Греки напрасно обвиняютъ Сократа въ нечестіи. Онъ лучше всѣхъ, мнимо-благочестивыхъ людей и знатоковъ благочестія, понимаетъ высокое значеніе святости.

Такъ представляемъ мы себѣ цѣль Платона Эвтифрона и не можемъ не удивляться крайней мнительности Аста, который, безъ всякихъ достаточныхъ основаній, относить этотъ разговоръ къ числу подложныхъ. Для чего предполагать, что Эвтифронъ написанъ на скорую руку, что въ немъ многое начато, но не кончено, и потомъ, опровергая собственное свое предположеніе, заключать, что это сочиненіе принадлежит не Платону? Мы не находимъ въ немъ ни мѣлочныхъ изслѣдованій, ни растянутости въ рѣчи, ни противорѣчій съ другими сочиненіями Платона; надобно только помнить, что Эвтифронъ посвященъ раскрытію мыслей, собственно Сократовыхъ, что Платонъ говоритъ здѣсь языкомъ своего учителя. Нѣтъ причины почитать этотъ разговоръ и безцѣльнымъ; хотя возвышенность предмета и не по-

звояла писателю высказать его цѣль съ болѣею ясностію и откровенностію. А что Асть находитъ полную тему Эвтифрона въ Республикѣ II. 37. А. В. *ὅδε λεγτίον νέφ ἀκρόντι, ὡς ἀδίκων τὰ ἔσχατα ἔδεν ἄν θαυμαστόν ποιοίη, ἔδ' αὖ εἰ ἀδικούντα τὸν πατέρα κολάζων παντὶ τρόπῳ, ἀλλὰ δρόφῃ ἄν, ὅπερ θεῶν—οἱ πρόβοι τε καὶ μέγιστοι.—ἔδει γε—ὡς θεοὶ θεοῖς πολεμῆσι τε καὶ ἐπιβυλεύονται καὶ μάχονται*—то сравнивъ приведенныя слова съ разсматриваемымъ нами разговоромъ, всякій замѣтитъ, что онъ никакъ не могутъ быть полною его темою, а только указываютъ на одну вѣтвь его развитія.

Гораздо важнѣе вопросъ о времени, когда Платонъ написалъ своего Эвтифрона. Ширенбергъ въ программѣ: *über die Zeit der Abfassung des Platonischen Euthyphron*, Lemg. 1830, весьма основательно подтверждаетъ мнѣніе Шлейермахера, Зохера и Штальбома, что разсматриваемый разговоръ написанъ послѣ доноса, по которому начался судъ надъ Сократомъ, однакожь прежде того времени, въ которое можно было предвидѣть бѣдственные слѣдствія судопроизводства для сына Софронискова. Что Эвтифронъ вышелъ въ свѣтъ послѣ доноса,—видно изъ того, что въ немъ говорится объ этомъ обстоятельстве. Но по чему бы Платону не написать его тогда, когда судебное дѣло его учителя было уже кончено?—Этого не позволяеть допустить самый тонъ разговора. Можн

ли представить, чтобы Платонъ наказывалъ Мелита, Сократова обвинителя, одною иронією и обыкновеннымъ оружіемъ діалектики, а народъ — однимъ намекомъ на его предрасудки, когда бы Сократъ находился уже въ темницѣ и былъ осужденъ на смерть? Въ послѣднемъ случаѣ разговоръ, даже противъ воли сочинителя, получилъ бы характеръ болѣе серьезный, тонъ болѣе строгій, и выражался бы рѣчью болѣе сильною и энергическою. Между тѣмъ мы видимъ, что во всемъ Эвтифронѣ изслѣдованіе идетъ спокойно и отпечатлѣвается пріятною шутливостію; тутъ нѣтъ и тѣни печали, опасенія, или предчувствія бѣдствій. Кажется, Платонъ и не думалъ, что дѣло Сократа приметъ такой оборотъ и приведетъ его къ такой ужасной смерти. Да и не удивительно, когда приговоръ надъ нимъ даже въ послѣдній день суда основывался на большинствѣ не многихъ голосовъ (Apol. Socr. 36. A.). Есть и другая причина полагать, что Эвтифронъ написанъ не послѣ осужденія Сократа. Въ этомъ разговорѣ упоминается только о доносѣ Мелита: но извѣстно, что доносчиками на Сократа были также Анить и Ликонъ, люди въ мѣвнїи Аѳинянъ весьма значительные. По сему, еслибы Платонъ издалъ въ свѣтъ Эвтифрона въ то время, когда его учитель находился уже въ темницѣ, то упомянулъ бы не объ одномъ Ме-

*

литъ, человекъ малоизвѣстномъ, но и о прочихъ двухъ обвинителяхъ.

Противъ сего мнѣнія могутъ сказать только то, что Платонъ поступилъ бы не разсудительно, если бы въ то самое время, когда Сократа обвиняли въ нечестіи, заставлялъ его худо отзываться о народномъ богопочтеніи и подвергать сомнѣнію важность молитвъ и жертвоприношеній. Но кто вникалъ въ религиозный бытъ Грековъ при Сократѣ, Периклѣ и Платонѣ; тотъ знаетъ, что подобныя сужденія о вѣрованіяхъ народа тогда были весьма обыкновенны и не почитались преступными. Греки открыто смѣялись надъ пороками своихъ боговъ; поэты ненаказанно описывали любовныя ихъ похождения, ссоры, происки и страсти; самые философы за шутки сего рода не вергались гоненію. Если же нѣкоторые изъ нихъ и были наказаны правительствомъ основаніемъ казни служило или прямое оупрощеніе боговъ, что приписывалось Прократу, Диогору Мелоскому, или порицаніе религіознаго таинства, что, по свидѣтельству Діодора Сицилія (II. 116), позволялъ себѣ Стильонъ, то наконецъ навѣты злыхъ людей, отъ которыхъ пострадалъ Сократъ. Каковы бы ни были причины, если сына Софронискова о своемъ отцѣ и о народномъ язычествѣ; но въ Эвтифронѣ говорится только противъ предразсудковъ и мнѣній о толковѣ о богахъ, а не противъ

боговъ. Ему не нравилась дорога къ Олимпу, увлаженная кровію безсловесныхъ жертвъ (1), и вѣчная ссора на Олимпѣ, а не самый Олимпъ.

(1) Надъ понятіями народа о жертвоприношеніяхъ, не хуже Платона, смѣялся и Аристофанъ — напр. въ Птицахъ v. 186. et. al., гдѣ Пистетерось совѣтуетъ основать въ воздухѣ царство птицъ и такимъ образомъ пресѣчь сообщеніе между богами и людьми. Тогда первые, говоритъ онъ, не пользуясь болѣе жертвами послѣднихъ, перемрутъ отъ голода и жажды.

Лица разговаривающія:

ЭВТИФРОНЪ, СОКРАТЬ.

Эвт. Что за новость (1), Сократъ! ты прекратилъ свои бесѣды въ Ликей и проводишь теперь время въ портикѣ царя (2). Вѣроятно у тебя, такъ же какъ и у меня, предъ царемъ нѣтъ никакого судебнаго дѣла.

Сокр. Не совсѣмъ вѣроятно, Эвтифронъ. Впрочемъ Аѳиняне называютъ мое дѣло не судебнымъ, а государственною виною (3).

Эвт. Что ты говоришь? Такъ видно тебя обвиняютъ предъ отечествомъ? Ибо я не могу думать, чтобы ты обвинялъ кого-нибудь.

Сокр. Конечно нѣтъ.

В.

Эвт. Значить тебя обвиняютъ?

Сокр. Да.

Эвт. Кто же это?

Сокр. Я и самъ не очень знаю его, Эвтифронъ: человекъ повидимому молодой и не важный; кажется, называютъ его Мелитомъ изъ дѣмы Писейской (4). Не припомнишь ли ты

какого-нибудь Писейца Мелита, съ прямыми волосами, рѣдкою бородою и орлинымъ носомъ (5)?

Эт. Не помню, Сократъ. А въ чемъ состоитъ обвиненіе?

- Сокр.* Въ чемъ состоитъ? Обвиненіе - то, мнѣ кажется, не маловажно: молодому челоѡвѣку представить такой доносъ — не бездѣлица. Я знаю, говоритъ онъ, какимъ образомъ развращается юношество, и знаю, кто развращаетъ его. Видно, это мудрецъ. Почитая мою неученость развратительницею своихъ сверстниковъ, онъ обращается къ обществу, какъ бы къ матери, и обвиняетъ меня. Кажется, ему одному надобно приписать вѣрное понятіе о политикѣ; ибо въ самомъ дѣлѣ справедливо—прежде всего заботиться о дѣтяхъ, чтобы они вышли отличными, слѣдуя примѣру добраго садовника, который сперва старательно смотритъ за молодыми растеніями, а потомъ уже и за прочими. Такъ-то можетъ быть и Мелитъ,—сначала истребить насъ, по его словамъ, вредящихъ отпрыскамъ юношества, а за тѣмъ уже конечно позаботиться и о старшихъ, и чрезъ то окажетъ обществу весьма многія и величайшія услуги, чего и должно ожидать отъ челоѡвѣка, сдѣлавшаго такое начало.
- Эт.* Желательно бы Сократъ; но я боюсь, не выдетъ ли напротивъ: кто намѣренъ обидѣть тебя; тотъ, мнѣ кажется, начинаетъ

дѣлать зло обществу съ самаго корня (6). Да скажи мнѣ, какими бы дѣлами, по его словамъ, ты развращалъ юношество (7)?

Сокр. И слышать-то странно, почтеннѣйшій. Онъ говорить, что я творю боговъ; то-есть, ввожу новыхъ и отвергаю древнихъ. Въ этомъ именно состоитъ его обвиненіе.

Эт. Понимаю, Сократъ; ты объявляешь, что съ тобою всегда твой геній, — вотъ ему и поводъ обвинять тебя, какъ нововводителя въ дѣлахъ божественныхъ. Съ этимъ-то наветомъ онъ идетъ въ судъ, зная, что толпа охотно принимаетъ подобныя клеветы. Вѣдь и надо мною смѣются, какъ надъ безумцемъ, когда я с. въ собраніи говорю что-нибудь о предметахъ божественныхъ и предсказываю будущее, — смѣются не по тому, чтобы мои предсказанія были несправедливы, а по тому, что завидуютъ всѣмъ такимъ, какъ мы. Впрочемъ не нужно слишкомъ беспокоиться; будемъ идти дружно.

Сокр. Любезный Эвтифронъ! быть осмѣяннымъ, можетъ быть, еще не важно. Аѳиняне, кажется, не очень хлопочуть, что въ ихъ мнѣніи кто-нибудь силенъ; лишь бы не преподавалъ онъ своей мудрости. По зависти, какъ ты d. говоришь, или по чему иному, они гнѣваются только на того, кого почитаютъ готовымъ сдѣлать и другихъ такими же.

Эт. Впрочемъ мнѣ не слишкомъ любопытно знать, какого они обо мнѣ мнѣнія.

Сокр. Можетъ быть, ты кажешься имъ особнякомъ, который не хочетъ преподавать своей мудрости; а я боюсь противнаго: не замѣтили ли они во мнѣ челоувколюбиваго чувства—изливать въ словъ каждому все, что имѣю, не только безъ платы, но и съ придачею своего удовольствія, лишь бы кто пожелалъ меня слушать? И такъ еслибы они, говорю, захотѣли только посмѣяться надо мною, какъ смѣялись и надъ тобою; то ни-чуть не скучно было бы провести время въ судѣ съ шутами и насмѣшниками: но что, когда примутся за дѣло серьезно? Тогда только вамъ—прорицателямъ будетъ извѣстно, какія произойдутъ послѣдствія.

Эвт. Можетъ быть, Сократъ, и ничего не будетъ. Думаю, ты благополучно выиграешь свое дѣло, а я—свое.

Сокр. Но у тебя-то, Эвтифронъ, какое же дѣло? Ты бѣжишь, или преслѣдуешь?

Эвт. Преслѣдую.

Сокр. Кого?

Эвт. Того, кого преслѣдуя, можно тотчасъ
4. показаться сумасшедшимъ.

Сокр. Что? ужь не на-лету ли кого-нибудь (8)?

Эвт. Куда ему летать! Онъ уже дряхлый старикъ.

Сокр. Ктожь это такой?

Эвт. Мой отецъ.

Сокр. Твой отецъ?

Эвт. Конечно.

Сокр. Какая же вина его? и въ чемъ дѣло?

Эвт. Въ убійствѣ, Сократъ.

Сокр. О Ираклъ! Да многіе и не знаютъ, какъ тутъ надобно поступить. Соблюсти справедливость въ этомъ случаѣ можно, думаю, не в. какому-нибудь обыкновенному человеку, а тому, кто уже сдѣлалъ великіе успѣхи въ мудрости.

Эвт. Конечно великіе, клянусь Зевсомъ, Сократъ.

Сокр. Видно, отецъ твой убилъ кого-нибудь изъ родныхъ (9)? само собою разумется: ибо за чужаго ты, вѣроятно, не сталъ бы обвинять его въ убійствѣ.

Эвт. Смѣшно, Сократъ, что ты различаешь: чужой убить, или свой. Надобно смотреть на одно: за дѣло ли убійца убилъ, или нѣтъ; если за дѣло,—оставь его, а когда нѣтъ, С.—преслѣдуй, хотя бы онъ ѣлъ и пилъ за однимъ съ тобою столомъ. Преступленіе не меньшее—жить съ нимъ сознательно и не очистить себя и его доносомъ суду. Умершій-то, видишь, былъ мой работникъ (10) и служилъ у насъ, когда мы воздѣлывали землю на островѣ Наксосѣ (11). Напившись допьяна и разсердившись на одного изъ нашихъ слугъ (12), онъ убилъ его. Отецъ мой, связавъ убійцѣ руки и ноги, бросилъ его въ ровъ, и послалъ сюда человека къ Истолкователю посоветоваться (13), что ему д. дѣлать. Между тѣмъ о связанномъ, какъ объ

убійць, не думалъ и не заботился: не важное, то-есть, дѣло, если и умреть, — что и случилось. Голодъ, стужа и эти веревки убили его прежде, чѣмъ посолъ возвратился отъ Истокователя. Вотъ за то-то и негодуютъ на меня — какъ отецъ, такъ и прочіе родные, что за убійцу я обвиняю своего отца въ убійствѣ, котораго, по ихъ словамъ, онъ не совершилъ. Да еслибъ и совершилъ, то и тогда, говорятъ, не стоило бы вступаться за умершаго; по тому что

Е. онъ самъ былъ убійца. При томъ, нечестиво будто бы сыну обвинять отца въ убійствѣ. Худо понимаютъ они, Сократъ, дѣла божественныя и отличаютъ святое отъ нечестиваго!

Сокр. Но ради Зевса, Эвтифронъ! не ужели ты приписываешь себѣ столь определенное знаніе дѣлъ божественныхъ и тѣхъ, которыя называются святыми и нечестивыми, что, обвиняя отца, не боишься совершить нечестіе, если происшествіе было таково, какъ оно рассказано тобою?

Эвт. А что было бы отъ меня пользы, Сократъ, и чѣмъ Эвтифронъ отличался бы отъ другихъ, если бы не зналъ определенно всѣхъ этихъ вещей?

Сокр. О, какъ же хорошо, дивный Эвтифронъ, мнѣ поучиться у тебя, и прежде чѣмъ начнется судопроизводство, сказать Мелиту слѣдующее: Я и прежде старался болѣе всего о познаніи дѣлъ божественныхъ; а тещерь, когда

онъ началъ обвинять меня въ вольномыслии и нововведеніяхъ касательно вѣры, я даже сдѣлался твоимъ ученикомъ. По сему, если ты, Мелить, сказалъ бы я, признаешь Эвтифрона въ этомъ отношеніи мудрымъ и правомыслящимъ; то думай такъ же и обо мнѣ и не обвиняй В. меня: а когда напротивъ; то суди прежде учителя, чѣмъ меня; по тому что онъ развращаетъ стариковъ, Сократа и отца своего, — перваго посредствомъ наставленій, а послѣдняго посредствомъ упрековъ и наказаній. Если же онъ не повѣритъ мнѣ и не освободитъ меня отъ суда, или, вмѣсто меня, обвинитъ тебя; то и ты въ судѣ скажешь то же самое, что прежде говорилъ я.

Эвт. Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ; пусть только попробуетъ онъ обвинять меня, — я открою, гдѣ у него гнило, и тогда въ судѣ скорѣ С. рѣе будутъ разсуждать о немъ, чѣмъ обо мнѣ.

Сокр. Знаю, любезный другъ; по тому-то и хочу быть твоимъ ученикомъ. Знаю также, что никто другой, ни самъ Мелить, не подумаетъ и взглянуть на тебя: напротивъ, въ меня онъ уже всмотрѣлся такъ проницательно и легко, что обвиняетъ въ нечестіи. Открой же мнѣ теперь, ради Зевса, то, что для тебя, по твоему признанію, совершенно ясно, то-есть, какъ надобно отличать благочестіе отъ нечестія—и въ D. убійствѣ и во всемъ другомъ. Развѣ святое не одно и то же во всякомъ дѣлѣ и не равно само

себѣ? Такимъ же образомъ, несвятое развѣ не противоположно всему святому и не равно само себѣ? Развѣ все, чтобы ни было, несвятое, заключается не въ одномъ родѣ нечестія?

Эт. Непремѣнно, Сократъ.

Сокр. Скажи же, что ты называешь святымъ, и что несвятымъ?

Эт. Святымъ я называю именно то, что теперь дѣлаю, то есть — преслѣдованіе преступника, обличеннаго либо въ убійствѣ, либо въ святотатствѣ, либо въ другихъ подобныхъ дѣлахъ, отецъ ли то будетъ, мать, или иной кто-нибудь: а непреслѣдованіе такихъ людей, по моему мнѣнію, есть несвятое. И смотри, Сократъ, на какомъ прочномъ основаніи утверждается истинность этого закона (14). Я говорилъ уже и другимъ, что справедливость требуетъ не полагать нечестивому, кто бы онъ ни былъ. Люди сами почитаютъ Зевса высочайшимъ и правосуднѣйшимъ изъ боговъ, однакожъ вѣрятъ, что онъ связалъ своего отца, безъ вины пожиравшаго дѣтей, а потомъ за другія подобныя дѣла оскотилъ его. Между тѣмъ на меня досадуяютъ, что я вооружаюсь противъ отца — преступника; и такимъ образомъ, по отношенію къ дѣлу боговъ и своему, противорѣчатъ сами себѣ.

Сокр. А не за то-то ли, Эвтифронъ, я и попадаю подъ судъ (15), что подобныя разказы о богахъ слушаю какъ-то съ неудовольствіемъ? Въ

томъ-то, скажутъ вѣроятно, я и погрѣшаю. Если же теперь и ты, при всемъ глубокомъ знаніи дѣлъ божественныхъ, держишься того же мнѣнія; то намъ необходимо, кажется, уступить. Да и какой дадимъ отвѣтъ (16), когда сами соглашаемся, что объ этомъ ничего не знаемъ? Но скажи, ради Бога Дружбы (17), думаешь ли ты, что это дѣйствительно такъ было.

Эвт. Было еще удивительнѣе этого, Сократъ, о чемъ простой народъ не вѣдаетъ.

Сокр. Значить, ты думаешь, что между богами въ самомъ дѣлѣ бываетъ сильная вражда, драка и многое тому подобное (18), о чемъ рассказываютъ поэты, что малюютъ добрые живописцы—и въ другихъ священныхъ для насъ мѣстахъ, и на той мантии (19), которая, со множествомъ подобныхъ изображеній, въ праздникъ Великихъ Панатеней (20) перевозится въ Акрополисъ? Назовемъ ли все это истиннымъ, Эвтифронъ? С.

Эвт. Не одно это, Сократъ; я, если угодно, расскажу тебѣ о дѣлахъ божественныхъ много и другаго, и увѣренъ, что, слушая меня, ты изумишься.

Сокр. Не удивительно; но объ этомъ расскажешь мнѣ когда-нибудь на досугъ; а теперь попытайся объяснить то, о чемъ я не давно просилъ тебя. Ты, другъ мой, еще не разрешилъ удовлетворительно перваго моего вопроса: въ чемъ состоитъ святое? а только сказалъ мнѣ, D.

будто святымъ называешь то, что теперь дѣлаешь, то-есть, обвиняешь отца въ убійствѣ.

Эт. И сказалъ правду, Сократъ.

Сокр. Можетъ быть. Но называешь ли ты, Эвтифронъ, и многіе другіе поступки святыми?

Эт. Конечно.

Сокр. А помнишь ли, что я спрашивалъ тебя не объ одномъ и не о двухъ святыхъ дѣлахъ изъ множества ихъ, но о цѣломъ родѣ, въ которомъ все святое—свято? Ты какъ будто **Б.** сказалъ, что, въ отношеніи къ одному роду, все несвятое — не свято, а святое — свято. Или не помнишь?

Эт. Помню.

Сокр. Такъ научи же меня, что такое самый этотъ родъ, чтобы, смотря на него и пользуясь имъ, какъ образцомъ (21), я могъ все согласное съ нимъ—и въ твоихъ поступкахъ, и въ поступкахъ другихъ людей, назвать святымъ, а несогласное — несвятымъ.

Эт. Скажу и это Сократъ, если хочешь.

Сокр. Да, хотѣлъ бы-таки.

Эт. Святое есть то, что пріятно богамъ, а не святое — то, что имъ непріятно.

Сокр. Прекрасно, Эвтифронъ; ты далъ такой **7.** отвѣтъ, о какомъ я просилъ тебя. Вѣренъ ли онъ, конечно еще не извѣстно; но ты безъ сомнѣнія докажешь, что говоришь справедливо.

Эт. И очень.

Сокр. Давай же рассмотримъ свое положеніе.

Богопріятный поступокъ и богопріятный человекъ святъ; богоненавистный поступокъ и богоненавистный человекъ несвятъ. Это—не одно и тоже, но святое совершенно противоположно несвятому. Не такъ ли?

Эт. Такъ.

Сокр. И тебѣ кажется, это хорошо сказано?

Эт. Думаю, Сократъ, что сказано.

Сокр. Но и то сказано, Эвтифронъ, что **В.** между богами бываютъ ссоры, взаимное несогласіе и вражда другъ противъ друга.

Эт. Конечно сказано.

Сокр. А вражда и гнѣвъ, почтеннѣйшій, происходятъ изъ разногласія касательно чего-нибудь. Разсмотримъ это. Положимъ, что я и ты различно думали бы о числахъ, которое изъ нихъ болѣе: разногласіе въ этомъ отношеніи возбудило ли бы между нами вражду и вооружило ли бы насъ другъ противъ друга? Или, **С.** сосчитавшійся по этому предмету, мы тотчасъ примирились бы?

Эт. Конечно примирились бы.

Сокр. Равнымъ образомъ, если бы мы разногласили касательно большаго и меньшаго; то, измѣривъ вещь, вѣрно перестали бы разногласить?

Эт. Разумѣется.

Сокр. Точно также, обратившись къ вѣсамъ, мы, думаю, кончили бы споръ о тяжѣйшемъ и легчайшемъ?

Эвт. Какъ не кончить.

Сокр. Отъ какого же разногласія и къ какому согласію перейти мы не могли бы, но срались бы другъ на друга и оставались врагами? Впрочемъ, можетъ быть, тебѣ такой вопросъ неподрученъ; такъ позволь мнѣ сказать и размысли: не есть ли это справедливое и несправедливое, хорошее и дурное, доброе и злое? Не объ этихъ ли предметахъ мы разногласимъ и, не могли совершенно сойтись въ отношеніи къ нимъ, бываемъ врагами другъ другу, какъ скоро сталкиваемся — я, ты и всѣ прочіе люди?

Эвт. Точно это, Сократъ, и объ этомъ все разногласіе.

Сокр. Чтожь? Если и боги разногласятъ, Эвтифронъ; то не тѣже ли предметы ихъ разногласія?

Эвт. Крайне необходимо.

Сокр. Значить, справедливымъ и несправедливымъ, хорошимъ и дурнымъ, добрымъ и злымъ одни изъ боговъ, благородный Эвтифронъ, по твоимъ словамъ, почитаютъ одно, другіе другое; ибо они, вѣроятно, не ссорились бы между собою, если бы не разногласили въ этомъ отношеніи. Не правда ли?

Эвт. Правда.

Сокр. И что каждый изъ нихъ почитаетъ хорошимъ, добрымъ и справедливымъ, то и любить, а противное сему ненавидитъ?

Эвт. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Но одно и тоже, какъ ты говоришь, для однихъ боговъ справедливо, а для другихъ несправедливо; — и это недоумѣнiе есть причина ихъ ссоры и взаимной вражды. Не такъ ли?

8.

Эвт. Такъ.

Сокр. Значить, одно и тоже и ненавидятъ они и любятъ; а потому дѣла богоненавистныя и боголюбезныя должны быть однѣ и тѣже.

Эвт. Кажется.

Сокр. Но по этимъ словамъ, Эвтифронъ, и святое и несвятое равнымъ образомъ должно быть одно и тоже.

Эвт. Едва ли не такъ.

Сокр. Слѣдовательно ты не на вопросъ отвѣчалъ, чудакъ: я спрашивалъ тебя не о томъ, что бываетъ одно и тоже—и святое и не святое; а изъ твоихъ словъ видно, что боголюбезное есть вмѣстѣ и богоненавистное. Такъ напримѣръ, не удивительно, что настоящимъ своимъ поступкомъ, то-есть, обвиненiемъ отца, в. ты угодишь Зевсу, но оскорбишь Хроноса и Урана, — едвѣлаешь прiятное Иеесту, но огорчишь Иру. Тоже должно сказать и о прочихъ богахъ, если только они не одного объ этомъ мнѣнiя.

Эвт. Но ни одинъ богъ, думаю, не споритъ съ другимъ, Сократъ, что не надобно на-

*

казывать человека, который незаконно убилъ кого-нибудь.

Сокр. Чтожь, Эвтифронъ? А между людьми разве ты слыхалъ, чтобы кто спорилъ, что не должно подвергать наказанію незаконнаго убійцу, или поступившаго не справедливо въ чемъ-нибудь иномъ?

Эвт. Такіе споры не прекращаются и въ другихъ мѣстахъ и въ судахъ. Даже тѣ, которые виноваты, какъ нельзя богѣ, все дѣлають и говорятъ, чтобы избавиться отъ обвиненія.

Сокр. Но если они уже признають себя виноватыми, Эвтифронъ; то, признавшись, говорятъ ли, что не должно наказывать ихъ?

Эвт. Этого-то не бываетъ.

Сокр. Слѣдовательно они не все дѣлають и говорятъ. Я думаю, никто не осмѣлится утверждать и спорить, что не должно наказывать его, хотя онъ и виноватъ. Такіе люди, видно, не почитаютъ себя виноватыми. Не правда ли?

Эвт. Правда.

Сокр. Слѣдовательно они спорятъ не о томъ, что не должно наказывать виновнаго, а о томъ, кто, въ чемъ и когда виновенъ.

Эвт. Справедливо.

Сокр. Но не тоже ли самое бываетъ и съ богами, если они, по твоимъ словамъ, ссорятся о справедливомъ и несправедливомъ, то-есть, если одни изъ нихъ говорятъ, что такой-то обидѣлъ,

а другіе не говорятъ? Того же, почтеннѣйшій, что не должно наказывать виновнаго, не смѣютъ сказать ни боги, ни люди.

В.

Эвт. Да, ты говоришь правду, Сократъ; именно это главное.

Сокр. При томъ, люди и боги, если только у боговъ, Эвтифронъ, бываютъ касательно чего-нибудь разногласія и споры, споря между собою, спорять, думаю, о дѣлахъ частныхъ; то есть, одни изъ нихъ извѣстное дѣло почитаютъ правымъ, а другіе не правымъ. Не такъ ли?

Эвт. Конечно.

Сокр. И такъ наставь же меня, любезный Эвтифронъ, что бы я былъ мудръ; скажи, почему ты знаешь, что всѣ боги почитаютъ беззаконною смерть такого наемнаго слуги (22), который, сдѣлавшись челоуѣкоубійцею, былъ бы связанъ господиномъ покойника и отъ узъ умеръ, прежде нежели связавшій успѣлъ получить извѣстіе отъ Истолкователей, какъ ему поступить, и что за это сынъ справедливо можетъ преслѣдовать своего отца и обвинять его въ убійствѣ. Ну-ка постарайся доказать мнѣ какъ-нибудь яснѣе, что непременно всѣ боги признаютъ это дѣло справедливымъ. Если твое доказательство будетъ достаточно; то я никогда не перестану прославлять твою мудрость.

Эвт. Но можетъ быть, это было бы дѣло

не малое, Сократъ, если бы я захотѣлъ доказать тебѣ съ совершенною ясностію.

Сокр. Вижу, что въ твоихъ глазахъ я не столь понятливъ, какъ судья; ибо имѣ-то ты конечно докажешь, что это незаконно (23), что такія дѣла ненавистны всѣмъ богамъ.

Эвт. И весьма ясно, Сократъ,—только бы захотѣли меня слушать.

- C. *Сокр.* Будутъ слушать, лишь бы твоя рѣчь показалась хорошею. Но между тѣмъ какъ ты говорилъ, я подумалъ и теперь размышляю самъ съ собою: положимъ, Эвтифронъ въ самомъ дѣлѣ научилъ бы меня, что такую смерть всѣ боги признаютъ незаконною; узналъ ли бы я отъ него даже и тогда, въ чемъ состоитъ святое, и въ чемъ несвятое? Пусть онъ сказалъ бы, что это богоненавистно; однакожь снѣ, по видимому не опредѣлилось бы еще значеніе того, что свято и противно святому; ибо дѣло богоненавистное бываетъ и богопріятнымъ. И такъ я увольняю тебя отъ отвѣта, Эвтифронъ; допустимъ если угодно, что всѣ боги признаютъ этотъ поступокъ незаконнымъ и ненавидятъ его. Но не поправиться ли намъ съ своею рѣчью слѣдующимъ образомъ: что всѣ боги ненавидятъ, то несвято; что любятъ, то свято; что одни любятъ, другіе ненавидятъ, то ни-то ни сѣ, или и то и сѣ? Хочешь ли такъ опредѣлить святое и несвятое?

Эвт. Что же препятствуетъ, Сократъ?

Сокр. Мнѣ - то ничто не препятствуетъ, Эвтифронъ; но ты смотри своё: допустивъ это, удобно ли тебѣ научить меня тому, что обещалъ?

Эвт. Да, я могу допустить, что любезное всѣмъ богамъ свято, а ненавистное всѣмъ богамъ не свято.

Е.

Сокр. Но разсматривать ли намъ, Эвтифронъ, истинность этого положенія, или оставить, и, когда утверждаютъ, что это такъ, просто принимать мнѣнiе — наше ли оно будетъ, или чужое? Впрочемъ не лучше ли изслѣдовать, что тутъ говорится?

Эвт. Лучше изслѣдовать; хотя я думаю, что теперь мы сказали хорошо.

Сокр. А вотъ сей-часъ узнаемъ обстоятельнѣе, почтеннѣйшій. Подумай-ка о слѣдующемъ: свято по тому ли свято, что любезно богамъ, или по тому любезно богамъ, что свято?

10.

Эвт. Я не понимаю твоихъ словъ, Сократъ.

Сокр. Такъ постараюсь сказать яснѣе: мы называемъ нѣчто носимымъ и носящимъ, водимымъ и водящимъ, видимымъ и видящимъ. Ты понимаешь, что все это отлично одно отъ другаго, какъ отличное.

Эвт. Да, кажется понимаю.

Сокр. По этому, любимое не отлично ли также отъ любящаго?

Эвт. Какъ не отлично.

В. *Сокр.* Скажи же мнѣ: носимое по тому ли носимо, что его носятъ, или по чему иному?

Эвт. Нѣтъ, именно по этому.

Сокр. И водимое,—по тому, что его водятъ, и видимое,—по тому, что его видятъ?

Эвт. Конечно.

Сокр. Значить, видимое не по тому видятъ, что оно видимо, а напротивъ по тому видимо, что его видятъ; и водимое не по тому водятъ, что оно водимо, а по тому водимо, что его водятъ; и носимое не по тому носятъ, что оно носимо, а по тому носимо, что его носятъ. Понимаешь ли теперь, Эвтифронъ, что я хочу сказать? Я хочу сказать слѣдующее: если что-

С. *нибудь* бываетъ, или страдаетъ; то бываетъ не по тому, что оно есть бываемое, а по тому есть бываемое, что оно бываетъ; и страдаетъ не по тому, что оно есть страдательное, а по тому есть страдательное, что оно страдаетъ. Или ты не согласенъ съ этимъ?

Эвт. Согласенъ.

Сокр. А любимое не есть ли нѣчто бываемое, либо нѣчто страдательное въ отношеніи къ чему-нибудь?

Эвт. Конечно.

Сокр. Значить, и оно таково же, какъ прежнее; то-есть, когда любятъ его, то любятъ не по тому, что оно любимо, а по тому оно любимо, что его любятъ?

Эвт. Необходимо.

Сокр. И такъ что же скажемъ мы о свя- D.
томъ, Эвтифронъ? не то ли, что оно, согласно
съ прежнимъ твоимъ мнѣніемъ, любезно всѣмъ
богамъ?

Эвт. То самое.

Сокр. Но по тому ли, что оно свято, или
по чему иному?

Эвт. Нѣтъ, именно по этому.

Сокр. Следовательно оно любимо по тому,
что свято, а не потому свято, что любимо.

Эвт. Кажется.

Сокр. И однакожь боголюбезное боголюбезно
и любимо по тому, что его любить боги.

Эвт. Какъ же иначе.

Сокр. Значить, боголюбезное не есть свя-
тое, Эвтифронъ, и святое, по твоимъ же сло-
вамъ, не есть боголюбезное; но одно отлично
отъ другаго.

Эвт. Какъ же такъ, Сократъ?

Сокр. Такъ. Мы согласились, что святое
по тому любимо, что свято, а не по тому свято,
что любимо. Не правда ли? E.

Эвт. Правда.

Сокр. Боголюбезное же таково, поколику
любезно богамъ, то-есть, боголюбезно именно
по тому, что любимо, а не по тому любимо, что
боголюбезно.

Эвт. Твоя правда.

Сокр. Но если боголюбезное и святое, Эв-
тифронъ, одно и тоже; то, какъ святое любить

- ради того, что оно свято, такъ и боголюбезное
11. любили бы по тому, что оно боголюбезно. Если же боголюбезное боголюбезно по тому, что оно любимо богами, то и святое было бы свято по тому, что оно любимо ими. Между тѣмъ ты видишь, что онѣ находятся въ обратномъ отношеніи, какъ отличныя одно отъ другаго: то есть, первое надобно любить по тому, что его любить; а последнее любить по тому, что его надобно любить. Видно же на мой вопросъ, что называется святымъ, ты, Эвтифронъ, не хотѣлъ открыть самую сущность его, а только пока-
- В. залъ нѣкоторое его свойство. Ты сказалъ, что ему свойственно быть любезнымъ для всѣхъ боговъ, а не сказалъ, что такое оно само по себѣ. И такъ, если тебѣ пріятно, не скрывай отъ меня этого, но объяви опять сначала, что называется святымъ, не зависимо отъ того, любезно ли оно богамъ, или имѣетъ какое-нибудь другое свойство. Объ этомъ мы разногласить не будемъ; только скажи искренно, что почитается святымъ и несвятымъ.

Эвт. Но я не знаю, Сократъ, какъ высказать тебѣ свои мысли. Все, что мы ни выставимъ (94), какъ-то кружится у насъ и не хочетъ оставаться на томъ мѣстѣ, гдѣ было поставлено.

- Сокр.* Видно твои слова, Эвтифронъ, суть
- С. слова моего предка Дедала (95). Если бы сказалъ и постановилъ ихъ я; то ты, можешь быть, посмѣялся бы надо мною: вотъ - де, по родству

съ нимъ, и у тебя содержаніе ускользаетъ изъ рѣчи и не хочетъ оставаться тамъ, гдѣ было положено. А теперь, такъ какъ предположенія сдѣланы тобою, нужна иная шутка: ты самъ видишь, что онѣ не устаиваются у тебя.

Эвт. По мнѣ, Сократъ, наши слова вызываютъ именно такую шутку; потому что не я сообщилъ имъ способность кружиться и не стоять на одномъ мѣстѣ, а ты — Дедалъ, какъ D. мнѣ кажется. У меня - то оставалось бы это такъ.

Сокр. Видно же, другъ мой, въ искусствѣ я превосходнѣе того чловѣка: онъ дѣлалъ движимыми только собственныя свои произведенія; а я, кромѣ собственныхъ, привожу въ движеніе и чужія. При томъ, — вотъ прелесть искусства — я мудрецъ не хотя; мое желаніе было установить рѣчь и сдѣлать ее твердою, чтобы къ мудрости Дедала присоединить особенно сокровища Танталовы (26). Впрочемъ довольно объ этомъ. Такъ какъ ты, кажется, безпеченъ; то я самъ вмѣстѣ съ тобою постараюсь показать, какимъ образомъ тебѣ надлежало бы учить меня, что называется святымъ. Не поскучай же. Смотри: все святое не необходимо ли представляется тебѣ справедливымъ? E.

Эвт. Необходимо.

Сокр. А все справедливое — святымъ? — Или можетъ быть все святое справедливо, но не все

12. справедливое свято? можетъ быть одно свято, а другое и не таково?

Эвт. Я не понимаю тебя, Сократъ.

- Сокр.* Однакожь ты во сколько моложе меня, во столько же и мудре. Тебѣ, какъ я сказалъ, мѣшаетъ одна безпечность, происходящая отъ богатства мудрости. Но сдѣлай усиліе, почтеннѣйшій. Да о моихъ словахъ и не трудно размыслить. Я говорю противное тому, что воспѣваетъ поэтъ (37): «О Зевсѣ, который все это сотворилъ и насадилъ, ты говорить не хочешь; ибо гдѣ страхъ, тамъ и стыдъ.» В. этомъ я не согласенъ съ поэтомъ. Сказать ли по чему?

Эвт. Скажи.

- Сокр.* Я не думаю, что гдѣ страхъ, тамъ и стыдъ. Мнѣ кажется, многіе хоть и боятся болѣзней, бѣдности и другихъ вещей; но, боясь, не стыдятся того, чего боятся. Не такъ ли и тебѣ кажется?

Эвт. Конечно.

- Сокр.* Напротивъ, гдѣ стыдъ, тамъ и страхъ; ибо найдется ли такой человекъ, который бы, стыдясь чего-нибудь и краснѣя, не опасался въ С. тоже время и не боялся безславія?

Эвт. Да, боится.

- Сокр.* Слѣдовательно несправедливо сказано: гдѣ страхъ, тамъ и стыдъ. Надобно сказать: гдѣ стыдъ, тамъ и страхъ. То-есть, гдѣ страхъ - то, тамъ не всегда бываетъ стыдъ;

потому что страхъ, кажется, обширнѣе стыда: стыдъ есть часть страха, какъ нечетъ есть часть числа; такъ что, гдѣ есть число, тамъ можно еще и не быть нечету; а гдѣ есть нечетъ, тамъ уже есть и число. Понимаешь ли теперь?

Эт. Понимаю.

Сокр. Такъ вотъ такой же вопросъ былъ и прежде. Точно ли, гдѣ справедливое, тамъ и святое? или только на оборотъ: гдѣ святое, тамъ и справедливое, а гдѣ справедливое, тамъ не всегда бываетъ святое, поколику то есть святое разумется, какъ часть справедливаго? Такъ ли скажемъ, или тебѣ иначе кажется? D.

Эт. Не иначе, а такъ; по тому что ты говоришь правду.

Сокр. Смотри же, что далѣе. Если святое есть часть справедливаго; то по видимому надобно опредѣлить, какую часть справедливаго составляетъ святое. Положимъ, ты спросилъ бы меня, о чемъ сей часъ говорено было, то есть, какую часть числа составляетъ четъ, и что это за-число? Я отвѣчалъ бы: у котораго не неравныя, а равныя стороны (28). Или не такъ?

Эт. Такъ.

Сокр. Постарайся же и ты объяснить мнѣ E. такимъ образомъ: святое—какая часть справедливаго?—и тогда скажемъ Мелиту, что онъ не

долженъ обижать насъ и обвинять въ нечестіи; ибо мы достаточно узнали отъ тебя, что называется благочестивымъ и святымъ, и что нѣтъ.

Эвт. Благочестивое и святое, Сократъ, кажется, есть та часть справедливаго, которая состоитъ въ обхожденіи съ богами; а остальная относится къ обхожденію съ людьми.

Сокр. Ты, по видимому, прекрасно говоришь, Эвтифронъ. Теперь мнѣ нужно нѣчто
13. немного. Я еще не понимаю, что у тебя называется обхожденіемъ. Ты вѣдь, кажется, не сказалъ, что обхожденіе съ богами—таково, каково бываетъ и съ другими. Мы говоримъ же на примѣръ, что не всякій умѣетъ обходиться съ лошадьми, а только всадникъ. Не такъ ли?

Эвт. Конечно.

Сокр. По этому искусство всадника состоитъ въ обхожденіи съ лошадьми.

Эвт. Да.

Сокр. И не всякій умѣетъ обходиться съ собаками, а только псарь.

Эвт. Такъ.
Сокр. Значить, искусство псаря есть обхожденіе съ собаками.

В. *Эвт.* Да.

Сокр. А искусство псарицы есть обхожденіе съ собаками.

Эвт. Да.

Сокр. По этому искусство псарицы состоитъ въ обхожденіи съ собаками.

Эвт. Да.

Эт. Такъ.

Сокр. Но вѣдь всякое обхожденіе дѣлаетъ одно и тоже, а именно, какое-нибудь добро и пользу тому, съ чѣмъ обходятся. Напримѣръ, ты самъ видишь, что отъ искусства всадническаго получаютъ пользу и становятся лучшими лошади. Или тебѣ иначе кажется?

Эт. Нѣтъ, не иначе.

Сокр. Такимъ же образомъ, отъ искусства неарнаго — собаки, отъ пастушьяго — быки. С. Тоже должно сказать и о всемъ другомъ. Или ты думаешь, что обхожденіе служитъ ко вреду того, съ чѣмъ обходятся?

Эт. Нѣтъ, не думаю, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Слѣдовательно къ пользѣ?

Эт. Какъ же иначе.

Сокр. Значить, и святость, какъ обхожденіе съ богами, приносить имъ пользу и дѣлаетъ ихъ лучшими? Но можешь ли согласиться, что, совершая извѣстное святое дѣло, ты улучшаешь котораго-нибудь бога?

Эт. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Конечно, я и самъ не думаю, Эвтифронъ, чтобы ты сказалъ это; куда думать! Для того-то я и спросилъ, какъ ты понимаешь обхожденіе съ богами, что былъ увѣренъ въ твоемъ несогласіи разумѣть его такимъ обра- д.

Эт. Да и справедливо, Сократъ; ибо я могу дѣлать не такъ разумно его.

Сокр. Положимъ; какое однакожь обхожденіе съ богами называется святостію?

Эвт. Такое, Сократъ, какое прилично слугамъ въ отношеніи къ ихъ господамъ.

Сокр. Понимаю: это должно быть искусство служить богамъ.

Эвт. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Но можешь ли сказать, въ исполненіи какого дѣла искусство служить услуживаетъ врачамъ? не въ возстановленіи ли здоровья?

Эвт. Конечно.

Сокр. Чтожь? А кораблестроителямъ искусство служить въ исполненіи какого дѣла услуживаетъ?

Е. *Эвт.* Явно, что въ постройкѣ кораблей, Сократъ.

Сокр. А домостроителямъ, видно, въ постройкѣ домовъ?

Эвт. Да.

Сокр. Скажи же, почтеннѣйшій: искусство служить богамъ въ исполненіи какого дѣла услуживаетъ? Ты безъ сомнѣнія знаешь это; поколику самъ говоришь, что лучше всѣхъ разумѣешь предметы божественные.

Эвт. И правду говорю, Сократъ.

Сокр. Скажи же, ради Зевса; въ чемъ состоитъ то совершенное дѣло, которое производятъ боги, пользуясь нашими услугами?

Эт. Такихъ дѣлъ много и онъ прекрасны, Сократъ.

Сокр. Конечно, и у полководцовъ также; 14. любезнѣйшій: однакожь о главномъ дѣлѣ ихъ сказать не трудно; то-есть они выигрываютъ побѣду на войнѣ. Не такъ ли?

Эт. Какъ же иначе?

Сокр. Равнымъ образомъ много прекрасныхъ дѣлъ и у земледѣльцевъ; однакожь главное дѣло ихъ есть произращеніе пищи.

Эт. Конечно.

Сокр. Ну, а изъ многихъ и прекрасныхъ дѣлъ, производимыхъ богами, которое главное?

Эт. Я недавно сказалъ тебѣ, Сократъ, В. что узнать съ точностію состояніе всего этого весьма не легко. Вотъ мой короткій отвѣтъ: Кто въ молитвахъ и жертвоприношеніяхъ умѣетъ и говорить и дѣлать угодное богамъ; того дѣла святы и спасительны, какъ для собственнаго его дома, такъ и вообще для общества: а противныя богоугоднымъ—нечестивы, все искореняютъ и губятъ.

Сокр. Конечно, если бы ты захотѣлъ, Эвтифронъ, то могъ бы еще гораздо короче выразить главное въ томъ, о чемъ я спрашивалъ. Но у тебя нѣтъ охоты научить меня; это видно. Вотъ, и приблизившись къ дѣлу, ты возвращаешься назадъ. Выслушавъ твой отвѣтъ, я С. и безъ тебя уже достаточно уразумѣлъ бы, что такое святость: а теперь вопрошающій по

необходимости долженъ слѣдовать за вопрошаемымъ, куда бы послѣдній ни шелъ. И такъ что же называешь ты святымъ и святостию? ужь не умѣешь ли приносить жертвы и молиться?

Эт. Да.

Сокр. Но приносить жертвы не значитъ ли давать богамъ, а молиться — просить у нихъ?

Эт. Разумвется, Сократъ.

В. *Сокр.* Слѣдовательно святость, по твоимъ словамъ, есть знаніе просить и давать?

Эт. Ты весьма хорошо понялъ меня, Сократъ.

Сокр. По тому, любезнѣйшій, что жажду твоей мудрости и прилагаю къ ней умъ свой, чтобы не уронить ни одного слова.—Но скажи мнѣ, что же будетъ самое служеніе богамъ? видно просить ихъ и давать имъ?

Эт. Да.

Сокр. А справедливо просить, не значитъ ли просить у нихъ того, что намъ нужно съ ихъ стороны?

Эт. Чего же еще?

Сокр. И опять, справедливо давать, не значитъ ли отдаривать ихъ тѣмъ, что имъ нужно съ нашей стороны? ибо не учтиво же, кажется, было бы дарить кого-нибудь такою вещію, въ которой онъ не нуждается.

Эвт. Твоя правда, Сократъ.

Сокр. Слѣдовательно святость, Эвтифронъ, есть какое-то торговое искусство между богами и людьми?

Эвт. Пожалуй, если тебѣ угодно такъ называть его.

Сокр. Мнѣ-то не угодно, если это несправедливо. Скажи, какую пользу боги получаютъ 16. отъ даровъ нашихъ? Что они даютъ, то всякому известно; ибо у насъ нѣтъ ничего добраго, что было бы даровано не ими. Но въ чемъ состоитъ та польза, которую они получаютъ отъ насъ? Или наша выгода въ этой торговлѣ такъ выше ихъ выгоды, что отъ нихъ мы приобретаемъ всѣ блага, а отъ насъ они не приобретаютъ ничего?

Эвт. Развѣ ты думаешь, Сократъ, что боги пользуются нашими приношеніями?

Сокр. А иначе, что значили бы онѣ для боговъ, Эвтифронъ?

Эвт. Что другое представишь, кромѣ чести, поклоненія и благодарности, какъ я недавно сказалъ.

Сокр. По этому святое есть выраженіе благодарности, Эвтифронъ; а не то, что полезно и любезно богамъ?

Эвт. Но выраженіе благодарности для нихъ, важется, любезнѣе всего.

Сокр. Такъ опять выходитъ, что святое любезно богамъ?

*

Эвт. Безъ всякаго сомнѣнія.

Сокр. Но говоря это будешь ли удивляться, что слова твои не стоятъ на одномъ мѣстѣ, а бродятъ? и захочешь ли обвинять меня, какъ Дедала, въ ихъ непостоянствѣ? Ты самъ гораздо искуснѣе, чѣмъ Дедалъ, заставляешь ихъ ходить кругомъ. Развѣ не замѣчаешь, что наша рѣчь пришла опять къ своему началу? Вѣроятно ты помнишь, что святое и боголюбезное прежде было у насъ не одно и то же, а различно. Или не помнишь?

Эвт. Помню.

Сокр. А теперь развѣ не сознаешь, что любезное богамъ называешь святымъ? Вѣдь любезное богамъ есть не иное что, какъ боголюбезное? Или нѣтъ?

Эвт. Конечно.

Сокр. Слѣдовательно, или прежнее положеніе не хорошо, или теперешнее не вѣрно, если то хорошо.

Эвт. Кажется.

Д. *Сокр.* Итакъ надобно изслѣдовать снова, что называется святымъ: я, сколько отъ меня зависитъ, не откажусь отъ этого предмета, пока не узнаю его. Не презри же меня, но непремѣнно удостой своимъ вниманіемъ и хоть теперь наконецъ скажи истину. Тебѣ она известна вѣдь болѣе, чѣмъ другимъ; а по тому тебя не должно выпускать изъ рукъ, какъ Протея, пока не скажешь (29). Если бы ты не зналъ

ясно, что называется святымъ и нечестивымъ, то какъ бы тебѣ рѣшиться—за челоуѣка наемнаго, настойчиво обвинять (30) въ убійствѣ старика отца? Нѣтъ, ты и боговъ побоялся бы, чтобъ какъ-нибудь не сдѣлать неправды, и постыдился бы людей. Да, я хорошо знаю, что тебѣ совершенно извѣстно святое и не святое. Скажи же, добрый Эвтифронъ; не скрывай отъ меня своихъ мыслей.

Эвт. Въ другое время, Сократъ; теперь спѣшу въ одно мѣсто, и уже пора идти.

Сокр. Что ты дѣлаешь, другъ мой? Твое удаленіе лишаетъ меня великой надежды, — узнавъ отъ тебя, что свято, что нѣтъ, избавиться отъ обвиненія, внесеннаго на меня Мелитомъ. Я доказалъ бы ему, что, по милости Эвтифрона, вышедши мудрецомъ въ дѣлахъ божественныхъ, я уже не говорю объ нихъ пустяковъ, какъ невѣжда, не ввожу новыхъ понятій, даже намѣренъ и остальную свою жизнь провести сколько можно лучше.

МЕНОНЪ.

М Е Н О Н Ъ.

В В Е Д Е Н І Е.

Главная тема Менона ничѣмъ не отличается отъ вопроса, разрѣшаемаго въ Протагорѣ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ, предметъ изслѣдованія—добродѣтель, то-есть, изучается ли она, или получается отъ природы. По этому вѣроятно покажется страннымъ, что я не поставилъ Менона въ непосредственную связь съ Протагоромъ, или по крайней мѣрѣ Эвтидемомъ, но между сими разговорами помѣстилъ Лахеса, Хармида и Эвтифрона, въ которыхъ разсматриваются только виды добродѣтели. Вотъ мое основаніе: въ Протагорѣ Платонъ не высказалъ послѣдняго результата, откуда и какимъ образомъ пріобрѣтается добродѣтель; цѣль его тамъ была—не научить, а обличить софиста въ незнаніи того самаго предмета, по отношенію къ которому онъ почиталъ себя

мудрецомъ и лучшимъ изъ всѣхъ преподавателемъ. Въ томъ же намѣреніи изложенъ разговоръ Сократа съ Лахесомъ и Никіасомъ о мужествѣ, съ Хармидомъ и Критіасомъ—о разсудительности, съ Эвтифрономъ—о святости. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ не видно прямого указанія на положительную мысль сына Софронискова: къ ней ведутъ только намеки; ее обличаетъ только умозаключеніе. Напротивъ въ Менонѣ, послѣ долговременной борьбы съ ученикомъ Горгіаса, и по опроверженіи софистическихъ его понятій о существѣ и происхожденіи добродѣтели, Сократъ довольно опредѣленно высказываетъ и собственную свою мысль о ней. По сему на Менона должно смотрѣть, какъ на заключеніе Сократовой Меники, какъ на окончательное раскрытіе нравственности, которую Афинскій мудрецъ столь неутомимо преподавалъ своимъ соотечественникамъ. При томъ нельзя не замѣтить, что въ Менонѣ къ учению Сократа Платонъ уже привилъ нѣсколько и своихъ собственныхъ идей, которыми этотъ разговоръ поставляется въ отношеніе къ Федру, Горгіасу и Теэтету. Такъ напримѣръ, ученіе о познаніи въ смыслѣ припоминанія вещей, которыя душа видѣла въ домірномъ своемъ существованіи, очевидно объясняется исторіею человѣческаго духа, мифически изложенною въ Федрѣ; а математическія понятія о фигурѣ, фізіологическіе толки

Эмпедокла о чувственныхъ представленіяхъ и мысль о правильномъ мнѣніи указываютъ на основанія въ Тезетѣ и Горгіасѣ. Впрочемъ общее всегда позволительно предпочитать частному: общая тема Менона даетъ ему большее право на связь съ Протагоромъ, нежели нѣкоторыя частныя мысли—на сближеніе съ сими послѣдними разговорами.

Приступая къ разбору этого сочиненія, мы прежде всего видимъ, что въ немъ нѣтъ обыкновеннаго въ Платоновыхъ разговорахъ вступленія, въ которомъ нашъ философъ драматически излагаетъ всѣ обстоятельства, предуготовляющія къ изслѣдованію извѣстнаго предмета. Здѣсь бесѣда начинается вдругъ вопросомъ: «скажи мнѣ, Сократъ, можно ли изучать добродѣтель, или она не изучается, а приобрѣтается подвигами, или и не изучается и не приобрѣтается подвигами, а получается отъ природы?» Такое нечаянное, не приготовленное начало заставляло нѣкоторыхъ критиковъ сомнѣваться въ подлинности Менона. Это сомнѣніе, по видимому, тѣмъ основательнѣе, чѣмъ нужнѣе было бы здѣсь вступленіе. Потребность его становится ощутительною особенно въ томъ случаѣ, когда Сократъ вдругъ обращается къ новому собесѣднику, Аниту, о присутствіи, или прибытіи котораго прежде было вовсе неизвѣстно, если не на это указывается словами: *εἰς καλὸν ἦμῖν Ἄνιτος ὄδε παρεμβαίηται*. Но одинъ

недостатокъ драматическаго вступленія , по нашему мнѣнію, еще нельзя почитать признакомъ подложности разгорора — во первыхъ по тому, что и другія нѣкоторыя бесѣды Платона, въ подлинности которыхъ никто не сомнѣвался, оставлены также безъ вступленій, таковы на примѣръ Кратиль и Филебъ; во вторыхъ по тому, что недостатокъ приступа можетъ только приводить къ вопросу, выполнѣ ли извѣстный разговоръ дошелъ до насъ, не былъ ли онъ отрывкомъ иного, болѣе обширнаго сочиненія, которое впоследствии потерялось, или, не входилъ ли въ какую-нибудь тетралогію Платоновыхъ разговоровъ.

Сомнѣвались также и касательно главной темы Менона; спрашивали, что именно изслѣдывается въ немъ: то ли, какъ надобно понимать добродѣтель, или то, какимъ образомъ она пріобрѣтается? Это недоумѣніе основывалось на самомъ ходѣ разсматриваемой бесѣды. Она естественно дѣлится на четыре части.

Первая начинается вопросомъ Менона: можно ли изучать добродѣтель, или надобно почитать ее даромъ природы? Поскольку же, для рѣшенія его, по замѣчанію Сократа, нужно напередъ знать, что должно разумѣть подъ именемъ добродѣтели; то Менонъ старается опредѣлить ее, и однакожь никакъ не можетъ всѣ виды ея подвести подъ одинъ родъ. Вотъ его опредѣленія:

- а. Всякому возрасту, полу и состоянію прилична своя добродѣтель, а потому понятія о добродѣтели относительно различны: но Сократъ требуетъ одного общаго. 70—73.
- б. Добродѣтель есть умѣнье управлять людьми: но Сократъ замѣчаетъ, что дѣти и рабы по этому не могутъ быть добродѣтельны. При томъ, чтобы умѣнье управлять было добродѣтелию, надобно представлять себѣ управленіе справедливое; а справедливость есть только часть добродѣтели. 74—76.
- с. Быть добродѣтельнымъ значитъ радоваться хорошему и имѣть для него способность: но Сократъ доказываетъ, что всякій радуется хорошему, хотя бы кто находилъ хорошее въ дѣятельности совершенно злой; а по тому людей злыхъ нѣтъ, всѣ добрые. Притомъ радоваться хорошему можно справедливо или несправедливо, разсудительно или неразсудительно; а это значитъ имѣть дѣло не съ добродѣтелию, но съ частію добродѣтели. 77—79.

Послѣ сего Менонъ прибѣгаетъ подъ защиту извѣстнаго въ древности софизма, что опредѣлять нельзя ни того, что знаешь, ни того, чего не знаешь.

Во второй части Сократъ доказываетъ Менону, что неизвѣстное общее можно опредѣлять посредствомъ предварительнаго возбужденія

частныхъ познаній (*ἐνησων αὐτῶ αἰ δόξαι*); по тому что всякое познаніе есть не болѣе, какъ припоминаніе вещей, видѣнныхъ душею во время домірнаго ея существованія. Это доказательство производится посредствомъ возбужденія геометрическихъ понятій въ мальчикъ, который никогда не учился геометріи. 80—86.

Въ третей Сократъ, на принятой мысли, что общее понятіе о добродѣтели, какъ припоминаніе, для человѣка возможно, хочетъ изслѣдовать вмѣстѣ съ Менономъ, какъ надобно понимать ее: но ученикъ Горгіаса требуетъ рѣшенія прежняго вопроса и, вмѣсто необходимаго въ семь случаевъ основанія, соглашается допустить только предположеніе, что добродѣтель есть знаніе. Изъ этого предположенія очевидно вытекаетъ ея изучаемость (1): но Сократъ опровергаетъ слѣдствіе тѣмъ, что нѣтъ учителей добродѣтели; такъ что наконецъ добродѣтель представляется и не даромъ природы, поколику она есть знаніе, и не плодомъ науки, поколику ни одинъ добродѣтельный человѣкъ не въ силахъ передать ее другому. 87—96.

(1) Считаю нужнымъ замѣтить, что выводъ изучаемость добродѣтели изъ понятія о ней, какъ о знаніи, Сократъ отнюдь не излагаетъ собственнаго мнѣнія, а приспособляется къ убѣжденію сошниковъ и дѣлаетъ это для того, чтобы на ихъ же основаніяхъ показать независимость добродѣтели отъ природы.

Въ четвертой Сократъ находитъ другое предположеніе для рѣшенія Меноновой задачи. Добродѣтель, говоритъ онъ, есть не только знаніе, но и справедливое мнѣніе; потому что послѣднее точно такъ же руководствуетъ къ совершенію добрыхъ дѣлъ, какъ и первое. Но знаніе само по себѣ не даетъ добродѣтели; а справедливое мнѣніе, припоминаемое душою (85 С.), само по себѣ походитъ на прорицаніе мужей богодухновенныхъ, которые говорятъ много истиннаго, не зная того, что говорятъ. По сему добродѣтель не изучается и не есть даръ природы, а посылается отъ Бога. Вотъ что вытекаетъ изъ настоящихъ основаній, заключаетъ Сократъ! но ясно мы узнаемъ это тогда, когда оснуемъ свою мысль о происхожденіи добродѣтели не на предполагаемомъ понятіи о ней, а на изслѣдованіи сущности ея. 97—100.

Изъ такого хода разговора ясно открывается, что метода его изложенія — аналитическая; то-есть Платонъ старается рѣшить предложенный вопросъ на основаніи вѣрнаго понятія объ изслѣдываемомъ предметѣ. По сему критики, доказывавшіе, что въ Менонѣ главное вниманіе писателя обращено было на опредѣленіе добродѣтели, а не на происхожденіе ея, очевидно принимали основаніе за слѣдствіе и давали особенный вѣсъ не тому, для чего что

изслѣдывается, а тому, о чемъ большею частію говорится.

Изъ такой ошибки сама собою проистекла и другая. Арнольдъ и Штальбомъ доказываютъ, что слова Платона о добродѣтели, какъ о даръ Божіемъ, надобно принимать въ смыслъ ироническомъ, и что послѣдняго результата, что такое добродѣтель, Платонъ въ своемъ Менонѣ не высказалъ; а Астъ, испугавшись мысли Сократа о божественномъ ея происхожденіи и думая, будто сынъ Софрониска противорѣчить этому положенію въ Протагорѣ, также показаніямъ Ксенофонта и Аристотеля, отослать Менона къ числу сочиненій подложныхъ.

Мы имѣемъ причины не допускать ни того ни другаго заключенія. И во первыхъ, изъ представленія истинно добрыхъ дѣлъ, совершаемыхъ политиками по одному правильному мнѣнію, Сократъ такъ прямо и опредѣленно выводитъ слѣдствіе, что добродѣтель достается людямъ *θελα μοίρα, ἀνευ γῆ*, что тутъ не можетъ быть мѣста ироніи. Платонъ допускалъ добродѣтели юридическія и, для совершенія ихъ, признавалъ достаточными законы отечества, образованіе, науку, но подъ этимъ отнюдь не разумѣлъ добродѣтели нравственной, тождественной съ мудростію: первыя онъ почиталъ только полезными, послѣднюю—добромъ, и обыкновенно заключалъ, что все доброе полезно, но не все полезное добро. И такъ, если политикъ

производить истинное добро, если онъ въ самомъ дѣлѣ мудрецъ; то своимъ добромъ обязанъ и не природѣ и не наукѣ, а внушенію Божію. Эта самая мысль повторяется во многихъ мѣстахъ Платоновыхъ сочиненій, на примѣръ въ Политикѣ (р. 309. С): «истинно и непреложно мнѣніе, что прекрасное, справедливое и доброе, входя въ души, въ родѣ, причастномъ Божеству, бываетъ божественнымъ.» И въ Республикѣ (р. 493 А): «надобно твердо помнить, что кто соблюлъ себя и остался, какимъ должно, въ подобномъ состояніи общества; тотъ успѣлъ въ этомъ по жребію божественному.» Положеніе, что въ Менонѣ Сократъ не иронически, а серьезно производить добродѣтель отъ Бога, весьма сильно поддерживается также Фюлленборномъ (1), Фишеромъ (2), и Тидеманомъ (3).

Но что сказать противъ основаній Аста²— только то, что онъ, подобно многимъ своимъ соотечественникамъ (4), неправильно понимаетъ

(1) *Symbolæ ad histor. phil.* P. X p. 143 sqq.

(2) *Ad Aeschin. Socrat.* p. 21.

(3) *Argumenta diall. Plat.* p. 129.

(4) Брандисъ (*Musei Rhenani* vol. I. p. 131) говоритъ: tugendhaft handelt, nach Socrates Lehre, wer mit deutlichem zum Begriff gesteigerten Bewusstsein von der Sittlichkeit und Pflicht und mit Einsicht handelt. На какихъ словахъ Сократа или Платона опирается это, по всему Нѣмецкое умствование?

значение знания (*φρόνησις*), поколику Сократъ раз-
 сужаетъ подъ нимъ добродѣтель. Въ введеніи къ
 Протагору было уже доказано, что по мнѣнію
 Сократа, добродѣтель нравственная отнюдь не
 есть нѣчто изучаемое, слѣдовательно и не есть
 знаніе (*ἐπιστήμη*). По этому въ Менонѣ, произво-
 дя ее отъ Бога, Платонъ нисколько не противор-
 вчить Сократову убѣжденію, намекнутому въ
 Протагорѣ. Асть ссылается на Ксенофонта
 Mem. Socr. III. 9. 5: но въ этомъ мѣстѣ гово-
 рится, что и справедливость и всякую другую
 добродѣтель Сократъ почиталъ мудростію (*σοφία*),
 и кто не имѣетъ мудрости, тотъ не умѣетъ со-
 вершить ничего добраго и похвальнаго. Но что
 такое мудрость, по смыслу Сократа? «Мудрость,
 говоритъ онъ, есть знаніе наилучшаго» (*ἡ τῆ
 βελτίστου ἐπιστήμη Alcib. 145. C.*); «имя мудрости,
 мнѣ кажется, есть имя великое, приличествую-
 щее одному Богу» (*τὸ μὲν σοφὸν καλεῖν ἔμοιγε μέγα
 εἶναι δοκῆ καὶ θεῷ μόνῳ πρόπειν Phaedr. 278. D.*);
 «мудрствуетъ тотъ, кто познаетъ самаго себя»
 (*τὸ ἑαυτὸν γινώσκειν, ἐστὶ σοφροῦν Amat. 138. A.*).
 Эти выраженія показываютъ, что знаніе, въ
 смыслѣ мудрости или добродѣтели, по мнѣнію
 Сократа, не есть теоретическое развитіе ума,
 обогащающее его различными познаніями (1),

(1) Эту именно мысль выражаетъ Сократъ, говоря:
 «а что исполнять правильно дѣла свои нельзя тому,
 кто не благоразуменъ,—на это мы, по видимому, на-
 прасно согласились.»

но есть гармоническое и сознательное направ-
леніе всѣхъ силъ души, ума, чувства и воли,
къ высочайшей цѣли, которая отразилась въ
человѣческомъ существѣ чѣмъ-то божествен-
нымъ, и которая проявляется истинно добры-
ми дѣлами, или добродѣтелю.

Отсюда становятся понятны условія, тре-
буемая Греческою нѣскою для совершенія
добродѣтели и указываемыя въ самомъ началѣ
Менона, — то-есть природа, ученіе, подвигъ,
φύσις παραγυυόμενον, διδαχόν, ἀσκητόν, или по
Аристотелю (*Polit. VII. 13. с. 12*), *φύσις, λόγος,
ἔθος*, иначе: *φύσις, μάθησις, ἀσκησις* (1). Софистъ
спрашиваетъ Сократа: которое изъ этихъ усло-
вій нужно, чтобы произошла добродѣтель?
Сократъ въ концѣ разговора выводитъ заклю-
ченіе, что ни одно изъ нихъ само по себѣ не
достаточно для сей цѣли, что добродѣтель дается
Богомъ, что знаніе (*μάθησις*) и справедливое мнѣ-
ніе (*δρθοδοξία*) тогда только могутъ руководство-
вать къ ней, когда будутъ соединяемы раз-
мышленіемъ (*λογισμῶ*), то-есть, когда справедли-
вое мнѣніе, безотчетно припоминаемое душою,
сочетается съ знаніемъ, или войдетъ въ созна-
ніе. По этому Сократовы условія добродѣтели
суть знаніе, справедливое мнѣніе и размышле-

(1) Сравни. *Xenoph. mem. Socr. II. 6. 39. III. 9. 1.
2. 3. IV. 1. 3. 4. IV. 22. Diog. Laert. V. 18.*

ніе, и послѣднее, какъ союзъ двухъ первыхъ, развивается только въ области философіи.

Послѣ сего понятна и цѣль разсматриваемаго разговора. Платонъ вводитъ въ собесѣдованіе съ Сократомъ двухъ мужей, пользовавшихся извѣстностію. Одинъ изъ нихъ, Менонъ Ѳессаліецъ, другъ Аристиппа и ученикъ Горгіаса, слѣдовательно человѣкъ налитанный началами ученія софистическаго. Если предположимъ, что объ немъ именно говорится въ Отступленіи Ксенофоновомъ; то къ личнымъ свойствамъ его придадимъ еще и безпокойный характеръ. Другой, Анить Аѳинянинъ, имѣвшій значительное вліяніе на своихъ согражданъ, какъ политикъ. По свидѣтельству Атенея и Діогена Лаерція, онъ былъ тотъ самый, который, вмѣстѣ съ Мелитомъ и Ликономъ, обвинялъ Сократа предъ народомъ и судіями. Каждый изъ этихъ собесѣдниковъ понималъ добродѣтель согласно съ духомъ своего сословія: Менонъ, какъ плодъ науки, знаніе или умѣнье бороться и ладить съ человѣческими страстями; Анить, какъ силу, или значимость въ обществѣ, основывающуюся на юридической расчитанности дѣйствій и обнаруживающуюся участіемъ въ дѣлахъ государственныхъ. Но какъ то, такъ и другое понятіе о добродѣтели было далеко ниже истиннаго ея значенія и, распространяясь между людьми, портило ихъ нравы. По сему Платонъ въ своемъ Менонѣ имѣлъ цѣ-

лію показать—во первыхъ превратность софистическихъ понятій о добродѣтели, во вторыхъ невѣжество и слѣпоту политиковъ даже въ такихъ поступкахъ, которые по отношенію къ обществу оказываются добрыми, и наконецъ зависимость истинной добродѣтели отъ Бога и способъ приближаться къ ней посредствомъ философскаго размышленія.

Оскается по возможности опредѣлить время, въ которое Менонъ долженствовалъ быть написанъ. Признаками для сего отчасти служатъ: выраженное въ разговорѣ непріязненное отношеніе Анита къ Сократу, угроза перваго послѣднему и упоминаніе о недавней, по видимому, смерти Протагора. Анитъ представляется въ разговорѣ оскорбившимся, когда Сократъ примѣрами знаменитѣйшихъ мужей Греціи доказалъ неизучаемость добродѣтели, то-есть безсиліе ихъ передать свою добродѣтель дѣтямъ. Изъ этого видно, что будущій обвинитель Сократа уже считалъ себя между людьми, въ Республикѣ значительными, что случилось не задолго до доноса, сдѣланнаго Мелитомъ на сына Софронискова. Слова Анита: «можетъ быть и въ другомъ городѣ легче бываетъ дѣлать людямъ зло, чѣмъ добро, а здѣсь и того болѣе; ты самъ, думаю, знаешь это» какъ будто указываютъ Сократовыхъ злоумышленниковъ, даже едва не на самаго Мелита. Но съ другою Сократъ говоритъ съ Анитомъ та

и учтиво, что въ послѣднемъ никакъ нельзя видѣть явнаго уже врага его. Все это заставляетъ думать, что Менонъ написанъ или незадолго до Мелитова доноса, или вскорѣ послѣ того. Поскольку же Сократъ умеръ въ 1, 95 олимп.; то Менонъ могъ выйти въ свѣтъ не позднѣе половины 94 и не ранѣе 2, 92; потому что къ этому году относится смерть Протагора, о которой въ разговорѣ упоминается, какъ о событїи прошедшемъ.

Лица разговаривающія:

СОКРАТЬ, МЕНОНЪ, АНИТЪ И СЛУГА МЕНОНА.

Менонъ. Скажи мнѣ, Сократъ, можно ли 70.
изучать добродѣтель, или она не изучается, а
приобрѣтается подвигами? Или и не изучается
и не приобрѣтается подвигами, а получается
отъ природы? или достается какъ-нибудь иначе?

Сократъ. Менонъ! Фессалійцы прежде сла-
вились и удивляли Грековъ верховою ѣздою и в.
богатствомъ, а теперь, какъ видно, славятся и
мудростию; теперь жители Лариссы не хуже
твоего друга Аристиппа. Этимъ вы обязаны
Горгіасу. Пріѣхавъ въ вашъ городъ (1), онъ на-
шелъ себѣ любителей мудрости въ знаменитѣй-
шихъ особахъ изъ дома Алевадовъ, къ которо-
му принадлежитъ другъ твой Аристиппъ, и въ
иныхъ Фессалійцахъ. Черезъ него-то въ самомъ
дѣлѣ вошло у васъ въ привычку на всѣ вопро-
сы отвѣчать безбоязненно и свысока, какъ при-
лично людямъ знающимъ; да и самъ онъ поз-
волялъ каждому изъ Грековъ спрашивать себя,

о чемъ кто хочетъ, и никому не отказывалъ въ отвѣтъ. Между тѣмъ здѣсь, любезный Менонъ, произошло противное; у насъ случилась ка-
 71. кая-то засуха мудрости; мудрость изъ этихъ мѣстъ переселилась едвали не къ вамъ. И такъ, если ты кому-нибудь изъ здѣшнихъ захочешь предложить подобный вопросъ; то всякій засмѣется и скажетъ: Иностранецъ! видно я кажусь тебѣ человѣкомъ талантливымъ (2), который знаетъ, изучается ли добродѣтель, или достается другимъ образомъ; между тѣмъ мнѣ не извѣстно не только то, изучима она, или нѣтъ, но даже и то, что надобно разумѣть во-
 В. обще подъ именемъ добродѣтели. Таковъ-то и я, Менонъ; и я въ этомъ дѣлѣ раздѣляю бѣдность своихъ согражданъ и обвиняю себя въ незнаніи добродѣтели вообще. А не зная, что такое она, какъ могу знать ея свойства? Развѣ ты думаешь, что тотъ, кто не знакомъ съ Менономъ, можетъ знать, хорошъ ли онъ, богатъ и благороденъ, или имѣетъ противоположныя этимъ свойства? Возможно ли это, по твоему мнѣнію?

Мен. По моему нѣтъ. Но ты, Сократъ, въ самомъ дѣлѣ не знаешь, что такое добродѣ-
 С. тель? А что, если мы скажемъ объ этомъ дома (3)?

Сокр. Не только объ этомъ, другъ мой, но и о томъ, что мнѣ, сколько я помню, никогда

не случилось встрѣчать и другаго, который зналъ бы это.

Мен. Какъ? Развѣ ты не встрѣчалъ Горгіаса, когда онъ былъ здѣсь?

Сокр. Встрѣчалъ.

Мен. Такъ неужели, думаешь, онъ не знаетъ?

Сокр. Не очень помню, Менонъ, и по тому теперь не могу сказать, какъ я тогда понималъ его. Можетъ быть, и онъ знаетъ, и тебѣ известны его мысли. Напомни же мнѣ, какъ онъ говорилъ; а не то, скажи самъ; ибо ваши мнѣнія, вѣроятно, сходны. D.

Мен. Конечно.

Сокр. Ну такъ мы оставимъ его, — тѣмъ болѣе что онъ въ отсутствіи. Скажи ты самъ, Менонъ, ради боговъ, что называешь добродѣтелию? Скажи не отговариваясь: тогда мой обманъ будетъ очень счастливъ; тогда откроется, что ты и Горгіасъ знаете; между тѣмъ какъ я утверждалъ, что мнѣ никогда и никого не случилось видѣть, кто бы зналъ это.

Мен. Сказать не трудно, Сократъ. И во первыхъ, если тебѣ угодно знать о добродѣтели мужчины; то явно, что она есть способность исполнять общественныя должности и, исполняя ихъ, доброхотствовать друзьямъ, вредить врагамъ и смотрѣть, какъ бы не обидѣть самаго себя (4). А когда ты хочешь опредѣлить добродѣтель женщины; то не трудно разобрать, что E.

ея дѣло—хорошо править домою, сберегая, что въ немъ находится, и слушаясь мужа. Такимъ же образомъ иная бываетъ добродѣтель дитяти, какъ мальчика, такъ и дѣвочки, иная—старика, иная, если хочешь, добродѣтель свободного и иная—раба. Вобщемъ, есть множество добродѣтелей; такъ что ты не затруднишься сказать, что такое добродѣтель; ибо по различію занятій и возрастовъ, у каждаго изъ насъ и для всякаго дѣла—своя добродѣтель. Такъ я думаю, Сократъ, и о злѣ.

Сокр. Видно-же я очень счастливъ, когда, нища одной добродѣтели, нашелъ ихъ у тебя въ запасъ цѣлый рой. Однакожь если бы мнѣ вздумалось, выдерживая это самое подобіе, спросить тебя о природѣ пчелы, что такое она, а ты сказалъ бы, что ихъ много и онѣ разнообразны; то какой бы далъ отвѣтъ на слѣдующій вопросъ: въ томъ ли отношеніи ты приписываешь пчеламъ многочисленность, разнообразіе и взаимное различіе, что онѣ пчелы? или различіе ихъ зависитъ не отъ этого, а отъ чего-нибудь иного, напримѣръ отъ красоты, величины и другихъ подобныхъ свойствъ? Скажи, какъ отвѣчалъ бы ты на это?

Мен. Я отвѣчалъ бы, что онѣ, какъ пчелы, ничѣмъ не отличаются одна отъ другой.

Сокр. Но если бы потомъ я спросилъ тебя: скажи же мнѣ, Менонъ, то самое, чѣмъ пчелы не отличаются одна отъ другой, или въ чемъ

всѣ онѣ одно и тоже? Могъ ли бы ты какъ-нибудь отвѣчать мнѣ на это?

Мен. Могъ бы.

Сокр. Вотъ такъ-то и о добродѣтеляхъ: хотя ихъ много, и онѣ разнообразны, однакожъ всѣ составляютъ конечно одинъ родъ, по которому называются добродѣтелями, и на который хорошо бы смотрѣть тому, кто своимъ отвѣтомъ на вопросъ хочетъ опредѣлить существо добродѣтели. Или ты не понимаешь, о чемъ я говорю?

Мен. Кажется, понимаю; впрочемъ вопросъ D. твой все еще не такъ ясенъ въ моемъ сознании, какъ бы мнѣ хотѣлось.

Сокр. Но только ли добродѣтель, Менонъ, ты считаешь — иною у мужчины, иною у женщины и иною у другихъ, или такимъ же образомъ думаешь и о здоровьѣ, и о величинѣ, и о силѣ? То-есть, иное ли, по твоему мнѣнiю, здоровье у мужчины, а иное у женщины? или по роду, оно вездѣ тоже самое — и у мужчины, и у женщины, и у каждаго, лишь бы только было здоровье?

Мен. Мнѣ кажется, здоровье — одно и у E. мужчины и у женщины.

Сокр. Слѣдовательно — и величина и сила? То-есть, ежели женщина сильна; то она сильна тѣмъ же самымъ родомъ, тою же самою силою. Замѣть, когда я говорю: тою же самою силою; то силу, въ смыслѣ силы, нахожу безразлич-

ною, мужчинѣ ли она принадлежитъ, или женщинѣ. А ты, можетъ быть, считаешь, ее различною?

Мен. Нѣтъ.

73. *Сокр.* Но добродѣтель, въ смыслѣ добродѣтели, различается ли чѣмъ-нибудь, — дитяти ли она принадлежитъ или старику, женщинѣ или мужчинѣ?

Мен. Мнѣ какъ-то представляется, Сократъ, что добродѣтель не походитъ на все это.

Сокр. Однакожь, не говорилъ ли ты, что хорошо управлять республикою есть добродѣтель мужчины, а домою — добродѣтель женщины?

Мен. Говорилъ.

Сокр. Но тотъ можетъ ли править республикою, домою, или чѣмъ другимъ — хорошо, кто не умѣетъ править разсудительно и справедливо?

- В. *Мен.* Конечно не можетъ.

Сокр. А кто правитъ разсудительно и справедливо; тотъ правитъ разсудительностію и справедливостію?

Мен. Необходимо.

Сокр. Слѣдовательно разсудительность и справедливость равно нужна обоимъ — и мужчинѣ и женщинѣ, если они хотятъ быть добрыми.

Мен. Кажется.

Сокр. Что же далѣе? Дитя и старикъ, по-

ложимъ, дерзкіе и не справедливые, могутъ ли быть добрыми?

Мен. Нѣтъ.

Сокр. А разсудительные и справедливые?

Мен. Могутъ.

Сокр. И такъ всѣ люди добры одинакимъ образомъ, потому что бываютъ добрыми при однѣхъ и тѣхъ же условіяхъ.

Мен. Кажется.

Сокр. Если бы, то-есть, добродѣтель ихъ была не одна и таже; то они были бы добры не одинакимъ образомъ.

Мен. Конечно.

Сокр. А когда добродѣтель у всѣхъ одна и таже; то постарайся сказать и припомнить, что такое она, по мнѣнію Горгіаса (5) и твоему собственному.

Мен. Что другое, какъ не умѣнье управлять людьми, если ты ищешь чего-то одного во всемъ?

Сокр. Да, ищутъ-таки. Но ужели и дитяти D. и рабу, Менонъ, свойственна эта самая добродѣтель управлять господиномъ? Не думаешь ли, что и рабъ есть правитель?

Мен. Отнюдь не думаю, Сократъ.

Сокр. Да и не сообразно было бы, почтеннѣйшій. И то еще смотри: дѣло управленія ты называешь способностію;—не нужно ли присоединить къ этому: управленія справедливаго, а не несправедливаго?

Мен. Конечно нужно, Сократъ; потому что справедливость есть добродѣтель.

Е. *Сокр.* Но добродѣтель ли она, Менонъ, или нѣкоторая добродѣтель?

Мен. Какъ это?

Сокр. Какъ и другое что-нибудь. Напримеръ, говоря о круглотѣ, я могъ бы, если угодно, назвать ее нѣкоторою фигуροю, а не просто фигуροю, и назвалъ бы нѣкоторою — по тому, что есть и инныя фигуры.

Мен. Ты говоришь вѣрно. Я и самъ допускаю не одну справедливость, но и инныя добродѣтели.

74. *Сокр.* Скажи же, какія именно? Вотъ я готовъ перечестъ тебѣ всѣ фигуры, если прикажешь: перечти же и ты мнѣ всѣ добродѣтели.

Мен. По моему мнѣнію, добродѣтели суть: мужество, разсудительность, мудрость, великолѣпіе (6) и множество другихъ.

Сокр. Но опять таже бѣда, Менонъ: опять нашлось много добродѣтелей; а искали одной, — только тогда иначе, нежели теперь. Одной же добродѣтели, которая бѣла бы во всѣхъ, никакъ не находимъ.

В. *Мен.* Да, Сократъ; схватить, согласно съ твоимъ желаніемъ, одну добродѣтель во всѣхъ, я что-то не могу; это не такъ, какъ въ другихъ вещахъ.

Сокр. И естественно. Однакожь я постараюсь, если только буду въ состояніи, подви-

нуть наши изслѣдованія впередъ. Тебѣ, можетъ быть, известно, что все бываетъ слѣдующимъ образомъ: Когда кто-нибудь спросилъ бы тебя, о чемъ и я недавно говорилъ: Менонъ! что такое фигура? то ты, положимъ, отвѣчалъ бы: фигура есть круглота. Потомъ, когда предложили бы тебѣ другой вопросъ, подобный моему: круглота—фигура ли, или нѣкоторая фигура? то ты вѣроятно назвалъ бы ее нѣкоторою фигурою.

Мен. Конечно.

Сокр. Не по тому ли, что существуютъ и другія?

Мен. Да.

С.

Сокр. А когда послѣ того спросили бы тебя: какія именно? — сказалъ ли бы ты?

Мен. Сказалъ бы.

Сокр. Равнымъ образомъ, если бы спросили тебя, что такое цвѣтъ, и ты назвалъ бы его близною; то на другой вопросъ: близна—цвѣтъ ли, или нѣкоторый цвѣтъ?—ты конечно отвѣчалъ бы: нѣкоторый; потому что есть и другіе.

Мен. Отвѣчалъ бы.

Сокр. И когда попросили бы тебя перечислить ихъ; то ты перечислилъ бы всѣ, которыми, какъ и бѣлому, прилично названіе цвѣта?

Мен. Перечислилъ бы.

D.

Сокр. Но если бы кто-нибудь, какъ и я, изслѣдывая предметъ, сказалъ: мы все прихо-

димъ къ чему-то многому; а мнѣ хотѣлось бы не того. Такъ какъ многое ты называешь однимъ какимъ-то именемъ, и говоришь, что изъ этого множества нѣтъ ничего, что не носило бы названія фигуры, хотя бы каждая изъ нихъ была даже противоположна другой; то опредѣли мнѣ вещь, которая равно заключала бы въ себѣ и круглоту и прямоу, и которую ты называешь **Е.** фигурою, разумѣя подъ этимъ именемъ фигуру какъ круглую, такъ и прямоу. Или твои мысли не таковы?

Мен. Нѣтъ, я именно такъ думаю.

Сокр. А думая такъ, круглотою назовешь ли ты не болѣе круглоту, какъ и прямоу, и прямоотою не болѣе прямоу, какъ и круглоту?

Мен. Кажется нѣтъ.

Сокр. Между тѣмъ фигура-то, по твоему мнѣнію, есть не болѣе круглота, какъ и прямота; такъ что одна не исключаетъ другой (7).

Мен. Правда.

75. *Сокр.* Попробуй же сказать, что бы такое было, чему ты даешь имя фигуры. Если бы кто подобнымъ образомъ спросилъ тебя о фигурѣ или цвѣтѣ, а ты отвѣтилъ бы ему: я не понимаю, добрый человекъ, чего тебѣ хочется и о чемъ ты спрашиваешь; то можетъ быть онъ удивился бы и сказалъ: такъ ты не понимаешь, что я во всемъ этомъ ищущу одного и того же? Неужели, Менонъ, у тебя не было бы силъ отвѣчать, когда бы предложили тебѣ

слѣдующій вопросъ: что такое одно и тоже во всемъ — и въ круглотѣ, и въ прямогѣ, и въ прочемъ, заключающемся подъ словомъ «фигура?» Попытайся сказать, чтобы приготовиться къ отвѣту о добродѣтели.

Мен. Нѣтъ, скажи самъ, Сократъ. В.

Сокр. А хочешь ли, я доставлю тебѣ это удовольствіе?

Мен. И очень.

Сокр. Но согласишься ли въ свою очередь сказать о добродѣтели?

Мен. Соглашусь.

Сокр. Такъ надобно постараться, — да и стоитъ.

Мен. Конечно.

Сокр. Хорошо; попытаемся же сказать, что такое фигура. Смотри, не покажется ли тебѣ слѣдующее: фигура, положимъ, есть то, что одно изъ сущаго всегда слѣдуетъ за цвѣтомъ. Довольно ли для тебя? Или потребуешь какого-нибудь другаго опредѣленія? Я былъ бы радъ, если бы ты хоть такъ опредѣлилъ мнѣ добродѣтель.

Мен. Но вѣдь это, Сократъ, простовато. С.

Сокр. Какъ?

Мен. По твоимъ словамъ, фигура есть то, что всегда слѣдуетъ за цвѣтомъ. Положимъ; но если бы кто сказалъ, будто онъ не знаетъ цвѣта и сомнѣвается въ немъ такъ же, какъ и въ фигурѣ; — что отвѣтилъ бы ты ему?

Сокр. Отвѣтилъ бы правду, а именно: Когда вопрошатель былъ бы изъ числа мудрецовъ, любящихъ спорить и состязаться; то я D. сказалъ бы ему, что это дѣйствительно мои слова,—и если онъ не справедливъ, твое дѣло войти въ разговоръ и опровергнуть ихъ. А когда собесѣдники захотятъ разговаривать дружески, какъ я и ты; то имъ надобно отвѣчать на вопросы спокойнѣе и согласнѣе съ діалектикою (8); діалектика же, вѣроятно, требуетъ, чтобы отвѣты были не только справедливы, но и въ связи съ понятіями вопрошателя. Вотъ и я постараюсь говорить съ тобою такимъ образомъ. Отвѣчай-ка мнѣ: называешь ли ты что-нибудь концомъ, то-есть, что-нибудь такое, какъ предѣлъ и крайность? — По моему мнѣнію, всѣ эти слова тождественны, хотя Продикъ, можетъ быть, и нашелъ бы между ими различіе. — Такъ приписываешь ли ты чему-нибудь предѣльность и законченность? — Я говорю это просто, безъ затей (9).

Мен. Конечно приписываю и, кажется, понимаю тебя.

76. *Сокр.* Что? значить ты называешь одно поверхностію, а другое — твердостію, напри- мѣръ въ Геометріи?

Мен. Называю.

Сокр. Ну вотъ изъ сего и можешь понять, что я разумно подъ именемъ фигуры. Ибо во всякой фигурѣ я вижу, что то, чѣмъ оканчивается

твердость, есть фигура. И такъ, взявъ это вмѣстѣ, фигурою я называю предѣлъ твердости.

Мен. А что называешь цвѣтомъ, Сократъ?

Сокр. Ты назойливъ, Менонъ, — на чело-
вѣка стараго взымалишь трудъ отвѣчать на
вопросы (10.), а самъ не хочешь припомнить и
сказать, въ чемъ Горгіасъ поставляетъ добро- в.
дѣтель.

Мен. Нѣтъ, я скажу, Сократъ, когда отвѣ-
тишь на мой вопросъ.

Сокр. Съ кѣмъ ты разговариваешь, Менонъ;
тотъ, и закрывъ глаза, узнаетъ въ тебѣ красав-
ца, у котораго есть угодники.

Мен. Отъ чегожь это?

Сокр. Отъ того, что въ разговоръ ты толь-
ко приказываешь; а такъ поступаютъ люди С.
избалованные, которые, пока цвѣтутъ красотою,
бываютъ господами. Можетъ быть тобою замѣ-
чено, что я не могу противиться красавцамъ?
Изволь, сдѣлаю тебѣ удовольствіе, буду от-
вѣчать.

Мен. Конечно сдѣлай.

Сокр. Но хочешь ли, отвѣчу мнѣніемъ
Горгіаса, чтобы для тебя было понятнѣе?

Мен. Хочу; почему же не такъ?

Сокр. Не правда ли, что вы допускаете
какія-то изтеченія изъ всего сущаго, по ученію
Эмпедокла?

Мен. Безъ сомнѣнія.

*

Сокр. И поры, въ которыя и чрезъ которыя эти изтеченія проходятъ?

Мен. Конечно.

Сокр. И одиъ изъ, изтеченій соотвѣтствуютъ нѣкоторымъ порамъ, а другія менѣе, или болѣе ихъ?

Мен. Такъ.

Сокр. Но ты называешь что-нибудь и зрѣнiемъ?

Мен. Называю.

Сокр. Ну такъ замѣть же слова мои, сказалъ Пиндаръ (11): Цвѣтъ есть изтеченiе фигуръ, соотвѣтствующее зрѣнiю и оцутительное для него.

Мен. Этотъ отвѣтъ, Сократъ, кажется, весьма хорошъ.

Сокр. Можетъ быть отъ того, что онъ — по твоему образу мыслей; сверхъ сего ты, по видимому, надѣешься вывести отсюда значенiе голоса, обонянiя и многое тому подобное.

Мен. И очень.

Сокр. Да, Менонъ; это — отвѣтъ трагическiй (12), когда онъ нравится тебѣ болѣе отвѣта о фигурѣ.

Мен. Конечно болѣе.

Сокр. А по моему убѣжденiю, сынъ Алексидема, такъ онъ не таковъ; тотъ лучше. Даже, думаю, и тебѣ не показался бы онъ, если бы ты, по вчерашнимъ твоимъ словамъ, не имѣлъ надобности отправиться отсюда прежде мисте-

рїи , но , оставшись здѣсь , посвятился бы въ нихъ (13).

Мен. Да я готовъ остаться, Сократъ, лишь бы ты согласился сказать мнѣ много такихъ вещей. 77.

Сокр. Въ желаніи-то сказать недостатка не будетъ — и ради тебя и ради меня самого. Но что, какъ не съумѣю высказать много такихъ вещей! Однако смотри же, постарайся и ты исполнить свое обѣщаніе — опредѣлить добродѣтель вообще, что она такое; перестань дѣлать многое изъ одного (41), какъ всегда говорятъ въ шутку о тѣхъ, которые что-нибудь переламываютъ; оставь добродѣтель цѣлою и здоровою, и скажи, что она такое. Въдъ примѣры-то я предложилъ тебѣ.

Мен. Мнѣ кажется, Сократъ, что быть добродѣтельнымъ, значить, по словамъ поэта, радоваться хорошему и имѣть для того способность (15). По сему я опредѣляю добродѣтель слѣдующимъ образомъ: она есть желаніе хорошаго и способность приобрѣтать его. В.

Сокр. Но желать хорошаго, значить ли, по твоему мнѣнію, желать добраго?

Мен. Непремѣнно.

Сокр. Вѣрно по тому, что одни изъ людей желаютъ зла, а другіе добра? Въдъ не всѣ же, почтеннѣйшіи, представляются тебѣ стремящимися къ добру?

Мен. Конечно нѣтъ.

Сокр. Напротивъ, нѣкоторые къ злу. С.

Мен. Да.

Сокр. По тому ли, скажешь, что зло почитают добромъ, или, и сознавая его какъ зло, тѣмъ не менѣе стремятся къ нему?

Мен. Мнѣ кажется то и другое.

Сокр. И тебѣ, Менонъ, въ самомъ дѣлѣ кажется, что сознающій зло, какъ зло, тѣмъ не менѣе желаетъ его?

Мен. Непременно.

Сокр. Чего же, по твоему мнѣнію, желаетъ онъ? чтобы зло приключилось ему?

Мен. Чтобы приключилось; чего же болѣе?

Д. *Сокр.* Съ тою ли мыслию, что человеку, которому приключается, оно приноситъ пользу, или въ томъ сознаніи, что каждый подвергающійся ему, терпитъ вредъ?

Мен. Есть люди, которые думаютъ, что зло пользуетъ, есть и такіе, которые знаютъ, что оно вредитъ.

Сокр. Кажется ли тебѣ, что люди, почитающіе зло полезнымъ, сознаютъ, что оно — зло?

Мен. Этого-то мнѣ вовсе не кажется.

Сокр. Следовательно люди, не сознающіе зла, очевидно, желаютъ не зла, а того, что почитали добромъ, и что на самомъ дѣлѣ есть зло; то-есть, не сознающіе зла и почитающіе его добромъ, стремятся видимо къ добру. Или нѣтъ?

Мен. Должно быть такъ.

Сокр. Что же дальше? Люди, желающие, как ты говоришь, зла, и однакожь думающие, что зло вредитъ тому, кому приключается, сознаютъ ли, что получать отъ него вредъ?

Мен. Необходимо.

Сокр. А тѣхъ, которые получаютъ вредъ, ^{78.} не почитаютъ ли они людьми жалкими, поколику имъ что-нибудь вредно?

Мен. И это необходимо.

Сокр. А людей жалкихъ не называютъ ли они несчастными?

Мен. Я думаю.

Сокр. Но есть ли такой человекъ, который хочетъ быть жалкимъ и несчастнымъ?

Мен. Кажется нѣтъ, Сократъ.

Сокр. Следовательно никто не хочетъ зла, Менонъ, если не хочетъ быть такимъ. Да и что иное значить быть жалкимъ, какъ не хотѣть зла и не приобретать его?

Мен. Ты, должно быть, говоришь правду, В. Сократъ. Въ самомъ дѣлѣ ну кто не хочетъ зла.

Сокр. А не сказалъ ли ты недавно, что быть добродѣтельнымъ, значить хотѣть добра и имѣть способность для него?

Мен. Конечно сказалъ.

Сокр. Если же сказать; то хотѣть его естественнo вѣдь всѣмъ, и въ этомъ отношеніи одинъ вѣрно ничемъ не лучше другаго?

Мен. Кажется такъ.

Сокр. Между тѣмъ явно, что какъ скоро одинъ лучше другаго, то лучшимъ былъ бы онъ по способности къ добру.

Мен. И конечно.

Сокр. Значить, по твоему понятію, добродѣтель, видно, есть способность приобрѣтать добро.

С. *Мен.* Я думаю совершенно такъ, какъ ты, Сократъ, теперь предполагаешь.

Сокр. Посмотримъ же и на это, справедливы ли слова твои. Можетъ быть, ты говоришь и хорошо. Въдѣ возможность приобрѣтать добродѣтель у тебя называется добромъ?

Мен. Да.

Сокр. Но добро, по твоему мнѣнію, не есть ли, напримѣръ, здоровье и богатство? разумью также приобрѣтеніе золота, серебра, почестей и власти въ обществѣ. Или ты считаешь добромъ что-нибудь иное, а не это?

Мен. Нѣтъ не^е иное, но все это.

Д. *Сокр.* Хорошо; пускай приобрѣтеніе золота и серебра есть добродѣтель, какъ говоритъ Менонъ, единоплеменный гость великаго царя. Однакожь съ этимъ приобрѣтеніемъ соединяешь ли ты, Менонъ, понятія: справедливо и свято? Или для тебя все равно, то - есть, когда кто приобрѣтаетъ и несправедливо, ты тѣмъ не менѣе называешь это добродѣтелию?

Мен. Ну нѣтъ, Сократъ; называю порокомъ.

Сокр. Слѣдственно къ этому приобрѣтенію, по видимому, непременно надобно присоединить либо справедливость, либо разсудительность, либо святость, либо какую-нибудь другую часть добродѣтели; а иначе оно не будетъ добродѣтель, хотя и доставляетъ добро.

Мен. Да безъ этого какъ же быть добродѣтели?

Сокр. А не собирать золота и серебра ни себѣ, ни другому, когда это несправедливо, — такое именно несобирание не есть ли добродѣтель?

Мен. Кажется, добродѣтель.

Сокр. Слѣдовательно приобрѣтеніе подобныхъ благъ не больше есть добродѣтель, какъ и неприобрѣтеніе ихъ: видно, что сопровождается справедливостію, то будетъ добродѣтель; а что бываетъ безъ всего подобнаго, то — порокъ.

Мен. Мнѣ кажется, необходимо думать такъ, какъ ты говоришь.

Сокр. Но каждую изъ этихъ вещей, — то есть справедливость, разсудительность и все подобное немного прежде не называли ли мы частію добродѣтели?

Мен. Да.

Сокр. Такъ ты, Менонъ, шутишь со мною?

Мен. Какъ же это, Сократъ?

Сокр. Недавно я просилъ тебя не раздроблять и не разсѣкать добродѣтели, и предложилъ примѣры, какъ надлежало отвѣчать: а ты, пренебрегши этимъ, сказалъ мнѣ, что добродѣтель есть возможность пріобрѣтать добро справедливо; справедливость же призналъ частію добродѣтели.

Мен. Конечно.

Сокр. Но изъ признанныхъ тобою положеній слѣдуетъ, что дѣлать, что бы кто ни дѣлалъ, съ одною частію добродѣтели, есть добродѣтель; ибо справедливость, равно какъ и прочее въ томъ же родѣ, ты называешь частію добродѣтели.

Мен. Такъ что же?

Сокр. То, что я просилъ тебя опредѣлить цѣлую добродѣтель; а ты отнюдь не сказалъ, что она такое, и называешь добродѣтелию всякое дѣло, какъ скоро оно производится частію добродѣтели. Ты какъ бы такъ говоришь: добродѣтель въ цѣломъ я узнаю и изъ того уже, когда она будетъ разсѣчена на части. И такъ тебѣ, любезный Менонъ, кажется нуженъ снова тотъ же вопросъ: что такое добродѣтель? иначе всякое дѣло съ частію добродѣтели было бы добродѣтелию. Вѣдь это именно сказалъ бы кто-нибудь, когда бы сказалъ, что всякое дѣло съ справедливостію есть добродѣтель. Или ты не считаешь нужнымъ возвратиться къ прежнему вопросу, но думаешь,

что иной знаетъ, что такое часть добродѣтели, не зная самой добродѣтели?

Мен. Нѣтъ, я не думаю этого.

Сокр. Да и вѣрно помнишь, что, когда д. предъ этимъ я отвѣчалъ тебѣ о фигурѣ, — мы того отвѣта не одобрили ибо онъ основывался на понятіи еще изслѣдываемомъ и не признанномъ.

Мен. И справедливо не одобрили, Сократъ.

Сокр. Не надѣйся же и ты, почтеннѣйшій, объяснить кому-нибудь добродѣтель чрезъ указаніе на ея части, когда только еще изслѣдывается, что такое она въ цѣломъ. Не объясняй ничего такимъ образомъ; иначе всегда потребуется прежній вопросъ: на какомъ понятіи о добродѣтели основывается то, что ты говоришь о ней. Или мои слова, по твоему мнѣнію, ничего не значать?

Мен. Мнѣ кажется, онъ справедливы.

Сокр. Отвѣчай же опять сначала: что называете вы добродѣтелию—ты и другъ твой?

Мен. Сократъ! Слыхалъ я и прежде нежели встрѣтился съ тобою, что ты не дѣлаешь са. ничего болѣе, какъ самъ недоумѣваешь, и другикъ вводишь въ недоумѣніе; вижу и теперь, что ты чаруешь меня, обворожаешь, просто — околдовываешь, такъ что я полонъ сомнѣній. Ты и видомъ и всѣмъ другимъ, если можно позволить себѣ шутку, кажется, совершенноходишь на широкую морскую рыбу, торпиль

(16): потому что и она челоѡвка, приближающагося и прикасающагося къ себѣ, приводитъ въ
 В. оцѣпенѣніе; и ты сегодня сдѣлалъ со мною, по
 видимому, нѣчто подобное, — оцѣпенилъ меня.
 Да, я истинно нахожусь въ оцѣпенѣніи—и по
 душѣ и по языку, такъ что не могу ничего
 сказать тебѣ. О добродѣтели я бесѣдовалъ ты-
 сячекратно, продолжительно, со многими и,
 какъ мнѣ по крайней мѣрѣ казалось, не безъ
 успѣха: а теперь даже не могу отвѣчать, что
 такое она вообще. Кажется, хорошо, дѣлаешь
 ты, что и не отпываешь и не увѣжаешь от-
 сюда; потому что въ другомъ обществѣ, будучи
 чужестранцемъ и поступая такимъ образомъ, тот-
 часъ бы отведенъ былъ въ тюрьму, какъ чародей.

Сокр. Хитрецъ ты, Менонъ! едва не обма-
 нулъ меня.

С. *Мен.* Что еще, Сократъ?

Сокр. Знаю, для чего пріискалъ мнѣ это
 подобіе.

Мен. А для чего, думаешь?

Сокр. Для того, чтобы я и тебя уподо-
 билъ. Мнѣ вѣдь извѣстно, что всѣмъ красав-
 цамъ правится быть уподобляемыми. Это имъ
 выгодно; ибо къ людямъ красивымъ подбираются
 и подобія красивыя. Однакожь я не уподоблю
 тебя. Если твоя торпиль и сама цѣпенѣтъ, и
 другихъ повергаетъ въ оцѣпенѣніе; то я похо-
 жу на нее: а когда пѣтъ; то не похожу. Ибо я
 привожу другихъ въ недоумѣніе — не поко-

лику самъ разумью дѣло; но напротивъ, заставляю другихъ сомнѣваться, поколику самъ сомнѣваюсь. Вотъ и теперь, что касается до добродѣтели, я не знаю, въ чемъ состоитъ она; а ты, прежде нежели сошелся со мною, можешь быть зналъ, — и вдругъ уподобился не знающему. Впрочемъ мнѣ все-таки хочется вмѣстѣ съ тобою разсмотрѣть и изслѣдовать, что она такое.

Мен. Но какимъ образомъ, Сократъ, ты будешь изслѣдывать то, чего не можешь опредѣлить вообще? Какою предположишь себѣ вещь, которой не знаешь, а ищешь? Даже, если бы ты и встрѣтился съ нею; какъ узнаешь, что это она, когда не зналъ ея (17)?

Сокр. Понимаю, что хочешь ты сказать; Е.
Менонъ. Видишь, какое спорное приводишь положеніе! Какъ будто то-есть человекъ въ самомъ дѣлѣ не можетъ изслѣдывать — ни того, что знаетъ, ни того, чего не знаетъ: не можетъ изслѣдывать того, что знаетъ, ибо знаетъ, и не имѣетъ нужды въ такомъ именно изслѣдованіи; не можетъ изслѣдывать того, чего не знаетъ, ибо не знаетъ, что изслѣдывать. Е1.

Мен. Но развѣ, по твоему мнѣнію, это нехорошо говорится?

Сокр. Конечно нехорошо.

Мен. И ты можешь сказать, почему?

Сокр. Могу. Вѣдь я слушалъ мужчинъ и женщинъ, мудрыхъ въ отношеніи къ дѣламъ божественнымъ.

Мен. Что же говорятъ они ?

Сокр. Кажется, все истинное и хорошее.

Мен. А что именно? и кто говорить?

Сокр. Говорятъ нѣкоторые жрецы и жрицы (18), старающіеся о томъ, чтобы умѣть дать отчетъ въ своихъ обязанностяхъ; говорятъ такъ же Пиндаръ (19) и многіе другіе поэты, называющіеся божественными; — и вотъ что говорить они. Впрочемъ смотри самъ, истинными ли кажутся тебѣ слова ихъ. По ихъ ученію, человѣческая душа безсмертна и — то кончается, что называютъ они смертію, то снова рождается, но никогда не исчезаетъ. По сему надобно проводить свою жизнь какъ можно святѣе. « Ибо Ферсефона (Прозерпина) въ тѣхъ людей, которыхъ подвергла казни за древнее бѣдствіе, на выпрленномъ солнцѣ, въ девятомъ году снова вселяетъ души; потомъ изъ нихъ выходятъ знаменитые цари, отличные силою и великіе мудростію мужи; а въ послѣднія времена между людьми они называются непорочными героями.» Если же душа, будучи безсмертною и часто рождаясь, все видѣла и здѣсь и въ преисподней, такъ что нѣтъ вещи (20), которой она не знала бы; то не удивительно, что въ ней есть возможность припоминать и родителю и другое, что ей извѣстно было прежде. Ибо такъ какъ въ природѣ все имѣетъ родство и душа знала всѣ вещи; то ничто не препятствуетъ ей, припомнивъ только одно, —

а такое припоминаніе люди называютъ наукою; — отыскивать и прочее, лишь бы человекъ былъ мужественъ и не утомлялся изслѣдованіями. Да и въ самомъ дѣлѣ, изслѣдованіе и изученіе есть совершенное воспоминаніе (21). И такъ не должно вѣрить сему спорному положенію: послѣднее можетъ сдѣлать насъ лѣгкими и бываетъ пріятно для слуха людей изнѣженныхъ; а первое располагаетъ къ трудамъ и изысканіямъ. Вѣря ему, я дѣйствительно хочу разсмотрѣть вмѣстѣ съ тобою, что такое добродѣтель.

Мен. Да, Сократъ; но какъ ты говоришь, будто мы ничего не изучаемъ, будто то, что называется наукою, есть воспоминаніе? Можешь ли научить меня, что это дѣйствительно такъ?

Сокр. Я недавно сказалъ, что ты, Менонъ, хитрецъ: вотъ и теперь — спрашиваешь, могу ли я научить тебя, какъ будто не мною было положено, что нѣтъ науки, а есть припоминаніе. Ты хочешь то-есть, чтобы я тотчасъ же 89. противорѣчилъ самому себѣ.

Мен. О нѣтъ, Сократъ, клянусь Зевсомъ. Спрашивая тебя, я вовсе не имѣлъ этого въ виду и сказалъ по привычкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если можешь объяснить мнѣ, что бываетъ именно такъ, какъ ты говоришь; то объясни.

Сокр. Но вѣдь это не легко: впрочемъ для тебя — постараюсь; только позови сюда кого

хочешь одного изъ этого множества слугъ своихъ (22), чтобы на немъ показать тебѣ.

Мен. Изволь. — Поди сюда.

Сокр. Но онъ Грекъ (23) и по-гречески говоритъ?

Мен. Даже очень изрядно; — доморощенный.

Сокр. Замѣчай же, какъ тебѣ покажется: станетъ ли онъ припоминать, или учиться у меня?

Мен. Хорошо, буду замѣчать.

Сокр. Скажи-ка мнѣ, мальчикъ: знаешь ли ты, что четверугольное пространство таково (24)?

Мал. Знаю.

Сокр. Следовательно четверугольное пространство есть то, которое имѣетъ всѣ эти линіи равныя, а именно четыре?

Мал. Конечно.

Сокр. Значитъ и эти, проведенныя по срединѣ, также равны?

Мал. Да.

Сокр. Но это пространство не можетъ ли быть болѣе и менѣе?

Мал. Можетъ.

Сокр. И такъ, если бы эта сторона равнялась двумъ футамъ, и эта двумъ; то сколько угловъ заключалось бы въ цѣломъ? Смотри сюда: если бы въ этой сторонѣ было два фута, въ этой — только одинъ; то все пространство не равнялось ли бы однажды двумъ футамъ?

Мал. Равнялось бы.

Сокр. Поелику же и эта сторона въ два фута; то цѣлое не равно ли дважды двумъ?

Мал. Равно.

Сокр. Слѣдовательно въ немъ заключается дважды два фута?

Мал. Конечно.

Сокр. А сколько будетъ—дважды два фута? Подумай и скажи.

Мал. Четыре, Сократъ.

Сокр. Но не можетъ ли быть другаго пространства вдвое болѣе этого,—и притомъ такого, въ которомъ всѣ линіи были бы также равны?

Мал. Можетъ.

Сокр. Сколько же въ немъ будетъ футовъ?

Мал. Восемь.

Сокр. А ну-ка, попробуйся сказать мнѣ, велика ли будетъ въ томъ пространствѣ каждая линія: въ этомъ по два фута, а въ томъ двойномъ—по сколько?

Мал. Очевидно вдвое, Сократъ.

Сокр. Видишь ли, Менонъ? Я ничему не учу его, но все спрашиваю. И вотъ онъ приписываетъ себѣ знаніе о величинѣ той линіи, отъ которой произойдетъ восьмифутовое пространство. Или тебѣ не кажется?

Мен. Нѣтъ, кажется.

Сокр. И такъ онъ знаетъ?

Мен. Ну нѣтъ.

Сокр. По крайней мѣрѣ думаетъ, что оно произойдетъ отъ удвоенной?

Мен. Да.

Сокр. Наблюдай же: онъ будетъ припоминать по порядку, что слѣдуетъ далѣе. А ты говори мнѣ: утверждаешь ли, что отъ удвоенной линіи происходитъ двойное пространство? — разумью не такое, которое съ одной стороны 83. длиннѣе, съ другой короче, а равностороннее кругомъ, какъ это, только двойное въ сравненіи съ этимъ, — въ восемь футовъ. Такъ смотри: еще ли тебѣ кажется, что оно произойдетъ отъ удвоенной линіи?

Мал. Мнѣ кажется.

Сокр. И та линія будетъ двойною въ сужденіи этой, — такъ какъ бы мы прибавили сюда другую такую же?

Мал. Конечно.

Сокр. А изъ ней, говоришь, составитъ восьмифутовое пространство, если будутъ таковы всѣ четыре?

Мал. Да.

В. *Сокр.* Проведемъ же отъ ней четыре равныя. Не это ли называешь ты восьмифутовымъ пространствомъ?

Мал. Конечно.

Сокр. Но въ семь пространствъ не четыре ли такихъ линіи, изъ которыхъ каждая равна этой четырехфутовой?

Мал. Да.

Сокр. Сколько же всего? не четырежды ли столько?

Мал. Какъ же иначе?

Сокр. И такъ четырежды столько составить пространство двойное?

Мал. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Во сколько же большее?

Мал. Въ четыре раза.

Сокр. Следовательно изъ линіи удвоенной, с мальчикъ, прозойдетъ пространство не двойное, а четверное.

Мал. Правда.

Сокр. Потому что четырежды четыре — шестнадцать. Не такъ ли?

Мал. Такъ.

Сокр. А восьмифутовое пространство отъ сколь большой произойдетъ линіи? Вотъ отъ этой происходитъ вѣдь въ четыре раза большее?

Мал. Да.

Сокр. Четырехфутовое же произошло отъ половины этой?

Мал. Точно.

Сокр. Пусть. А восьмифутовое не есть двойное вразсужденіи послѣдняго и половинное вразсужденіи перваго?

Мал. Конечно.

Сокр. Следовательно оно не произойдетъ ни изъ большей, ни изъ таковой линіи, ни изъ меньшей, ни изъ таковой. Не правда ли? D.

Мал. Кажется, такъ.

*

Сокр. Хорошо. Отвѣчай же, что тебѣ кажется, и говори: одна линія была не въ два ли фута, а другая—не въ четыре ли?

Мал. Да.

Сокр. По сему линія восьмифутаваго пространства должна быть больше этой линіи, двухфутовой, и меньше этой, четырехфутовой?

Мал. Должна быть.

Б. *Сокр.* Попытайся же сказать, сколь велика она, по твоему мнѣнію.

Мал. Въ три фута.

Сокр. А если въ три фута; то не выйдетъ ли трехъ футовъ, когда мы возьмемъ половину этой? — потому что здѣсь два, да здѣсь одинъ. Равнымъ образомъ и съ этой стороны: два здѣсь, да одинъ здѣсь. И вотъ тебѣ то пространство, о которомъ ты говоришь.

Мал. Такъ.

Сокр. Но если въ этой сторонѣ три, и въ этой три; то въ цѣломъ пространствѣ не трижды ли три фута?

Мал. Кажется.

Сокр. А трижды три — сколько составлять футовъ?

Мал. Девять.

Сокр. Между тѣмъ какъ двойному пространству сколько надлежало бы заключать въ себѣ футовъ?

Мал. Восемь.

Сокр. Слѣдовательно пространство восьми-футовое происходитъ, видно, не изъ трехфутовой линіи.

Мал. Видно, не изъ трехфутовой.

Сокр. Изъ какой же? Попробуйся сказать намъ точнѣе, и если не хочешь высчитать, то 84. хоть покажи, сколь велика она должна быть.

Мал. Но клянусь Зевсомъ, Сократъ, что не знаю.

Сокр. Замѣчаешь ли опять, Менонъ, до какой степени воспоминанія наконецъ дойдено? Онъ и прежде конечно не зналъ, что за линія восьмифутоваго пространства, равно какъ и теперь не знаетъ: но тогда былъ по крайней мѣрѣ увѣренъ, что знаетъ ее, смѣло отвѣчалъ, какъ человѣкъ знающій, и не думалъ сомнѣваться; напротивъ теперь уже считаетъ нужнымъ сомнѣніе и, такъ какъ не знаетъ, то и увѣренъ въ своемъ незнаніи (85).

Мен. Правда. В.

Сокр. И настоящее его состояніе не лучше ли, въ отношеніи къ тому предмету, котораго онъ не знаетъ?

Мен. Кажется и это такъ.

Сокр. Слѣдовательно, приводя его въ недоумѣніе и оцѣпняя, какъ оцѣпняетъ торпиль, мы вѣрно не вредимъ ему?

Мен. Думаю, нѣтъ.

Сокр. Напротивъ, кажется, приготовляемъ его къ тому, чтобы онъ могъ открыть

въ чемъ состоитъ дѣло. Теперь, не зная, онъ вѣдь съ удовольствіемъ станетъ изслѣдывать; а тогда былъ бы увѣренъ, что легко, часто и многимъ въ состояніи прекрасно говорить, С. будто двойное пространство должно производиться отъ линіи, имѣющей двойную длину.

Мен. Вѣроятно.

Сокр. И такъ думаешь ли, что онъ рѣшился бы изслѣдывать, или изучать то, что представляетъ себя знающимъ, не зная, пока не впалъ бы въ недоумѣніе и, увѣрившись въ своемъ незнаніи, не пожелалъ бы узнать?

Мен. Не думаю, Сократъ.

Сокр. Значить, быть въ оцѣпенѣніи—полезно ему?

Мен. Кажется.

Сокр. Наблюдай же, что найдетъ онъ (26), начавъ такимъ сомнѣніемъ и изслѣдывая вмѣстѣ со мною; хотя я буду только спрашивать, а не учить. Слѣди, откроешь ли, что я учу и изъясняю, или только требую его мнѣнія. Говори-ка мнѣ: это пространство не четырех-футовое ли? Понимаешь?

Мал. Да.

Сокр. И мы можемъ приложить къ нему другое, ему равное?

Мал. Можемъ.

Сокр. И третіе, равное каждому изъ нихъ?

Мал. Да.

Сокр. А нельзя ли намъ дополнить пространство въ этомъ углу?

Мал. Можно.

Сокр. Не вышло ли отсюда четырехъ равныхъ пространствъ?

Мал. Вышло.

Е.

Сокр. Ну чтожь? Это цѣлое пространство во сколько болѣе этого?

Мал. Въ четыре раза.

Сокр. Но вѣдь мы должны были получить двойное. Или ты не помнишь?

Мал. Конечно двойное.

Сокр. Вотъ эта линія, проведенная изъ одного котораго - нибудь угла къ другому, не разсѣкаетъ ли каждое изъ сихъ пространствъ 85. на двѣ части?

Мал. Разсѣкаетъ.

Сокр. Не происходятъ ли отсюда четыре линіи равныхъ, связывающихъ собою это пространство?

Мал. Происходятъ.

Сокр. Смотри же, сколь велико это пространство.

Мал. Не знаю.

Сокр. Но каждая изъ этихъ линій пополамъ ли разсѣкла каждое изъ начертанныхъ четырехъ пространствъ, или нѣтъ?

Мал. Пополамъ.

Сокр. Сколько же такихъ пространствъ въ этомъ?

Мал. Четыре.

Сокр. А сколько въ этомъ ?

Мал. Два.

Сокр. Но сколько составляютъ дважды четыре ?

Мал. Вдвое.

В. *Сокр.* Значить, сколько тутъ будетъ футовъ ?

Мал. Восемь.

Сокр. Отъ какой линіи происходятъ они ?

Мал. Отъ этой.

Сокр. То-есть отъ линіи четырехфутоваго пространства, идущей изъ одного угла къ другому ?

Мал. Да.

Сокр. Такую линію софисты называютъ діаметромъ (діагональю); такъ что, если ея имя — діаметръ, то отъ діаметра, какъ сказалъ ты, мальчикъ Менона, и должно произойти двойное пространство.

Мал. Да, такъ, Сократъ.

Сокр. Ну какъ тебѣ кажется, Менонъ ? Произнесъ ли онъ какое-нибудь не свое мнѣніе ?

С. *Мен.* Нѣтъ, всѣ его.

Сокр. Однако онъ не зналъ же, какъ мы говорили недавно.

Мен. Твоя правда.

Сокр. И между тѣмъ эти мнѣнія были же у него. Или нѣтъ ?

Мен. Были.

Сокр. Слѣдовательно у челоуѣка, который не знаетъ того, чего можетъ не знать, есть вѣрныя понятія о томъ, чего онъ не знаетъ.

Мен. Кажется.

Сокр. И теперь онъ вдругъ возбуждаются у него, какъ сновидѣнїе. Когда же кто-нибудь начнетъ часто и различнымъ образомъ спрашивать его о томъ самомъ предметѣ; то согласись, что наконецъ онъ безъ всякаго сомнѣнїя будетъ знать о немъ ничѣмъ не хуже другаго.

Мен. Вѣроятно.

D.

Сокр. По этому будетъ знать, не учась ни у кого, а только отвѣчая на вопросы; то - есть почерпнуть знаніе въ самомъ себѣ?

Мен. Да.

Сокр. Но почерпнуть знаніе въ самомъ себѣ, не значитъ ли припоминать?

Мен. Конечно.

Сокр. И припоминать не то ли знаніе, которымъ онъ обладаетъ теперь, которое приобрѣлъ когда-нибудь, или имѣлъ всегда?

Мен. Да.

Сокр. Но какъ скоро онъ имѣлъ его всегда; то всегда былъ и знающимъ. А если допустимъ, что приобрѣлъ когда-нибудь; то приобрѣлъ конечно не въ этой жизни. Развѣ кто выучилъ его Геометрии? Вѣдь онъ въ отношенїи къ этой наукѣ будетъ дѣлать то самое, что и въ отношенїи ко всѣмъ другимъ. И такъ кто же научилъ его? Ты безъ сомнѣнїя долженъ

знать это , особенно когда онъ и рожденъ и вскормленъ въ твоёмъ домѣ.

Мен. Да я знаю, что его никто и никогда не училъ.

Сокр. Однакожь онъ имѣеть эти мнѣнія, или нѣтъ?

Мен. По видимому, необходимо допустить, Сократъ.

Сокр. Такъ не очевидно ли, что, не получивъ ихъ въ настоящей жизни, онъ имѣлъ и узналъ ихъ въ какое-то другое время?

Мен. Кажется.

Сокр. И не то ли это время, когда онъ не былъ человѣкомъ?

Мен. Да.

Сокр. Если же въ то время, когда онъ былъ, но не былъ человѣкомъ, долженствовали находиться въ немъ истинныя мнѣнія, которыя, будучи возбуждаемы посредствомъ вопросовъ, становятся познаніями; то душа его не будетъ ли познавать въ продолженіе всего времени? ибо явно, что она существуетъ всегда, хотя и не всегда человѣкъ.

Мен. По видимому, такъ.

Сокр. А когда истина сущаго всегда находится у насъ въ душѣ; то не безсмертна ли эта душа? такъ что, не зная теперь, то-есть, не припомнивъ чего-нибудь, ты долженъ смѣло рѣшиться изслѣдывать и припоминать.

Мен. Мнѣ кажется, Сократъ, ты говоришь такъ хорошо, что я и не знаю.

Сокр. Да и мнѣ то же кажется, Менонъ. Впрочемъ о дальнѣйшемъ болѣе надлежащаго утверждать не могу; а за то, что признавая нужнымъ изслѣдывать, чего кто не знаетъ, мы были бы лучше, мужественнѣе и дѣятельнѣе, чѣмъ тогда, когда бы думали, что чего не знаемъ, того и нельзя найти, и не должно изслѣдывать,—за это я, сколько достанетъ силъ, буду стоять и словомъ и дѣломъ.

Мен. Вотъ и это, мнѣ кажется, хорошо сказано, Сократъ.

Сокр. Если же мы согласны между собою, что надобно изслѣдывать предметъ, котораго кто-нибудь не знаетъ; то хочешь ли, приступимъ съобща къ изслѣдованію того, что такое добродѣтель?

Мен. И очень. Однакожь я гораздо охотнѣе разсматривалъ бы и слушалъ то, Сократъ, о чемъ сначала спрашивалъ, а именно: къ добродѣтели должно ли приступать, какъ къ чему-то изучаемому, или какъ къ такому предмету, который дается природою, либо достается людямъ какимъ-нибудь инымъ образомъ?

Сокр. А если бы я управлялъ—не только собою, да и тобою, Менонъ; то мы разсмотрѣли бы, изучаема ли добродѣтель, или не изучаема,—уже по рѣшенію вопроса, что она такое. Но такъ какъ ты собою-то управлять не

хочешь , потому что свободенъ , а мною и хочешь и управляешь ; то я уступлю тебѣ . Да ,

Е. что дѣлать ? Видно приходится разсматривать , каково что-нибудь , прежде нежели знаемъ , что это такое . Или ужъ , если не болѣе , то по крайней мѣрѣ ослабь немного власть свою и позволь мнѣ рассмотреть на основаніи предположенія , изучаема ли добродѣтель , или достается какъ иначе . А разсматривать на основаніи предположенія , по моему мнѣнію , значитъ то же , что часто дѣлають геометры . Когда спрашиваютъ ихъ , напримѣръ , о пространствѣ , можетъ ли хоть вотъ это пространство , обращенное въ треугольникъ , быть наложено на этотъ кругъ (28 ;

87. то всякій отвѣчаетъ , что ему еще не извѣстно , такъ ли это будетъ ; для сего , думаю , предварительно требуется нѣкоторое предположеніе . Если это пространство таково , что данная его линія , и по протяженіи , останется короче другаго , сколько бы то протянуто ни было (29) ; то выйдетъ нѣчто иное : и опять иное , какъ-скоро

В. послѣднее окажется несообразнымъ . И такъ я хочу сказать тебѣ на основаніи предположенія , что должно выйти , при наложеніи треугольника на кругъ ; возможно ли то , или нѣтъ . То же самое — и о добродѣтели : не зная , что такое и какова она , мы будемъ разсматривать на основаніи предположенія , можно ли изучать ее , или нельзя . Объяснимся такъ : предположимъ , что добродѣтель есть нѣчто относящееся къ душѣ ;

въ такомъ случаѣ изучаема она, или нѣтъ? И во-первыхъ, если подѣ нею разумѣется нѣчто, отличное отъ знанія; то можно ли изучать ее, или нельзя, но, какъ теперь же сказали мы, надобно только припоминать? Нѣтъ нужды, какое бы слово мы тутъ ни употребили. Когда спрашивается: изучаема ли добродѣтель? то конечно всякому понятно, что человѣкъ ничего не изучаетъ, кромѣ знанія.

Мен. Кажется.

Сокр. Если же напротивъ добродѣтель есть знаніе, то явно, что ей можно учиться.

Мен. Какъ не мочь?

Сокр. Значить, отъ этого мы вдругъ отдѣляемся: когда она такова, то изучаема; а когда такова, то нѣтъ (30).

Мен. Конечно.

Сокр. Такъ видно послѣ сего надобно рассмотреть, добродѣтель есть ли знаніе, или отлична отъ знанія.

Мен. Мнѣ кажется, послѣ сего нужно именно такое изслѣдованіе.

Сокр. Чтожь? Не назовемъ ли мы добродѣтели самымъ добромъ, оставаясь вѣрными тому предположенію, что она есть самое добро? D.

Мен. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Но если есть какое-нибудь добро, отдѣльное отъ знанія; то вотъ добродѣтель и не будетъ уже знаніемъ? Напротивъ когда, нѣтъ ничего добраго, что не заключалось

бы въ знаніи; то не справедливо ли гадали бы мы, что она есть знаніе?

Мен. Такъ.

Сокр. Однакожь мы добры вѣдь добродѣтелию?

Мен. Да.

в. *Сокр.* А когда добры, то и полезны; потому что все доброе полезно. Не правда ли?

Мен. Правда.

Сокр. Следовательно добродѣтель и полезна?

Мен. Изъ допущеннаго это необходимо.

Сокр. Возьмемъ же все порознь и рассмотримъ, въ чемъ состоитъ та польза, которую она приноситъ намъ. — Въ здоровьѣ, скажемъ мы, въ силѣ, красотѣ, богатствѣ (31): вотъ это и другое тому подобное мы называемъ полезнымъ. Не такъ ли?

Мен. Такъ.

вв. *Сокр.* Но тому же самому иногда приписываемъ и вредъ. Такъ ли бы ты сказалъ, или иначе?

Мен. Не иначе, а такъ.

Сокр. Смотри же: когда и подъ какимъ управленіемъ каждая изъ этихъ вещей бываетъ полезна намъ, когда и подъ какимъ вредить? Не тогда ли полезна, когда правильно употребляется, и не тогда ли вредить, когда неправильно?

Мен. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Разсмотримъ еще и то, что есть въ нашей душѣ. Ты допускаешь разсудительность, справедливость, мужество, понятливость, память, благородство и другое тому подобное?

Мен. Допускаю.

В.

Сокр. Вникни же, которая изъ этихъ вещей кажется тебѣ не знаніемъ, а чѣмъ-то отличнымъ отъ знанія, и не таковы ли онѣ, что иногда вредятъ, а иногда приносятъ пользу. Напримѣръ мужество, когда оно не есть разсудительность, а походить на дерзость. Не правда ли, что человекъ смѣлый, безъ ума, получаетъ вредъ, а съ умомъ — пользу?

Мен. Правда.

Сокр. Не такимъ же ли образомъ и разсудительность и понятливость? Познаваемое и исполняемое съ умомъ полезно, а безъ ума — вредно.

Мен. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Следовательно всѣ вообще предна- С.
мѣренія и усилія души, подъ руководствомъ благоразумія, оканчиваются счастіемъ, а подъ руководствомъ безумія — противнымъ тому?

Мен. Вѣрноятно.

Сокр. Если же добродѣтель принадлежитъ къ тому, что находится въ душѣ, и необходимо полезна; то надобно, чтобъ она была благоразумною; ибо все, находящееся въ душѣ, само по себѣ и не полезно и не вредно, а вмѣстѣ съ благоразуміемъ или безуміемъ, либо вредно D.

либо полезно. На этомъ основаніи добродѣтель, признанная полезною, должна имѣть нѣкоторое благоразуміе.

Мен. Мнѣ кажется.

Сокр. Не такимъ же ли образомъ и прочее, о чемъ мы недавно упомянули, то-есть, богатство и другое тому подобное,—иногда благодѣтельно, иногда вредно? Какъ благоразуміе, управляющее иными свойствами души, дѣлаетъ ихъ полезными, а безуміе — вредными: не такъ ли душа поступаетъ и съ ними? употребляя и **Е.** распределяя ихъ справедливо, она дѣлаетъ ихъ полезными, а несправедливо — вредными.

Мен. Конечно.

Сокр. Но справедливо вѣдь управляетъ разумный, а погрѣшительно — неразумный?

Мен. Такъ.

Сокр. Не то же ли надобно сказать и вообще? Все прочее въ человѣкѣ, чтобы быть ему добрымъ, зависитъ отъ души, а все душевное—отъ благоразумія. По этой причинѣ благоразуміе должно быть полезно. Но мы и добродѣтель называли полезною?

Мен. Конечно.

Сокр. А благоразуміе называли добродѣлюю—всецѣлою, или нѣкоторою ея частію?

Мен. Слова твои, Сократъ, мнѣ кажется, весьма хороши.

Сокр. Если же такъ; то добрые—добры не отъ природы.

Мен. Кажется, нѣтъ.

Сокр. Да пусть бы и это было. Если бы добрые были добры отъ природы; то между нами нашлись бы люди, которые юношей, добрыхъ по природѣ, узнали бы; а мы, по указанію этихъ людей, взяли бы ихъ и берегли въ крепости (32), запечатавши тщательнѣе, чѣмъ золото, чтобы никто не развратилъ ихъ и чтобы, пришедши въ возрастъ, они благодѣтельствовали обществамъ.

Мен. Слѣдовало бы - таки, Сократъ.

Сокр. Но когда добрые добры не отъ природы; то видно отъ науки?

Мен. Мнѣ кажется, это уже необходимо. Да и изъ предположенія явствуетъ, Сократъ, что какъ скоро добродѣтель есть знаніе, то она изучаема.

Сокр. Можетъ быть, клянусь Зевсомъ; но не худо ли мы сдѣлали, что согласились?

Мен. Однако сей часъ намъ казалось это хорошимъ.

Сокр. Да хорошо сказанное должно быть таково не только сей часъ, но и теперь, и послѣ,—если въ немъ есть нѣчто здравое.

Мен. Такъ чтожь? Съ какой стороны это не нравится тебѣ и заставляетъ не вѣрить, что добродѣтель есть знаніе (33)?

Сокр. Я скажу, Менонъ. Не хочу переименовывать свое мнѣніе, будто не хорошо утверждаютъ, говоря, что какъ скоро добродѣтель есть

знаніе, то она изучаема: но смотри, справедли-
во ли, по твоему мнѣнію, я не вѣрю, что
добродѣтель есть знаніе. Скажи-ка мнѣ вотъ
что: если не только добродѣтель, но и какая
бы то ни была вещь, — изучаема; то не необ-
ходимы ли, въ отношеніи къ ней, какъ учите-
ли, такъ и ученики?

Мен. Кажется.

В. *Сокр.* А когда напротивъ для вещи нѣтъ
ни учителей ни учениковъ; то не хороша ли
была бы догадка, если бы мы догадывались,
что она не изучаема?

Мен. Конечно. Но учителей добродѣтели
развѣ, ты думаешь, нѣтъ?

Сокр. Я часто ищу, есть ли какіе-нибудь
учители добродѣтели; все дѣлаю, но не могу
найти. Притомъ ищу вмѣстѣ со многими, и
особенно съ такими людьми, которыхъ почи-
таю опытнѣйшими въ этомъ отношеніи. Вотъ
я теперь, Менонъ, весьма кстати подсылъ къ
намъ именно такой человекъ, которому можно
сообщить свой вопросъ.—Да сообщить ему бы-
во. ло бы и справедливо (34): потому что Анить во-
первыхъ сынъ богатаго и мудраго отца, Ане-
міона, который сдѣлался богатымъ не по слу-
чаю и не отъ щедрости другаго, какъ недавно
Исмениасъ Фивянинъ, получившій имѣніе По-
ликрата, но собралъ богатство своею мудростію
и стараніемъ; во-вторыхъ онъ по всему кажет-
ся гражданиномъ не гордымъ, не надутымъ и

не спѣсивымъ, но челоѡкомъ свѣтскимъ и ловкимъ; потомъ онъ, по мнѣнiю Аѣинскаго народа, прекрасно воспиталъ и образовалъ своего сына (35), котораго они по сему избираютъ въ важныя правительственныя должности. И такъ справедливо изслѣдовать вмѣстѣ съ нимъ, есть ли учителя добродѣтели, или нѣтъ, и кто такіе. Помоги же, Анить, мнѣ и твоему гостю Менону въ рѣшенiи вопроса объ этомъ предметѣ, то-есть, кто бы могъ быть учителемъ. А разсматривай вотъ какъ: если бы мы захотѣли сдѣлать этого Менона хорошимъ врачомъ; то къ какимъ бы послали его учителямъ? не правда ли, что къ врачамъ?

Ан. Конечно.

Сокр. А когда бы пожелали, чтобъ онъ былъ хорошимъ башмачникомъ, то вѣрно къ башмачникамъ?

Ан. Да.

Сокр. И такъ во всемъ?

Ан. Конечно.

Сокр. Скажи мнѣ опять вотъ что о томъ же предметѣ. Посылая его, какъ говоримъ, къ врачамъ, мы хорошо поступили бы, если хотимъ, чтобъ онъ былъ врачомъ. Но говоря это, не разумѣемъ ли, что мы благоразумнѣе сдѣлаемъ, когда отправимъ его къ такимъ врачамъ, которые почитаются представителями искусства, берутъ за то плату и объявляютъ себя учителями всѣхъ, желающихъ ходить къ нимъ и учиться, нежели

къ такимъ, которыхъ не почитаютъ представителями? Не на это ли смотря, мы поступили бы хорошо?

Ан. Да.

Е. *Сокр.* Не такъ же ли касательно игры на флейтѣ и другихъ предметовъ? Великая была бы глупость, желая кого-нибудь сдѣлать флейщикомъ, не хотѣть посылать его къ людямъ, которые обѣщаютъ научить сему искусству и берутъ за то плату, а возлагать эти заботы на другихъ, отправлять охотника къ тѣмъ, которые и не выдають себя за учителей, и не имѣють ни одного ученика въ такомъ предметѣ, какому посылаемый, по нашему изволенію, долженъ учиться. Не великое ли это, думаешь, было бы безразсудство?

Ан. Да, клянусь Зевсомъ, — даже невѣжество (36).

91. *Сокр.* Ты хорошо говоришь. Значить, теперь можешь, вмѣстѣ со мною, судить объ этомъ иностранцѣ Менонѣ. Видишь, Анитъ; онъ уже давно твердить мнѣ, что ему хочется такой мудрости и добродѣтели, посредствомъ которой люди хорошо управляютъ домою и обществомъ, почитаютъ своихъ родителей, умѣють, какъ **В.** прилично доброму челоуѣку, принимать и отпущать согражданъ и иностранныхъ гостей. Такъ вотъ смотри-ка, для такой-то добродѣтели къ кому бы намъ вѣрнѣе отправить его: не

явно ли изъ предыдущаго, что къ тѣмъ, которые вызываються быть учителями добродѣтели, объявляя себя общими для каждаго изъ Эллиновъ, желающаго учиться, назначаютъ за то плату и берутъ ее?

Ан. Но кого же, Сократъ, ты считаешь такими учителями?

Сокр. Вѣроятно знаешь и ты, что люди называютъ ихъ софистами.

Ан. О Ираклъ! Говори лучше, Сократъ. Никто, ни изъ сродниковъ, ни изъ домашнихъ, ни изъ друзей, ни изъ Афинянъ, ни изъ иностранцевъ, не достигъ до такого безумія, чтобы пойти къ нимъ и развратиться. Вѣдь они явная порча и язва своихъ близкихъ.

Сокр. Что ты говоришь, Анитъ? Неужели софисты, одни изъ людей, приписывающихъ себѣ какое-нибудь умънье благодѣтельствовать, такъ различаются отъ всѣхъ, что тому, что имъ ввѣрено, не только не приносятъ пользы, подобно прочимъ, но даже причиняютъ вредъ и за то еще открыто изволятъ брать деньги? Вотъ ужъ не знаю, какъ тебѣ вѣрить. А мнѣ извѣстенъ былъ одинъ чело-вѣкъ, Протагоръ (37), который такую мудростию нажилъ себѣ больше денегъ, чѣмъ Фидіасъ, дѣлавшій столь отлично прекрасныя вещи, и вмѣстѣ съ нимъ другіе десять скульпторовъ. Да и странно: если бы люди, занимающіеся по-чинкою старыхъ башмаковъ и зашиваньемъ

- платя , возвращали то и другое въ худшемъ состояніи, чѣмъ приняли; то они не укрылись бы и въ продолженіе тридцати дней, но чрезъ такіе поступки скоро умерли бы съ голоду. Напротивъ Протагоръ, развращая приближенныхъ и отпускаая ихъ худшими, чѣмъ принималъ, укрывался отъ всей Греціи, въ продолженіе сорока лѣтъ; ибо онъ умеръ, думаю, почти уже лѣтъ семидесяти отъ роду, а занимался своимъ искусствомъ около сорока, и во все это время, даже до настоящаго дня, не потерялъ своей славы.
92. И только ли Протагоръ? — много и другихъ; иные жили прежде его, а иные живутъ еще и теперь. И такъ скажемъ ли, согласно съ твоимъ мнѣніемъ, что они сознательно обманываютъ и развращаютъ юношей, или дѣлаютъ это безъ сознанія? И такимъ образомъ признаемъ ли глупыми тѣхъ, которыхъ иные называютъ людьми мудрѣйшими?

Ан. Они-то не глупы, Сократъ; гораздо глупѣе ихъ юноши, дающіе имъ деньги; а и того глупѣе ближніе, ввѣряющіе имъ юношей;

В. глупѣе же всѣхъ общества, которыя позволяютъ имъ вступать въ свои предѣлы, и не изгоняютъ — иностранца ли то, или Аѳинянина, какъ скоро онъ рыскается на такіе поступки.

Сокр. Что? тебя, Анить, обидѣлъ кто-нибудь изъ софистовъ, или — почему ты такъ сердитъ на нихъ?

Ан. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ; я и самъ никогда, ни съ кѣмъ изъ нихъ не имѣлъ дѣла, и никому изъ своихъ не позволилъ бы этого.

Сокр. Следовательно ты вовсе незнакомъ съ ними?

Ан. И быть тому такъ.

Сокр. Но какимъ же образомъ, чудный человекъ, ты можешь знать объ этомъ предметѣ, заключаетъ ли онъ въ себѣ что-нибудь доброе, или худое, когда вовсе не знакомъ съ нимъ? С.

Ан. Легко. Знакомъ ли я съ ними, или нѣтъ, — мнѣ по крайней мѣрѣ извѣстно кто они.

Сокр. Ты, Анить, вѣроятно прорицатель; ибо иначе, судя по твоимъ словамъ, удивительно, какъ бы тебѣ знать о нихъ. Впрочемъ мы вѣдь не изслѣдывали, кто твѣ, которыхъ посвящая, Менонъ сдѣлался бы худымъ: такіе-то люди, пожалуй, пусть будутъ софисты. Назови же D. намъ другихъ и окажи благодѣяніе этому отечественному гостю: объяви ему, къ кому онъ долженъ отправиться въ столь обширномъ городѣ, чтобы въ добродѣтели, которая недавно описана мною, выйти человекомъ, стоющимъ имени.

Ан. А почему ты самъ не объявишь ему?

Сокр. Я уже сказалъ, кого почиталъ учителями въ этомъ предметѣ; но изъ твоихъ словъ видно, что мною ничего не сказано. Можетъ быть это и правда. Скажи же и ты въ E.

свою очередь, къ кому изъ Аѳинянъ идти ему; назови, чье хочешь, имя.

Ан. Къ чему слышать имя одного чело-
вѣка? Съ кѣмъ бы изъ Аѳинянъ хорошихъ и
добрыхъ ни сошелся онъ, всякій сдѣлаетъ его
лучшимъ, нежели софисты, если найдетъ въ
немъ довольно послушанія.

Сокр. Но эти хорошіе и добрые стали
такими неужели случайно, не участь ни у кого?
И какимъ образомъ тому, чему сами не учи-
лись, могутъ учить другихъ?

63. *Ан.* Они, пожалуй, учились у своихъ пред-
ковъ, которые были столь же хороши и добры.
Развѣ не кажется тебѣ, что въ этомъ городѣ
бывало много людей добрыхъ?

Сокр. Мнѣ-то кажется, Анитъ, что здѣсь
и теперь есть люди добрые по дѣламъ поли-
тическимъ, и бывало ихъ не менѣе, чѣмъ нынѣ.
Но были ли они, говорю, и добрыми настав-
никами въ своей добродѣтели? Вопросъ, о ко-
В. торомъ идетъ у насъ рѣчь, состоитъ вѣдь не
въ томъ, есть ли здѣсь добрые люди, или нѣтъ,
и не въ томъ, бывали ли они прежде: мы давно
уже разсматриваемъ, изучаема ли добродѣтель.
А разсматривая это, разсматриваемъ вотъ что:
добрые люди настоящаго и прежнихъ временъ
умѣли ли ту добродѣтель, по которой были
сами добры, передать и другому, или она не
передается челоувѣкомъ и не переходитъ отъ

лица къ лицу? Это-то давно уже изслѣдываемъ мы—я и Менонъ. Такъ смотри сюда изъ своихъ основаній. Не сказалъ ли бы ты, чтоThemistocle былъ человекъ добрый?

Ан. Конечно сказалъ бы,—и добрѣе всѣхъ. С.

Сокр. Значить, если кто другой могъ учить своей добродѣтели; то онъ былъ конечно хорошимъ учителемъ?

Ан. Думаю, если бы только захотѣлъ.

Сокр. А думаешь ли, что онъ не хотѣлъ сдѣлать хорошимъ и добрымъ не только кого-нибудь, но даже и собственнаго сына? Или, по твоему мнѣнью, Themistocle завидовалъ ему и умышленно не передалъ добродѣтели, по которой самъ былъ добрымъ? Развѣ ты не слышалъ, что онъ образовалъ своего сына, Kleofanta, добрымъ всадникомъ; такъ что послѣдній держался на конѣ стоя, стоя на конѣ стрѣлялъ и дѣлалъ много другихъ чудесъ? Всему этому отецъ научилъ его и сдѣлалъ мудрецомъ, сколько зависѣло отъ добрыхъ учителей. Или ты не слышалъ объ этомъ отъ стариковъ? D.

Ан. Слыхалъ.

Сокр. Слѣдовательно никто не могъ обвинять природу его сына въ тупости.

Ан. Можетъ быть. E.

Сокр. Но что потомъ? Слыхалъ ли ты когда-нибудь отъ юношей, или стариковъ, что Kleofantъ, сынъ Themistocle, былъ добръ и мудръ въ томъ, въ чемъ отецъ его?

Ан. Ну нѣтъ.

Сокр. Неужели же мы подумаемъ, что этому-то онъ старался научить своего сына, а въ той мудрости, въ которой самъ былъ мудрецомъ, не сдѣлалъ бы его лучше сосѣдовъ, если бы добродѣтель была дѣйствительно изучаема?

Ан. Едва ли подумаемъ, клянусь Зевсомъ.

94. *Сокр.* Итакъ вотъ тебѣ такой учитель добродѣтели, котораго и ты относишь къ числу отличнѣйшихъ между предками. Посмотримъ еще на другаго,—на Аристиду, сына Лизимахова. Не согласишься ли ты, что онъ былъ добръ?

Ан. Совершенно согласенъ.

- Сокр.* И этотъ сына своего Лизимаха, сколько зависѣло отъ учителей, воспиталъ лучше всѣхъ Аѳинянъ (38): а какъ тебѣ кажется? сдѣлалъ ли его лучшимъ человекомъ? Вѣдь ты бываешь съ нимъ вмѣстѣ и видишь, каковъ онъ. Возьми, пожалуй, хоть Перикла, в. столь знаменито-мудраго мужа: знаешь ли, что онъ воспиталъ двухъ сыновей, Паралоса и Ксантиппа?

Ан. Знаю.

Сокр. Вѣдь они, какъ и тебѣ известно, выучены ѣздить верхомъ не хуже Аѳинянъ, и никого не хуже узнали музыку, гимнастику и все другое, зависящее отъ искусствъ. Но неужели Периклъ не хотѣлъ образовать ихъ

добрыми людьми? Мнѣ кажется, хотѣлъ; да это видно не изучаемо. А чтобы ты не подумалъ, будто не многіе и при томъ самые худые Аѳиняне (39) не могутъ сдѣлать этого, то замѣть, С. что и Фукидидъ воспиталъ двухъ сыновъ, Мелісіаса и Стефана, которые прекрасно были наставлены и въ прочихъ искусствахъ, а въ гимнастическихъ упражненіяхъ превосходили всѣхъ Аѳинянъ; потому что Фукидидъ одного изъ нихъ ввѣрилъ Ксанѳіасу, а другаго—Эвдору, которые считались тогда отличнѣйшими бойцами. Или ты не помнишь?

Ан. Знаю—по слуху.

Сокр. Такъ не явно ли, что научивъ дѣтей своихъ тому, что требовало издержекъ, онъ D. еще охотнѣе сдѣлалъ бы ихъ добрыми людьми, для чего издержекъ не нужно, если бы это изучалось? Впрочемъ можетъ быть Фукидидъ былъ человѣкъ мало важный и не имѣлъ довольно друзей между Аѳинянами и союзникамъ ихъ?—Нѣтъ, онъ и принадлежалъ къ большому дому, и много могъ, какъ въ отечествѣ, такъ и у другихъ Грековъ; значить, если бы это было изучаемо, нашелъ бы людей, между соотечественниками, или иностранцами, которые сдѣлали бы его сыновей E. добрыми, хотя бы общественныя занятія и не давали досуга ему самому. Такъ нѣтъ, любезный Анитъ, видно добродѣтели учить нельзя.

Ан. Тебѣ, кажется, не трудно, Сократъ, худо отзываться о людяхъ. Но, если хочешь

послушаться меня,—совѣтую быть осторожнѣе. Можетъ быть и въ другомъ городѣ легче бываетъ дѣлать имъ зло, чѣмъ добро (40), а здѣсь — и того болѣе. Ты и самъ, думаю, знаешь это.

95. *Сокр.* Менонъ! Анитѣ то, кажется, сердить на меня. Да и не удивительно; потому что во-первыхъ почитаетъ меня порицателемъ такихъ людей, во-вторыхъ относитъ и себя къ числу ихъ. Но если онъ узнаетъ, что значить говорить худо, то перестанетъ сердиться: теперь ему это еще не извѣстно. Скажи мнѣ ты, есть ли и у васъ хорошіе и добрые люди.

Мен. Конечно.

- в. *Сокр.* Чтожь? хотятъ ли они выдавать себя юношамъ за учителей? хотятъ ли объявлять себя учителями, или добродѣтель изучаемою?

Мен. Нѣтъ, Сократъ, клянусь Зевсомъ; но иногда слышишь отъ нихъ, что добродѣтель изучаема, а иногда,—что нѣтъ.

Сокр. И такъ назовемъ ли ихъ преподавателями самаго предмета, когда они даже и въ этомъ между собою несогласны?

Мен. Кажется нѣтъ, Сократъ.

Сокр. Что еще? Эти софисты—одни вызывающіеся учить добродѣтели, могутъ ли, по твоему мнѣнію, учить ей?

- с. *Мен.* Я и Горгіаса люблю особенно за то, Сократъ, что ты никогда не услышишь отъ него подобнаго обѣщанія. Онъ даже смѣется и

надъ другими, когда они общаются это, а только вызывается сдѣлать челоуѣка сильнымъ въ словѣ.

Сокр. Слѣдовательно софистовъ ты не считаешь учителями?

Мен. Я не могу сказать этого, Сократъ; ибо чувствую то же, что и многіе: иногда почитаю, иногда нѣтъ.

Сокр. А знаешь ли, что не только ты и д. другіе политики—почитаете добродѣтель иногда изучаемою, иногда нѣтъ, но и поэтъ Теогиисъ говоритъ то же самое?

Мен. Въ какихъ стихотвореніяхъ?

Сокр. Въ элегіяхъ, гдѣ сказано (41): «У тѣхъ пей и ѣшь, съ тѣми сиди и тѣмъ нрався, которые имѣютъ великую силу; потому что отъ добрыхъ добру и научишься. А когда свяжешь-ся съ худыми, то потеряешь и наличный умъ.» Видишь ли? здѣсь утверждается, что добродѣ- Е. тель изучаема.

Мен. По видимому такъ.

Сокр. Напротивъ въ другомъ мѣствѣ онъ нѣсколько уклоняется отъ своихъ словъ и говорить: «Если бы возможно было сотворить и вложить умъ въ челоуѣка; то, заключаетъ онъ, великую и важную награду получили бы люди, сѣумѣвшіе сдѣлать это. Тогда отъ добраго отца не происходилъ бы худой сынъ, вѣря спасительнымъ его наставленіямъ. Но посредствомъ 96.

науки, человека худаго видно не сдѣлать добрымъ.» Замѣчаешь ли, что, говоря объ одномъ и томъ же предметъ, онъ противорѣчитъ самому себѣ?

Мен. Кажется.

Сокр. И такъ можешь ли указать мнѣ на какую-нибудь иную вещь, въ которой люди, выдающіе себя за учителей, не только не признаются учителями другихъ, но и сами считаются невѣждами, сами худы въ той вещи, въ отношеніи къ которой носятъ имя учителей,—а тѣ, кого почитаютъ дѣйствительно хорошими и добрыми, иногда причисляютъ ее къ вещамъ изучаемымъ, иногда нѣтъ? Сказалъ ли бы ты, что люди, находящіеся въ такомъ недоумѣніи касательно сего предмета, суть именно его преподаватели?

Мен. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Если же ни софисты, ни даже хорошие и добрые люди не могутъ быть преподавателями этой вещи, то видно—и никто другой?

Мен. Кажется, никто.

Сокр. А если нѣтъ учителей, то нѣтъ и учениковъ?

Мен. Выходитъ такъ, какъ ты говоришь.

Сокр. Значитъ, мы согласились, что тотъ предметъ, въ отношеніи къ которому нѣтъ ни учителей ни учениковъ, не можетъ быть изучаемъ?

Мен. Согласились.

Сокр. А для добродѣтели, какъ открывається, нѣтъ учителей?

Мен. Да.

Сокр. Если же нѣтъ учителей, то нѣтъ и учениковъ?

Мен. Кажется такъ.

Сокр. Слѣдовательно добродѣтель неизучаема?

Мен. Невѣроятно, хотя наши изслѣдованія и справедливы. Я все еще не понимаю, Сократъ, какъ бы и быть когда-нибудь добрымъ людямъ ; или, какимъ бы образомъ сдѣлаться добрыми тѣмъ, которые сдѣлались. D.

Сокр. Оба мы, Менонъ, должно быть, люди плохіе. Видно тебя, Горгіасъ, а меня Продикъ не довольно научили. И такъ намъ нужно обратить вниманіе и изслѣдовать самимъ, можетъ ли кто сдѣлать насъ лучшими какимъ-нибудь однимъ образомъ (42). Говорю это, имѣя въ виду прежній вопросъ. Какъ смѣшно утаилось отъ насъ, что у человѣка, подъ руководствомъ не одного знанія, совершаются дѣла справедливыя и добрыя! Когда же не допустимъ, что кромѣ знанія, для сей цѣли необходимо и другое кое-что ; то можетъ быть и не уразумѣемъ, какимъ образомъ люди дѣлаются добрыми. E.

Мен. Какъ это говоришь ты, Сократъ?

Сокр. Вотъ какъ: Мы вѣдь справедливо согласились, что люди добрые должны прино-

сить пользу; это иначе и быть не можетъ. Не правда ли?

97. *Мен.* Да.

Сокр. И что они будутъ приносить пользу, исполняя правильно дѣла свои: вѣдь и это мы, кажется, хорошо допустили?

Мен. Да.

Сокр. А что исполнять правильно дѣла свои нельзя тому, кто неблагоразуменъ,—на это мы, по видимому, напрасно согласились.

Мен. Но что ты выражаешь словомъ «правильно?»

Сокр. Я скажу тебѣ. Если бы кто-нибудь, зная дорогу въ Лариссу, или куда угодно въ иное мѣсто, самъ шелъ и другихъ велъ по ней; то правильно ли и хорошо ли велъ бы?

Мен. Конечно.

В. *Сокр.* Но что, если бы кто-нибудь имѣлъ хоть и правильное мнѣніе объ этой дорогѣ, однакожь самъ еще не ходилъ по ней и не знаетъ ея: — не могло ли бы быть правильно и его водительство?

Мен. Конечно.

Сокр. Значить, пока онъ имѣетъ правильное мнѣніе о томъ предметѣ, о которомъ у другаго есть знаніе; дотогъ, обладая истиннымъ мнѣніемъ, а не благоразуміемъ, будетъ руководствовать не хуже, чѣмъ благоразумный.

Мен. Конечно не хуже.

Сокр. Следовательно истинное мнѣніе для правильности дѣла есть руководитель не хуже благоразумія. Такъ вотъ это-то пропустили мы С при изслѣдываніи вопроса, какова добродѣтель. По нашимъ словамъ, одно благоразуміе должно руководствоваться къ правильной дѣятельности: а тутъ нужно и истинное мнѣніе.

Мен. Вѣроятно.

Сокр. По этому правильное мнѣніе не менѣе полезно, какъ и знаніе.

Мен. По крайней мѣрѣ столько полезно, Сократъ, что обладающій знаніемъ всегда можетъ достигнуть цѣли, а имѣющій правильное мнѣніе иногда достигаетъ ея, иногда нѣтъ.

Сокр. Какъ ты говоришь? Чтобы тотъ, кто всегда имѣетъ правильное мнѣніе, не всегда достигалъ цѣли, пока мнить правильно?

Мен. Съ тобою, кажется необходимо согласиться; но когда это такъ, то я удивляюсь, почему D знаніе цѣнится гораздо выше правильнаго мнѣнія, и чѣмъ одно изъ нихъ отлично отъ другаго.

Сокр. А знаешь ли, почему ты удивляешься, или сказать тебѣ это?

Мен. Пожалуй-ста скажи.

Сокр. По тому, что не обратилъ вниманія на Дедаловы статуи (43). Да у васъ, можетъ быть, и нѣтъ ихъ.

Мен. Къ чему же ты говоришь это?

Сокр. Къ тому, что и онъ, пока не связаны, бѣгутъ и убѣгаютъ, а связанные, стоятъ неподвижно.

Е. *Мен.* Такъ чтожь?

Сокр. Приобрѣсть развязанное произведеніе Дедала не много значитъ, равно какъ и приобрести бѣлаго человѣка, — потому что онъ не остается на одномъ мѣстѣ: напротивъ связанное—дорого; ибо такія произведенія прекрасны. На что же я мѣчу своими словами? на истинныя мнѣнія. Вѣдь и истинныя мнѣнія—прекрасное дѣло, и производятъ все доброе, пока 98. бываютъ постоянны. Но онъ не хотятъ долго оставаться неизмѣняемыми; онъ убѣгаютъ изъ человѣческой души и потому не цѣнны, пока кто нибудь не свяжетъ ихъ размышленіемъ о причинѣ. А это, любезный Менонъ, и есть припоминаніе, — въ чемъ мы прежде согласились. Когда же истинныя мнѣнія бываютъ связаны; то сперва становятся знаніями, а потомъ упрочиваются. Отъ этого-то знаніе и цѣннѣе правильнаго мнѣнія; узами-то и различается первое отъ послѣдняго.

Мен. Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ; дѣйствительно походить на что-то такое.

В. *Сокр.* Впрочемъ я и выдаю это не за извѣстное, а за похожее. Что же касается до различія между правильнымъ мнѣніемъ и знаніемъ

ніемъ; то оно, думаю, уже не есть ничто похожее, но; если бы я приписалъ себѣ какія-нибудь знанія, — а приписалъ бы ихъ себѣ не много, — то упомянутое было бы однимъ изъ тѣхъ, которыя имѣю.

Мен. Да и справедливо говоришь, Сократъ.

Сокр. Чтожь? А то несправедливо, что истинное мнѣніе, управляя совершеніемъ каждаго дѣла, управляетъ не хуже знанія?

Мен. Кажется, и то справедливо.

Сокр. Значитъ, справедливое мнѣніе не хуже знанія, и въ дѣятельности будетъ не менѣе полезно; значитъ, и человѣкъ, обладающій справедливымъ мнѣніемъ, не хуже того, который обладастъ знаніемъ.

Мен. Такъ.

Сокр. Между тѣмъ мы согласились, что добрый человѣкъ полезенъ намъ.

Мен. Да.

Сокр. Поелику же добрые люди, если они есть, должны быть полезны обществамъ не только посредствомъ знанія, но и посредствомъ справедливаго мнѣнія; а оба эти средства — знаніе и истинное мнѣніе, и не даются людямъ природою, и не приобретаются.... Или, ты думаешь, что которое-нибудь изъ нихъ получается отъ природы?

*

Мен. Не думаю.

Сокр. А если они—не отъ природы; то и добрые — не отъ природы.

Мен. Разумѣется.

Сокр. Когда же не отъ природы, то вотъ мы и разсматривали (44), изучаемо ли это.

Мен. Да.

Сокр. И не показалось ли намъ, что добродѣтели можно бы учиться, какъ скоро она была бы благоразуміе?

Мен. Показалось.

Сокр. А когда добродѣтель была бы благоразуміе, то ей можно бы учиться?

Мен. Конечно.

Сокр. И если бы, въ отношеніи къ ней, дѣйствительно существовали учителя, то она **Е.** почиталась бы изучаемою; а—не существовали, —оставалась бы неизучаемою?

Мен. Такъ.

Сокр. Но мы согласились, что въ отношеніи къ ней нѣтъ учителей?

Мен. Правда.

Сокр. Слѣдовательно согласились и въ томъ, что она и не изучаема, и не есть благоразуміе?

Мен. Конечно.

Сокр. Однакожь мы допустили, что она все-таки есть добро?

Мен. Да.

Сокр. А полезнымъ и добрымъ называется то, что правильно руководствуетъ?

Мен. Конечно.

Сокр. Собственно же правильными руководителями признаны только два: правильное мнѣніе и знаніе. И кто обладаетъ ими, тотъ руководствуется правильно; потому что происходящее случайно, зависитъ не отъ человѣческаго руководства. То, посредствомъ чего самъ человекъ дѣлается руководителемъ къ правильному, есть истинное мнѣніе и знаніе.

Мен. Мнѣ кажется, такъ.

Сокр. Но какъ скоро добродѣтель не изучается, то она уже не бываетъ и знаніемъ?

Мен. По видимому, нѣтъ.

Сокр. И такъ одинъ изъ двухъ добрыхъ и полезныхъ руководителей развязанъ, то-есть, знаніе не можетъ руководствовать въ дѣлахъ политическихъ.

Мен. Кажется, нѣтъ.

Сокр. Значитъ, такіе люди, каковы Θεμισтоклъ и подобные ему, недавно упомянутые Анитомъ, управляють обществами не посредствомъ какой-нибудь мудрости, и не какъ мудрецы. По тому - то имъ и невозможно сдѣлать другихъ равными себѣ, что они вышли такими — не чрезъ знаніе.

Мен. Походить на то, что говоришь, Сократъ.

Сокр. Если же не чрезъ знаніе; то остается с. доброе мнѣніе, пользуясь которымъ, политики правятъ обществами. Въ отношеніи къ благо-разумію, они ни чѣмъ не отличаются отъ прорицателей и мужей богодухновенныхъ; потому что и послѣдніе говорятъ много истиннаго, а не знаютъ того, что говорятъ.

Мен. Едва ли не такъ.

Сокр. По сему не должно ли, Менонъ, называть этихъ мужей божественными, когда они, дѣлая и говоря что-нибудь независимо отъ ума, производятъ много великаго?

Мен. Конечно.

Сокр. Да, если мы справедливо называемъ d. божественными тѣхъ, о которыхъ сей-часъ упомянули, то-есть прорицателей, вѣщунъ и людей съ даромъ поэтическимъ; то не меньшее имѣемъ право называть божественными и восторженными самыхъ политиковъ, какъ скоро они, вдохновенные и наитствованные Богомъ, совершаютъ посредствомъ слова много великихъ дѣлъ, хотя и не знаютъ, что говорятъ.

Мен. Конечно.

Сокр. Вѣдь и женщины, Менонъ, людей добрыхъ именуютъ божественными; и Лакедемоняне, когда хотятъ кого прославить добрымъ

человѣкомъ, говорятъ: онъ челоуѣкъ божественный.

Мен. И говорятъ-то, кажется, справедливо, **Е.** Сократъ; хоть Анить за такія слова, можетъ быть, и сердится на тебя.

Сокр. Нужды нѣтъ. Съ нимъ мы еще поговоримъ, Менонъ. Теперь же—если во всемъ этомъ разсужденіи наши изслѣдованія и рѣчи были хороши; то добродѣтель и не получается отъ природы и не приобрѣтается ученіемъ, но дается божественнымъ жребіемъ, независимо ^{100.} отъ ума, — тому, кому дается, какъ скоро нѣтъ политика, который могъ бы и другаго сдѣлать политикомъ. А когда бы онъ былъ, то между живыми можно бы считать его почти тѣмъ же, чѣмъ между мертвыми Омиръ (45) представляетъ Тиресіаса, говоря: «онъ мыслить» въ преисподней, «а прѣчія тѣни летаютъ»). Таковъ-то былъ бы и этотъ челоуѣкъ, какова дѣйствительная вещь въ сравненіи съ тѣнію, поколику разсматривается добродѣтель.

Мен. По моему мнѣнію, ты прекрасно говоришь, Сократъ. **В.**

Сокр. Итакъ, Менонъ, изъ настоящихъ основаній вытекаетъ, что добродѣтель дается божественнымъ жребіемъ тому, кому дается. Но ясно мы узнаемъ это тогда, когда, прежде чѣмъ изслѣдуемъ образъ дарованія оной людямъ, рѣ-

шимся изслѣдовать, что такое добродѣтель. Теперь мнѣ уже пора кое-куда идти; а ты, въ чемъ самъ убѣдился, постарайся убѣдить и своего гостя Анита, чтобы онъ былъ покротче.

С. Когда убѣдишь его, то сдѣлаешь пользу и Аѳинянамъ.

АПОЛОГІЯ СОКРАТА.

АПОЛОГІЯ СОКРАТА.

ВВЕДЕНІЕ.

Апология Сократа, по своему содержанию, есть не просто защитительная рѣчь въ отношеніи къ тѣмъ частнымъ пунктамъ обвиненія, которые изложены были въ доносахъ Мелита и Анита, но полный отчетъ старца въ долготѣней его жизни и дѣятельности. Оправдываться Сократу иначе, кажется, было и невозможно: потому что у него, какъ у философа пракческаго, все частное находилось въ связи съ общимъ, всѣ поступки вытекали изъ понятій. Слѣдовательно вмѣнять ему въ вину нѣчто отдѣльное, значило вмѣнять все; а вмѣнять все, было тоже, что осуждать и умственную и нравственную и политическую жизнь его. Такое общее изображеніе Сократовой жизни, изложенное Платономъ въ разсматриваемомъ сочиненіи, сообщаетъ ему необыкновенную силу

убѣдительности и дѣлаетъ крайне мелочными клеветы, внесенныя на Аѳинскаго правоучителя; такъ что, и по замѣчанію Цицерона (1), онъ *ut non reus, sed potius dominus et magister judicum esse videretur*.

Апология Сократа, въ отношеніи архитектурническомъ, совершенно удовлетворяетъ существеннымъ требованіямъ классической теоріи рѣчи: она состоитъ изъ приступа, раскрытія главнаго предмета и заключенія (2).

Въ приступѣ (17. 18. А.) Сократъ развиваетъ ту мысль, что его обвинители ораторствовали краснорѣчиво; а онъ станетъ объясняться просто, первыми представляющимися словами: за то въ ихъ рѣчахъ не было нисколько правды; а отъ него судіи не услышатъ ничего, кромѣ истины (3).

Главная тема Апологіи можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: *Цѣлая жизнь*

(1) *Quaest. Tusc. 1. 21. de Orat. 1. 31.*

(2) Это сочиненіе не только для послѣдователей Сократа, но и для позднѣйшихъ ораторовъ служило образцомъ составленія ораторской рѣчи. *Fabric. Bibl. Gr. T. III. p. 72. Harl. Fisch. ad Apol. p. 66.*

(3) Извѣстно, что въ Аѳинской республикѣ всякій, доносившій суду о какомъ-нибудь общественномъ дѣлѣ, долженъ былъ раскрывать его пользу или вредъ особенною рѣчью. Впрочемъ см. *Tychsen. de judicio Heliastarum in Socratis causa constituto. Biblioth. d. alten Litter. Götting. 1786. 87.*

Сократа не только служитъ опроверженіемъ сдѣланныхъ на него доносовъ, но можетъ быть понимаема и какъ благодѣяніе для Республики. По этому не смерти, а почетнаго стола въ Пританіонѣ Сократъ имѣлъ бы право ожидать себя, хотя и смерть для него есть не зло, а добро. Эти мысли раскрыты въ двухъ отдѣлахъ, или частныхъ рѣчахъ апологін, изъ которыхъ первая должна была быть произнесена прежде приговора судей, а другая послѣ того.

Въ первой рѣчи (18—24 В.), Сократъ защищается сначала противъ давняго неслыгоднаго о себѣ мнѣнія, будто онъ — мудрецъ, умышленно о небесномъ и испытывающій подземное. Это мнѣніе было не выгодно для него потому, что люди, слышавшіе о немъ подобныя толки, ни какъ не могли представить себѣ, чтобы онъ вѣровалъ въ боговъ; это мнѣніе было для него даже страшнѣе формальныхъ доносовъ Мелита и Анита, ибо подкапывалось подъ цѣлую его жизнь и сдѣлалось отголоскомъ всѣхъ Аѳинянъ. Какимъ же образомъ Сократъ опровергаетъ его? Мы вполне уразумѣемъ силу этого опроверженія, когда предварительно выскажемъ нѣсколько мыслей, стоящихъ въ связи съ разсматриваемымъ предметомъ.

Всякій умъ склоненъ къ кичливости; но умъ чловѣка, имѣющаго какія-нибудь причины заниматься собою, еще болѣе склоненъ къ ней.

Эта правда, прежде чѣмъ введена была въ сознаніе Христіанъ, въ полусвѣтъ представлялась и язычникамъ. Между тѣмъ, предлагая ее къ сужденію о какой бы то ни было дѣятельности, люди почти всегда слишкомъ стѣсняють объемъ ея. Такова видно уже ограниченность нашего взгляда! Мы забываемъ, что кичливъ умъ Эвтифрона, когда онъ приписываетъ себѣ даръ пророчества и опытное знаніе святости (1); кичливъ умъ Анита, когда онъ почитаетъ себя великимъ политикомъ и тщеславится вліяніемъ на дѣла общественныя (2; кичливъ умъ Калліаса, когда его самолюбіе находитъ себѣ пищу въ покровительствѣ софистамъ всѣхъ націй (3); кичливъ умъ Мелита, когда онъ выставяетъ предъ свѣтомъ мнимое свое попеченіе о нравственномъ воспитаніи юношества (4); — мы забываемъ все это, и помнимъ только одно,—что кичливъ умъ Сократа, когда онъ философствуетъ о небесномъ и испытываетъ подземное,—помнимъ единственно по тому, что въ семь случаевъ умъ напоминаетъ непосредственно о самомъ себѣ. Впрочемъ это сужденіе, сколь оно ни частно, не всегда бываетъ ложно: исторія человѣческихъ заблужденій въ

(1) Euthyphr. p. 3. С.

(2) Menon. p. 94. E.

(3) Protag. p. 511.

(4) Euthyphr.

самомъ дѣлѣ представляетъ много примѣровъ умственнаго киченія въ области философіи. Какимъ же образомъ узнать, когда именно философствующій умъ кичливъ и когда нѣтъ, или, что тоже — чѣмъ отличается ложная философія отъ истинной? Обуздать кичливость ума, значитъ покорить его вѣрѣ. Отсюда: кто вѣруеть, тотъ некичливъ; кто кичливъ, тотъ не вѣруеть. Следовательно вѣра есть признакъ философіи истинной, а невѣріе — ложной. Но какая, скажутъ, тамъ философія, гдѣ умъ водится вѣрою? и какая тамъ вѣра, когда онъ философствуетъ? Мы думаемъ иначе, и надѣемся доказать, что живая вѣра иногда необходимо требуетъ философствованія. Умъ нашъ, какъ безотлучный спутникъ, падшаго человѣчества, поминутно впадаетъ въ заблужденія: и науки, и искусства и жизнь практическая — все носитъ печать его ошибокъ и увеличиваютъ сумму его погрѣшностей. Представьте же, что увлеченные кичливостію ума, мы безъ сознанія уклонились отъ прямого пути истины, внушаемой вѣрою; мы идемъ по дебрямъ, перебираемъя чрезъ овраги, тонемъ въ пескахъ, или грузнемъ въ тундрахъ. По этимъ пропастямъ идетъ большая часть человѣчества, идутъ все науки, идетъ и философія. Но наконецъ надобно же одуматься! Представьте опять, что въ нашей душѣ, среди крайнихъ опасностей утомительнаго странствованія, вдругъ блеснула мысль, что мы не на

своей дорогѣ, а на какомъ-то распутіи, и пусть эта мысль будетъ голосомъ вѣры, которая, какъ Платоново воспоминаніе о бытіи домірномъ, ясно изображаетъ намъ, гдѣ, и куда надлежало бы идти существу разумному. Мы рѣшаемся возвратиться; но какимъ образомъ? Не по прежнимъ ли тундрамъ, пескамъ и оврагамъ?— съ тѣмъ только различіемъ, что нѣкогда эти трудности странствованія были для насъ случаями къ побѣдамъ; ибо преодоленіе ихъ казалось дѣломъ славнымъ, а теперь онѣ должны внушать намъ уничиженіе и увѣренность въ собственномъ безсиліи. И дѣйствительно, что такое подвижническая жизнь людей благочестивыхъ, какъ не обратное шествіе ихъ съ распутій свѣта на призывъ вѣры? Правда, многимъ кажется, что ихъ подвиги состояли только въ умерщвленіи плоти трудомъ, воздержаніемъ и бодрствованіемъ. Но если бы спросили насъ: въ смиреннейшей плоти можетъ ли обитать кичливый умъ? — мы конечно отвѣчали бы, что можетъ. — А сопровождаемая кичливымъ умомъ, можетъ ли она возвратиться на путь вѣры? — Безъ сомнѣнія нѣтъ. — Чтожь отсюда слѣдуетъ? — То, что не одна плоть, но и умъ долженъ вступить на такое же поприще труда и самоумерщвленія, что и уму надобно перейти чрезъ прежнія бездны, пересмотрѣть усвоенныя помыслы, изслѣдовать сросшіяся съ душею начала и потомъ отвергнуть весь нечистый отстой

познаній, имѣющихъ свойство надмевать его. Вотъ почему любомудріе признавалось необходимымъ даже въ пустыняхъ, пещерахъ и кельяхъ отшельниковъ! И вотъ характеръ философіи истинной! Она отличается отъ ложной не содержаниемъ, ибо предметы изслѣдованія въ той и другой одинаковы, но направленіемъ, по-скольку первая идетъ отъ заблужденій къ вѣрѣ, а послѣдняя — отъ вѣры къ заблужденіямъ; та сознасть свою слабость, а эта свою — силу и могущество; одну и Сократъ уже назвалъ философіею, потому что она только искала мудрости, но не находила ея на землѣ, а другой тотъ же самый Сократъ иронически давалъ имя мудрости, потому что она присвоила себѣ совершенное знаніе истины.

Теперь понятно, почему сынъ Софрониска, защищаясь противъ давняго невыгоднаго для себя мнѣнія, отказывается отъ названія мудреца, и какую силу его оправданію сообщать указаніе на тѣ поиски мудрости, въ которыхъ онъ провелъ всю жизнь и которыми раздражилъ почти все сословія общества. Мы воображаемъ Сократа, смѣло идущаго на встрѣчу своему вѣку, и хлопотливо старающагося остановить многочисленную и шумную толпу мудрецовъ всякаго рода, чтобы они одумались, замѣтили свое заблужденіе и поняли, что именемъ знанія у нихъ прикрито невѣжество, что истинная мудрость можетъ быть только цѣлію чело-

вѣческихъ стремленій, а не приобрѣтеніемъ, и что въ собственномъ смыслѣ она принадлежитъ одному Богу. Такимъ образомъ цѣль Аѳинскаго правоучителя была—обуздать кичливость ума, то-есть, отъ слѣпой вѣры въ свою мудрость возвратить его къ философскому изслѣдованію познаній, чтобы наконецъ онъ убѣдился въ слабости своихъ силъ и пробудилъ въ себѣ потребность высшей помощи, подъ условіемъ которой, говоритъ Платонъ, только и возможна истинная добродѣтель. Таково было направленіе Сократовой философіи! Въ основаніи ея лежало убѣжденіе въ незнаніи, и по тому Сократъ ни какъ не смѣлъ усвоить себѣ мудрость. Но кто не знаетъ и сознаетъ свое незнаніе; тотъ естественно—на пути къ мудрости, которая, по чувству сына Софронискова, есть Богъ; слѣдовательно Аѳиняне несправедливо навязываютъ ему невѣріе въ боговъ. При томъ, кто отъ убѣжденія въ собственномъ незнаніи идетъ къ мудрости и ищетъ ея; тотъ конечно мудрѣе мнимыхъ мудрецовъ, которые и по тому уже невѣжды, что почитаютъ себя мудрецами. Этимъ умозаключеніемъ Сократъ оправдываетъ также и слова оракула.

Защитившись такимъ образомъ противъ общаго и давняго мнѣнія Аѳинянъ, обвиняемый приступаетъ къ разсмотрѣнію доноса, сдѣланнаго Мелитомъ и Анитомъ. Поелику же доносъ ихъ состоялъ изъ двухъ пунктовъ обви-

ненія, будто бы то-есть Сократъ развращаетъ юношей и не признаетъ боговъ, признаваемыхъ обществомъ, а вводитъ новыхъ геніевъ; то и оправданіе также раздѣляется на два пункта: въ первомъ доказывается, что Сократъ или во-все не развращалъ юношей, или развращалъ ихъ неумышленно, а потому подлежитъ не уголовному суду, а частному вразумленію (24 В—26 А); во второмъ утверждается, что вѣруя въ геніевъ, рожденныхъ богами, онъ не могъ не вѣровать и въ самыхъ боговъ (26 В. — 28 А.).

Излагая первое доказательство, Сократъ сначала искусно намекаетъ на различіе между законодательною, или теоретическою стороною хорошаго воспитанія дѣтей и практическою. На вопросъ сына Софронискова: кто дѣлаетъ юношей лучшими? Мелитъ указываетъ и на законы, и на судей, и на народъ. Сократъ прямо не опровергаетъ Мелита, но говоритъ, что: счастливо было бы общество, если бы улучшителей находилось въ немъ такъ много, а развращалъ — одинъ я; да не такъ бываетъ. Всѣ мы прекрасно говоримъ о добродѣтели и нравственности; а когда надобно подать примѣръ и научить самымъ дѣломъ; то въ послѣднемъ случаѣ дѣти наши едва ли не больше находятъ поводовъ къ развращенію, чѣмъ къ улучшенію своего сердца. Кто улучшаетъ лошадей, спрашиваетъ Сократъ? всѣ ли, которые понимаютъ, какова должна быть хорошая лошадь? Нѣтъ

*

они чаще портят ихъ. Лошадь становится лучшею подъ управленіемъ одного наѣздника. Такимъ-то наѣздникомъ кичливыхъ мудрецовъ и былъ Аѳинскій нравоучитель, а по тому онъ не развращалъ, но практически улучшалъ юношество. Впрочемъ положимъ, продолжаетъ Сократъ, что я въ самомъ дѣлѣ портилъ его: но могло ли это быть съ намѣреніемъ? Кто согласится воспитывать крокодиловъ и тигровъ, когда знаетъ, что надобно будетъ жить въ ихъ сообществѣ? Нѣкоторые критики, соображая слова Ксенофонта (1) *Τὸς δὲ τοιαύτους λόγους ἐπαίρειν . ἔφη (μαθήγορος), τὸς νέους καταφρονῆν τῆς καθεστῶσας πολιτείας, καὶ ποιεῖν βιαίως*, которыя онъ влагасть въ уста Мелита, и припоминая положеніе Платона въ Политикъ (р. 296. 297), что нѣтъ никакой несправедливости заставить кого-нибудь дѣйствовать вопреки прежнему закону, когда новое дѣйствіе было бы лучше, почитаютъ эгого оборотъ Сократова оправданія чисто софистическою уверткою. Но мнѣ кажется, что приведенныя мѣста должны быть понимаемы не слишкомъ въ строгомъ смыслѣ. Можно найти много доказательствъ, что Сократу и Платону вообще не нравилась демократическая форма правленія—особенно въ томъ видѣ, какъ она развилась и усилилась въ Аѳинахъ послѣ

(1) Mem. Socr. 1. 2. 9.

Аристокла: однакожь ни изъ чего не видно, чтобы въ школахъ этихъ философовъ воспитывалась партія, враждебная кореннымъ законамъ Аѳинской республики. Обращеніе Сократа съ Алкивіадомъ, котораго онъ будто бы надѣялся противопоставить современнымъ демагогамъ, и слова его (Gorg. 481. D) Калликлесу: «я люблю Алкивіада и философію, а ты любишь народъ и сына Перилампова» относятся только къ чувству нравоучителя, скорбѣвшаго при взглядѣ на злоупотребленіе отечественныхъ законовъ подвліяніемъ народной тиранніи. И такъ, оправдываясь извѣстнымъ образомъ, Сократъ могъ оправдываться и не софистически: онъ могъ говорить по внутреннему убѣжденію, что ему гораздо пріятнѣе было бы жить съ такими гражданами, которые отличаются добродѣтелию, хотя формы добродѣтельной жизни ихъ, требуемая Сократомъ, были и несогласны съ нѣкоторыми частными выраженіями тогдашней Аѳинской политики. Онъ чувствовалъ, что хорошее по его мнѣнію, было бы хорошо для всѣхъ; потому что его философія желала обществу всякаго добра, какое только могло быть въ гармоніи съ вѣчною истиною и нравственными цѣлями челоуѣчества.

Подобную софистическую уловку и неосновательность критика находить въ оправданіи Сократа и противъ втораго пункта обвиненія. Говорять, что Мелитъ и Анитъ осуждаютъ

сына Софронискова не въ безбожии, а въ признаваніи отечественныхъ боговъ и въ принятіи новыхъ геніевъ (*ἑτέρα δαιμόνια ναῖν*). Между тѣмъ Сократъ доказываетъ только то, что допуская геніевъ, онъ уже не безбожникъ, ибо геніи суть божества и дѣти боговъ; о согласіи же своей вѣры съ вѣрою народною не говоритъ ничего. При томъ, обвинители слово *δαιμόνιον* разумѣютъ въ значеніи имени существительнаго, которое у Грековъ было уменьшительнымъ и прилагалось къ различнымъ предметамъ языческаго богопочтенія: напротивъ, обвиняемый принимаетъ его за прилагательное, въ смыслѣ *τὸ δαιμόνιον προῦματος*, или *σημεῖον*. Но изъ этихъ основаній опять нисколько не видно, что оправданіе Сократа носитъ характеръ софистическій. Аѳиняне, сколько-нибудь знакомые съ знаменитымъ своимъ нравоучителемъ и его философією, вѣроятно слышали отъ него о чемъ-то геніальномъ, которое въ затруднительныхъ случаяхъ будтобы внушало ему, что надобно дѣлать и чего нѣтъ. Вотъ и Эвтифонъ, узнавъ, что Сократа обвиняютъ въ введеніи новыхъ и отрицаніи древнихъ боговъ, тотчасъ напалъ на причину обвиненія и сказалъ: «понимаю, ты объявляешь что съ тобою всегда твой геній.» (*Plat. Euthyphr. p. 3 B.*) Какимъ же образомъ Греки могли разумѣть Сократово *τὸ δαιμόνιον*? Вѣруя въ бытіе геніевъ и почитая ихъ такими существами, которыя, по волѣ боговъ, блюдутъ

жизнь частныхъ лицъ и управляютъ ихъ дѣйствіями (1), они естественно должны были прійти къ мысли, что это геніальное есть нѣчто предметное, существо высшаго рода, тѣмъ болѣе, что сынъ Софрониска въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣнялъ его словомъ *θεός*, напр: Alcib. 124. C. *θεός*, *ὄσπερ σοί με ἐκ εἶα — διαλεχθήναι*, или у Ксенофонта (IV. 8. 5. §. 8) *ὄρθως δὲ οἱ θεοὶ τότε μοι ἐναντιῆντο*. Но разумѣя *τὸ δαιμόνιον* въ смыслъ существа предметнаго, Аѳиняне однакожь были увѣрены, что внушенія геніевъ никогда не входятъ въ столь ясное сознаніе, въ какомъ онѣ представлялись Сократу, а потому могли думать, что Аѳинскій мудрецъ допускаетъ бытіе какихъ-то особенныхъ божествъ, по крайней мѣрѣ личные враги его рады были и этому поводу для обвиненія нравоучителя предъ судомъ и народомъ. И такъ выраженіе Мелитова доноса, по нашему мнѣнію, надобно понимать слѣдующимъ образомъ: Сократъ вѣруеть не въ такихъ геніевъ и боговъ, въ какихъ вѣруеть общество, а въ другихъ новыхъ (то-есть иначе дѣйствующихъ на человѣка). Если это объясненіе наше справедливо; то очевидно, что софизмъ скрывается не въ оправданіи Сократа, а въ доносѣ Мелита; ибо Мелитъ отъ вѣры въ

(1) *Hesiod. Opp. et dd. v. 120. sqq. Plat. Cratyl. 397. E. de Republ. p. 469. A.*

иной образъ дѣйствованія божества заключаетъ къ вѣрѣ и въ иное божество. По-тому-то обвиняемый и защищается прямо противъ софизма, то-есть доказываетъ, что *τὸ δαιμόνιον* у него есть гениальное, а не гений, и что гениальное однакожь должно происходить во всякомъ случаѣ отъ гениевъ; слѣдовательно вѣруя въ гениальное, онъ вѣруетъ и въ гениевъ; значить вѣра его объективно ни чѣмъ не отличается отъ вѣры отечественной. Но что заставляло Сократа, съ словомъ *δαίμονιον* соединять значеніе имени прилагательнаго, которое, какъ видно, Аѳиняне понимали совершенно иначе, и которое навлекло на него столько бѣдъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы могли бы снова припомнить то, что высказали нѣкогда (сочин. Плат. Ч. I. стр. 24, 25); но не любя новтореній, скажемъ только, что новая идея необходимо требуетъ и новаго слова, хотя оно, на первый разъ, для слуха непривычнаго и ума нефилософскаго иногда кажется и диковатымъ. Сократу нужно было выразить не объективное бытіе гения, или бога, а дѣйствіе его на человѣческую душу, или нѣчто божественное въ человѣкѣ. Это божественное изслѣдовать психологически онъ предоставлялъ другимъ философамъ, и мы видимъ, что у Платона оно лежитъ въ основаніе теоріи идей; самъ же не искалъ его ни въ комъ и не разсматривалъ вообще, а замѣчалъ только въ себѣ и называлъ *τὸ δαιμόνιον*. Впрочемъ изъ частныхъ

признаковъ Сократова генія, разсыянныхъ въ различныхъ разговорахъ Платона, можно составить о немъ и общее понятіе. Подъ словомъ τὸ δαιμόνιον, или δαιμόνιον τι, сынъ Софрониска разумѣлъ, кажется, божественную стихію человѣческой души, небесное сокровище нашего бытія, единственный источникъ всего истиннаго, добраго и прекраснаго въ области наукъ, искусствъ и жизни практической. На такое по крайней мѣрѣ значеніе Сократова генія указываютъ, между прочимъ, нѣкоторыя перифрастическія выраженія Платона, Ксенофонта и Аристотеля. Напримѣръ, ὡς ἤ τι — μαντικόν γέ τι καὶ ἡ ψυχὴ (Plat. Phædr. 242 C.); Ἀλλὰ μὴν καὶ ἀνθρώπων γε ψυχῇ, εἶπερ τι καὶ ἄλλο τῶν ἀνθρώπινων, τῷ θεῷ μετέχει. (Xenoph. mem. Socr. IV. 3. § 14); Σωκράτης δ' ἤγατο πάντα μὲν θεὸς εἶδέναι καὶ σημαίνειν τοῖς ἀνθρώποις περὶ τῶν ἀνθρώπινων πάντων (Xenoph. mem. Socr. I. 1. 19); οἶον, ὅτι τὸ δαιμόνιον ἴδέν ἐστιν, ἀλλ' ἢ θεὸς ἢ θεῶ ἐργον (Arist. Rhetor. II. 25. § 8.); et al. И могъ ли Сократъ эту идею, или лучше сказать, это убѣжденіе сердца выразить иначе, когда чувствовалъ во глубинѣ своего духа нѣчто божественное и въ тоже время ясно сознавалъ, что его божественное не есть Богъ? Правда, въ одномъ мѣстѣ Ксенофоновыхъ записокъ (I. 4 §. 19) τὸ δαιμόνιον замѣнено словомъ τὸ θᾶρον, которое послѣ въ томъ же значеніи употреблялъ и мѣръ 2 ристіанскій; но извѣстно, что Греки, любившіе все осуществлять, вскорѣ и прилагатель-

ное τὸ θάνατον начали принимать въ смыслъ имени существительнаго.

Доказавъ судіямъ свою невинность и несправедливость сдѣланныхъ на него доносовъ, то-есть, объяснивъ, что онъ велъ себя законно, и какъ философъ, и какъ собесѣдникъ Аѳинскаго юношества, Сократъ далѣе разсматриваетъ свою жизнь въ сферѣ болѣе общей, въ кругу обязанностей гражданина (28 В. — 34 В.). Эта часть апологіи изображаетъ намъ Сократа уже не отвѣтчикомъ, а поборникомъ за честь отечества и героемъ правды, который поставляется въ необходимость переступить за черту скромности, свойственной безкорыстію, молчаливости и терпѣнію, и высказать всю важность своего служенія для пользы государственной. Мы видимъ здѣсь сына Софронискова на такой точкѣ стоянія, съ которой великіе люди смотрятъ не на земной свой интересъ, не на ограниченныя условія политическаго своего значенія, а на связь гражданскихъ своихъ обязанностей съ судьбами небесными, на гармонію настоящихъ подвиговъ съ посмертными наградами. Такая точка стоянія опредѣляется: 1 взглядомъ Сократа на смерть, которая, по его убѣжденію, ничего не значить, въ сравненіи съ яснымъ сознаніемъ воли Божіей, и не должна препятствовать намъ исполнять ее, ибо мы еще не знаемъ, что такое смерть,—добро или зло, а въ святости истиннаго и честнаго совершенно

увѣрены; 2) понятіемъ Сократа о значеніи своей дѣятельности въ обществѣ, для котораго она есть благо едва ли замѣнимое; ибо сынъ Софрониска, по волю Божіей, въ республикѣ—тоже, что оводъ на конѣ, чтобы послѣдній не дремалъ и былъ поворотливѣе. Но почему Сократъ, для той же цѣли, не несъ обязанностей общественныхъ, а давалъ наставленія и совѣты въ качествѣ частнаго человѣка? — По тому, отвѣчаетъ онъ, что гражданинъ, рѣшившійся дѣлать угодное Богу, не станетъ потакать людямъ, когда они поступаютъ несправедливо; а не потакая людямъ, онъ погибнетъ на поприщѣ общественной службы, слѣдовательно не принесетъ отечеству никакой пользы. Очевидно, что Аѳинскій нравоучитель мѣтитъ здѣсь на жестокости недавно изгнанныхъ изъ республики олигарховъ и на необузданное своеволие Аѳинскаго народа подъ покровительствомъ демократическихъ формъ правленія.

Въ заключеніе первой рѣчи (34. С. — 32. D.) Сократъ объясняетъ, для чего онъ, оправдываясь предъ судіями, дѣйствуетъ только на ихъ умъ—доказательствами, а не старается тронуть ихъ сердца слезами, изображеніемъ жалкаго состоянія остающагося семейства, воплями жены и дѣтей и другими драматическими средствами. Человѣку, дожившему до такихъ лѣтъ, и снискавшему такое имя, говоритъ онъ, неприлично позволять себѣ подобныя мѣры; да

онъ и никому не должны быть позволяемы, потому что насилуютъ судей и заставляютъ ихъ нарушать законы.

Выслушавъ оправданіе обвиняемаго, члены собранія, по предписанію законовъ, обязаны были подавать мнѣнія, чтобы старшинствомъ ихъ, или освободить подсудимаго, или признать его виновнымъ. Если онъ признаваемъ былъ виновнымъ; то надлежало еще разсмотрѣть, вина его подходитъ ли подъ какое-нибудь наказаніе, опредѣляемое самымъ закономъ, или штрафъ за нее должевъ быть постановленъ мнѣніями судей. Въ первомъ случаѣ она называлась *ἀτίμητος*, во второмъ *τιμητός*. Враги Сократа представляли свою вину въ такомъ видѣ, какъ бы она была *ἀτίμητος* и по тому доносъ ихъ назывался *γραφῆ* и заключался смертнымъ приговоромъ. Но судинъ, выслушавъ апологію сына Софронискова, отнесли его преступленіе, какъ видно, къ роду тѣхъ, для которыхъ еще нѣтъ опредѣленной казни; а въ семъ случаѣ виновному позволялось напередъ присудить самаго себя (*ἀντιτιμῶσαι*) къ такому штрафу, какой по его сознанію, былъ бы сообразенъ съ важностію дѣла. Послѣ того снова подавали мнѣнія, должно ли согласиться на избранное имъ наказаніе, или надобно подвергнуть его тому, которое предположено истцами, либо доносчиками. На основаніи этихъ послѣднихъ остракизовъ, судъ произносилъ уже приговоръ окончательный. По

такому ходу судопроизводства, не только вся апология Сократа, какъ выше сказано, дѣлится на двѣ рѣчи, но и последняя рѣчь подраздѣляется опять на двѣ части, изъ которыхъ въ первой (35. E. — 38. B.) Сократъ назначаетъ себѣ приличное воздаяніе за свою жизнь и дѣятельность, а во второй (38. C. — 41. D.) высказываетъ Афинянамъ предсмертныя свои мысли объ ихъ приговорѣ и чувствованіи въ отношеніи къ своимъ врагамъ и доброжелателямъ.

Первая часть начинается удивленіемъ Сократа, что большинство голосовъ, признавшихъ его виновнымъ, оказалось такъ не велико. Но если Мелитъ и Анитъ еще прежде, подтверждая свои доносы рѣчами, требовали его смерти; то къ чему теперь долженъ присудить себя самъ онъ? Основываясь на важности своихъ заслугъ, объясненныхъ въ прежней рѣчи, сынъ Софрониска могъ бы присудить себя къ содержанію на счетъ общества, или къ почетному столу въ Пританіонѣ (1). Но такъ какъ дѣло

(1) Это мнѣніе, послѣ того, какъ онъ объявленъ былъ виновнымъ, не есть ли шутка, надъ судебнымъ опредѣленіемъ? Нѣтъ, контекстъ Сократовой рѣчи указываетъ, по видимому, на иную цѣль сказанныхъ словъ. Можно догадываться, что во времена Платона Пританіонъ питалъ не столько знаменитыхъ старцевъ, которые всю свою жизнь провели въ непрестанныхъ трудахъ для существенныхъ пользъ отечества, которыхъ доблести были опорами его славы, могущества,

было уже кончено, и виновнаго не награждают; то Сократъ, перебирая различные роды наказанія, наконецъ останавливается на денежной пѣнѣ. Я охотнѣе всего, говорить онъ, заплатилъ бы деньги, потому что такой потери не считаю потерею; да у меня нѣтъ ихъ, кромѣ одной мины серебра (22 р. 75 коп. сер.). Вотъ нѣкоторые изъ моихъ друзей вызываются внести тридцать минъ: возьмите, если угодно.

Во второй части Сократъ сперва обращается къ тѣмъ согражданамъ, которые, не смотря на глубокую его старость, присудили ему умереть, и говорить, что они только подвергли себя нареканію со стороны своихъ недоброжелателей, а обреченный на смерть принимаетъ свой жребій не отъ слабости оправданія, но отъ недостатка дерзости льстить страстямъ народа и позволять себѣ всякія средства къ спасенію. Потомъ сынъ Софрониска предсказываетъ, что должно произойти въ Афинахъ послѣ его смерти. Вы не хотѣли, говорить онъ, на вопросъ

величія и образованности, сколько людей, увѣвшихъ удовлетворять современному вкусу къ удовольствіямъ и зрѣлищамъ. Въ немъ находили себѣ пищу, кажется, преимущественно атлеты, а не труженики, герои общественныхъ игръ, а не слуги государства. Потому-то Сократъ и сравниваетъ себя съ ними. Если то-есть и эта мнимая честь общества получаетъ отъ него содержаніе; то я имѣю большее право на подобное выраженіе признательности.

старика, давать себѣ отчетъ въ своей жизни: такъ придетъ время, что этого отчета потребу- ютъ отъ васъ люди молодые, которыхъ я удержи- вавалъ. Страхъ и смерть суть плохіе способы для обузданія умовъ; одна справедливость и честность можетъ обуздать ихъ. Наконецъ Со- кратъ обращается къ тѣмъ, которые подавали мнѣнія въ его пользу и увѣряетъ ихъ, что смерть для него—не зло а добро. Поймете ли вы ее, какъ уничтоженіе, говоритъ онъ?—такъ это будетъ самый спокойный сонъ. Покажется ли она вамъ переходомъ въ другую жизнь? — такъ лучше этого и представить ничего не- лзя. По сему и вы не бойтесь смерти, помня, «что для человѣка добраго нѣтъ зла ни въ жизни, ни за гробомъ, и что о его обстоятель- ствахъ не нерадятъ боги.»

Въ заключеніе Сократъ проситъ враговъ своихъ точно такъ же мучить дѣтей его, какъ онъ мучилъ ихъ самихъ; то-есть, когда дѣти его станутъ думать, будто что-нибудь знаютъ, то пусть Аѣиняне постараются обличать ихъ въ незнаніи. X + + +

Изложивъ содержаніе и ходъ Сократовой апологіи, мы еще не разрѣшили всѣхъ недоу- мвннй критики касательно разсматриваемаго сочиненія. Ученые имѣютъ нѣкоторыя причи- ны сомнѣваться, Платономъ ли написана эта апологія: да пусть, говорятъ, и Платономъ; все еще не извѣстно, почитать ли ее спискомъ съ

апологиі, произнесенной самимъ Сократомъ, или она есть свободное произведеніе ума Платонова?

Вникая въ духъ и внутренній характеръ разсматриваемаго сочиненія, нельзя не замѣтить, что въ немъ Сократъ не походитъ на того Сократа, который бесѣдуетъ съ Аѳинскимъ юношествомъ и софистами въ разговорахъ Платона. Здѣсь нѣтъ ни обыкновенной его ироніи, ни скромнаго мнѣнія о самомъ себѣ; напротивъ здѣсь всякій видитъ сына Софронискова старцемъ серьезнымъ, строгимъ, прямымъ и какъ будто стоящимъ выше условій общества. Онъ смѣло опирается на авторитетъ Аполлона, съ самоувѣренностію опредѣляетъ важность своего служенія отечеству, неустрашимо говоритъ о невѣжествѣ тогдашнихъ мудрецовъ и откровенно высказываетъ непризнательность къ себѣ гражданъ за все, что было дѣлано имъ въ пользу республики. Такой тонъ Сократовой рѣчи конечно можетъ приводить къ сомнѣнію въ подлинности апологиі, приписываемой Платону. Но должно взять въ ращегъ все обстоятельство, въ которыхъ Аѳинскій нравоучитель защищалъ свое дѣло. Во-первыхъ, онъ никогда до сего времени не объяснялся, какъ говорить, официально, слѣдовательно и не имѣлъ надобности перемѣнять характеръ своихъ бесѣдъ; а теперь ему надлежало повѣрять свои дѣйствія гражданскими законами и оправдываться формально, какъ обвиняемому въ уголовномъ пре-

фрагмент:
268 стр. 19.
ст. 973
Д. Станиславский

ступленіи; теперь было не только не до ироніи, которая въ подобныхъ случаяхъ не принимается и отъ шутовъ, но и не до скромнаго мнѣнія о самомъ себѣ, потому что оно ввело бы въ обманъ судей и безпристрастныхъ, заставляя ихъ наказывать человека, можетъ быть стоющаго награды. Во-вторыхъ, судейская каедрa для Сократа въ самомъ дѣлѣ должна была быть мѣстомъ разоблаченія его предъ свѣтомъ; потому что служила ему переходомъ изъ настоящей жизни въ будущую. Сограждане, да и самые друзья сына Софронискова, сколько видно изъ мыслей ихъ въ Критонѣ и Федонѣ, не совсѣмъ вѣрно понимали важность и цѣль его дѣятельности. По сему въ апології онъ какъ бы разрываетъ загадку о самомъ себѣ и показываетъ слушателямъ, что значили философскія его усилія и каковы предсмертныя его надежды. Послѣ сего неудивительно, что когда Лизіасъ, знаменитый Аѣинскій ораторъ, за нѣсколько дней до того времени, въ которое Сократу надлежало защищать себя въ судѣ, принесъ ему собственную рѣчь и совѣтовалъ воспользоваться ею; то Сократъ прочиталъ ее и призналъ для себя унизительною (1). То-есть

(1) *Cicer. de Orat.* 1. 54. *Quintil.^o inst. Orat.* II. 15, 30. nam et Socrates inhonestam sibi credidit orationem, quam ei Lysias reo composuerat. Сравни. *Diog. L.* II. 40. *Menag.* p. 95.

онъ собирався не ораторствовать, не ослѣплять и не умолять судей, а объяснить, что такое была его дѣятельность въ нѣдрѣ гражданскаго общества. Неудивительно также и свидѣтельство Ксенофонта (2), что многіе, писавшіе объ оправданіи Сократа, единодушно трафили на его велервчивость: такого именно слова и надлежало ожидать отъ мудраго семидесятилѣтняго старца, говорившаго народу едва не изъ за-предѣловъ настоящей жизни. И такъ приведенныя основанія подложности разсматриваемаго сочиненія кажутся мнѣ весьма недостаточными.

Нельзя равнымъ образомъ предполагать, что апологію Сократа Платонъ, по своему обыкновенію, долженъ былъ изложить непременно въ формѣ разговорной. Мы видимъ, что непрерывное слово нерѣдко находило себѣ мѣсто и въ другихъ его твореніяхъ. Напримѣръ, въ Федръ вводится какъ будто рѣчь Лизіаса, а потомъ другую такую же произноситъ Сократъ; въ Менексенъ сынъ Софрониска говоритъ на-

(2) *Xenoph. apol. §. 1. γεγραφασι μὲν περὶ τούτου καὶ ἄλλοι, καὶ πάντες ἔτυχον τῆς μεγαληγορίας αὐτῆ.* Древніе упоминаютъ о многихъ апологіяхъ Сократа. Кромѣ дошедшихъ до насъ, Ксенофонтской, Платоновой и Ливаніевой (declamat. 29. p. 635), *Аристотель* упоминаетъ объ апологіи, написанной *Теодектесомъ* (Rhetor. II 23. §. 8), *Сиди*—объ апологіяхъ *Критона*, *Димитрія Фалерейскаго* и *Зенона Сидонскаго*, *Цицеронъ* объ апологіи *Лизіаса*, и проч.

негирикъ умершимъ за отечество воинамъ. Конечно, тамъ ораторская и разговорная формы часто смѣняются: но и здѣсь легко замѣтить стремленіе Сократа обращаться къ любимому своему діалогизму. Посмотрите, какъ ему хочется заставить Мелита бесѣдовать съ собою и какъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, онъ воображаетъ себя собесѣдниковъ, не имѣя ихъ предъ глазами. Притомъ надобно замѣтить, что апологія есть сочиненіе не только философское, но и принаровленное къ случаю; слѣдовательно случаемъ должна была, хотя отчасти, опредѣляться и его форма.

Асть утверждаетъ еще, что Платонъ и все не могъ писать апологію, не противорѣча самому себѣ въ Горгіасѣ (р. 521. sqq.), гдѣ онъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: оправданіе для виновнаго вредно, ибо заставляетъ думать, что недаромъ же стараются оправдывать его; а для невиннаго излишне, потому что невинный оправдывается самою истиною. Но почтенный критикъ не замѣтилъ, какимъ образомъ эта же мысль поддерживается и объясняется въ апологіи. Сократъ говоритъ (р. 35. В. С.): «мнѣ кажется несправедливо — какъ просить судію, такъ чрезъ просьбу избѣгать приговора: для сего требуются объясненія и доказательства. Вѣдь судія сидитъ не для того, чтобы дарить правду, а для того, чтобы изслѣдывать ее; онъ и клялся не дарить ее, кому вздумается, но су-

*

дять по законамъ. И такъ надобно, чтобы ни мы не приучали васъ нарушать клятву, ни вы не привыкли нарушать ее.» Явно, что этими словами доказывается также несовмѣстность апологій съ истинною, — но какихъ апологій? — такихъ, которыя имѣють въ виду умилистити судей и заставить ихъ забыть о точномъ предписаніи закона, а не такихъ, какова апологія Сократа.

Впрочемъ наводитъ сомнѣніе на подлинность разсматриваемаго сочиненія и вообще не возможно, — не только по тому, что оно защищается знаменитыми филологами новѣйшихъ временъ, напримѣръ Тиршемъ (1), Кёнигомъ (2), Зохеромъ (3), Шлейермахеромъ (4), Штальбомомъ (5) и другими, которые ни въ содержаніи, ни въ языкѣ его не находятъ ничего чуждаго лицу Сократа и господствующему характеру Платоновыхъ твореній, но и по тому, что за нее стоитъ почти вся ученая древность (6); ибо многія мѣста сей апологіи приводятся Цицеро-

(1) *Annal. Liter. Vindobon.* 1818. part. III.

(2) *In scriptione scholastica* 1822. Misenæ edita.

(3) *De vita et scriptis Platonis* p. 69. sqq.

(4) *Platons Wevke* T. I. P. II. p. 181. sqq.

(5) *Præfat. ad apol. Socr.* p. 4. 5.

(6) Надобно исключить Кассія Севера (*in Senec. excerptt. controv.* III. p. 397.), который сказалъ: *eloquentissimi viri Platonis oratio, quæ pro Socrate scripta est, nec patrono nec reo digna est.*

номъ, Діонисіемъ Галикарнаскимъ, Плутархомъ, Аристидомъ, Атенеємъ, Стобеемъ и проч. (1) и постоянно приписываются ими Платону; да и Аристотель въ своемъ Rhetor. III. 18. указываетъ очевидно на это самое сочиненіе. Сравни. р. 27. В. С.

Но когда Платонъ написалъ апологію Сократа: прежде ли того времени, въ которое учитель его защищалъ себя противъ доносовъ Мелита и Анита, или послѣ? Припомнивъ свидѣтельство Діогена Лаерція, что Платону хотѣлось публично доказать невинность сына Софронискова, но что судіи запретили ему, (см. соч. Плат. Ч. I. стр. 6), можно прійти къ вопросу: не это ли самое сочиненіе предполагалъ онъ произнести съ судейской кафедры? — Не имѣя достаточной причины подвергать сомнѣнію вѣрность Діогенова показанія, мы однакожь отнюдь не думаемъ, что преданная Платономъ защитительная рѣчь была нечто иное, какъ дошедшая до насъ подъ его именемъ апологія Сократа; ибо въ послѣдней изображается самый ходъ судопроизводства и указывается на окончательный приговоръ судей, по которому обвиненный долженъ былъ умереть; а этого не могъ предварительно знать не только Платонъ, но и Сократъ. И такъ разсматриваемое сочиненіе написано, или по

(1) Всѣ такія мѣста указываются Фишеромъ (ad Apol. Socr. р. 66).

заключенія Сократа въ темницу, или вскорѣ послѣ его смерти. Но допустивъ, что Платонъ написалъ свою апологію по окончаніи судо-производства надъ Сократомъ, странно было бы почитать ее свободнымъ произведеніемъ ума Платонова; ибо для какой дѣли ораторъ сталъ бы измышлять собственныя свои доказательства и навязывать ихъ Сократу, если послѣдній оправдывалъ себя совсѣмъ иначе, и если въ памяти Аѳинянъ еще живо сохранялись всѣ мысли защитительной его рѣчи? Апологія, какъ свободное произведеніе Платона послѣ смерти его учителя, не послужила ли бы скорѣе въ укоръ самому учителю, что онъ не умѣлъ выиграть свое дѣло? По сему мы думаемъ, что это сочиненіе принадлежитъ Платону, какъ мимику, или и того болѣе, какъ писателю, близко и вѣрно изложившему ту самую рѣчь, которою дѣйствительно оправдывалъ себя Сократъ, и которую ученикъ его пожелалъ сберечь для потомства, какъ неоспоримый документъ Сократовой невинности и ясную улику Аѳинянъ въ несправедливомъ рѣшеніи Сократова дѣла. Этого же мнѣнія держится и Шлейермахеръ.

Лица разговаривающія:

СОКРАТЪ И МЕЛИТЪ.

Не знаю, Афиняне, какое впечатлѣніе сдѣ- 17.
лали на васъ мои обвинители; а я и самъ отъ
нихъ едва не забылся: такъ убѣдительно были
рвчи ихъ! — хотя правды-то въ этихъ рвчахъ,
какъ говорится, ни на волосъ. Но изъ многихъ,
внесенныхъ моими обвинителями навѣтовъ,
особенно изумилъ меня тотъ, что они совѣто-
вали вамъ остерегаться, какъ бы не обмануло
васъ сильное будто бы мое краснорѣчіе; ибо не в.
краснѣя говорить такую ложь, въ которой я
тогчасъ же могу обличить ихъ предъ вами, до-
казавъ самымъ дѣломъ, что у меня нисколько
нѣтъ краснорѣчія, по моему мнѣнію, есть вели-
чайшее безстыдство. Развѣ подъ именемъ чело-
вѣка краснорѣчиваго имъ представляется тотъ,
кто говоритъ истину? Если это мысль ихъ; то
я конечно могъ бы назвать себя риторомъ, — и
не такимъ какъ они: потому что они, какъ ска-

зано, вовсе не говорили правды (1); а отъ меня вы услышите настоящую истину. Но вы не услышите, Аѳиняне, клянусь Зевсомъ, рѣчи разцвѣченной и разукрашенной сентенціями и именами (2), каковы рѣчи моихъ обвинителей: я стану объясняться вдругъ, первыми представляющимися мнѣ словами, ибо увѣренъ, что стану говорить справедливо; иного ничего не ожидайте отъ меня. Да и не прилично вѣдь было бы мнѣ, граждане, представъ предъ васъ въ такихъ лѣтахъ, наряжать свою рѣчь съ заботливостію юноши (3). Напротивъ (4), я прошу и молю (5) васъ, Аѳиняне, о томъ, чтобы вы не удивлялись и не изъявляли негодованія, если буду защищать себя такимъ же языкомъ, какимъ въ слухъ многихъ изъ васъ говаривалъ на площади — при столахъ мѣновщиковъ (6) и въ другихъ мѣстахъ. Дѣло таково, что имѣя болѣе семидесяти лѣтъ отъ роду (7), я нынѣ въ первый разъ явился въ судъ, и по тому вовсе не знакомъ съ здѣшнимъ нарѣчіемъ. Слѣдовательно, какъ тогда, когда я былъ бы въ самомъ дѣлѣ чужеземецъ, вы позволили бы мнѣ говорить на томъ нарѣчій и тѣми оборотами, которые сродны съ моимъ воспитаніемъ: такъ и теперь, кажется, я имѣю право просить васъ, чтобы вы предоставили мнѣ мой образъ выраженій—худъ ли онъ будетъ, или хорошъ,—чтобы вы смотрѣли и обращали свое вниманіе только на то, правду ли я говорю, или нѣтъ;

ибо добродѣтель суди — видѣть, а риторы — говорить истину!

Но защищая себя, Аѳиняне, я считаю справедливымъ говорить сперва противъ прежнихъ, ложно сдѣланныхъ на меня доносовъ, и прежнихъ доносителей, а потомъ противъ послѣднихъ; потому что многіе и уже давно за нѣсколько лѣтъ обвиняли меня предъ вами, но никто не говорилъ правды. Прежнихъ обвинителей я боюсь болѣе, чѣмъ Анита съ его сообщниками (8). Страшны, конечно и эти, — но тѣ страшнѣе (9); ибо многихъ изъ васъ они предубѣдили еще во время вашего дѣтства и обвиняли меня вовсе несправедливо: есть-де нѣкто Сократъ, *человѣкъ мудрый, который умствуетъ о небесномъ, испытываетъ все подземное и причины низшія превращаетъ въ высшія* (10). Распространители такой молвы суть дѣйствительно страшные мои обвинители; ибо слушающіе ихъ думаютъ, что изслѣдователи подобныхъ вещей и въ боговъ не вѣрятъ. При томъ этихъ обвинителей было много, и они обвиняли меня съ давняго времени: они говорили вамъ еще въ такомъ возрастѣ вашей жизни, въ которомъ вы, бывъ мальчиками, а нѣкоторые — и младенцами, могли бы легче вѣрить; они навѣтовали вовсе заочно (11), — оправдываться было некому. И что всего страннѣе: я даже не могу знать и сказать имена ихъ, кромѣ имени одного комика. Всѣ тѣ, которые воору-

жалюсь противъ меня злобою и клеветою, и тѣ, которые, бывъ убѣждены ими, передавали свое убѣжденіе другимъ, — всѣ они для меня недоступны. Я не въ состояніи ни вызвать ихъ сюда, ни обличить, но защищая себя, принужденъ сражаться будто съ тѣнями и обличать, не имѣя предъ глазами ни одного отвѣтчика. И такъ извольте знать и вы, что мои обвинители были двоякаго рода: одни не давно обвиняли меня, а другіе, о которыхъ говорю, давно.

Е. — и согласитесь, что я долженъ защищаться сперва противъ тѣхъ; потому что вы сами слушали ихъ обвиненія прежде и многократнѣе, чѣмъ послѣднихъ.

И такъ, надобно защищаться, Аѳиняне, и рѣшиться въ столь короткое время изгладить въ умахъ вашихъ ту клевету (12), которую вы уже такъ долго носите. Хотѣлось бы успѣть въ этомъ, если мое оправданіе можетъ послужить въ пользу вамъ и мнѣ и принести нѣчто болѣе: но это, думаю, трудно, — даже представляется невозможнымъ. Впрочемъ пусть будетъ такъ, какъ угодно Богу: мое дѣло — повиноваться закону и оправдываться.

3 И такъ возьмемъ сначала: въ чемъ состоитъ то обвиненіе, на которомъ основана направленная противъ меня клевета, и на которое опираясь, Мелитъ сдѣлалъ на меня такой доносъ (13)? Посмотримъ, что-то говорятъ мои обвинители. Надобно прочитать ихъ извѣтъ, какъ

форму, скрѣпленную присягой: Сократъ дѣйствуетъ преступно и хочетъ много знать: онъ изслѣдываетъ подземное и поднебесное, причины низшія превращаетъ въ высшія и тому же учитъ другихъ. Вотъ обвиненіе! Это С. видѣли вы и сами въ комедіи Аристофановой (14), въ которой какой-то Сократъ, качаясь въ висячей корзинѣ, выдавалъ себя за воздухоплателя и наставлялъ много другихъ неглупостей, какихъ у меня и въ головѣ не было (15). Впрочемъ я говорю это не съ тѣмъ, чтобы унижать столь важное искусство (16), если кто-нибудь знаетъ его.—Какъ бы Мелитъ не вмѣнилъ мнѣ въ вину этихъ словъ моихъ. Я только утверждаю, Аѳиняне, что ничему подобному не причастенъ: свидѣтельствуюсь многими изъ васъ. Желательно, чтобы тѣ, которые когда-нибудь слышали мои разговоры—а между вами такихъ не мало—пораспросили другъ друга и сказали. Пораспроситесь же, слыхалъ ли отъ меня кто изъ васъ хоть что-нибудь о такихъ предметахъ. Изъ сего вы узнаете достовѣрность и другихъ обвиненій, которымъ многіе подвергаютъ меня. Но и этого не было, и слѣдующее несправедливо, если то-есть вы слышали отъ кого, будто я берусь учить людей и требую платы (17). Впрочемъ и то-таки сказать:—дѣло прекрасное, когда бы кто могъ преподавать уроки людямъ, какъ Горгіасъ Леонтинскій, Продикъ Хиоскій и Иппіасъ Элейскій (18). Каждый изъ нихъ,

граждане, въ состояніи идти изъ города въ городъ и убѣждать юношей, которымъ ничто не мѣшаетъ безмездно пользоваться наставленіями любаго изъ своихъ согражданъ,—убѣждать, что-

90. бы они, оставивъ эти наставленія, обратились къ нимъ и заплатили деньги, да еще съ придачею благодарности. Есть здѣсь и другой мудрецъ изъ Пароса, поселившійся, какъ мнѣ извѣстно, въ Аѣинахъ. Случайно встрѣтившись съ Калліасомъ, сыномъ Иппоника, который одинъ раздалъ денегъ софистамъ болѣе, чѣмъ всѣ прочіе, я спросилъ его — а у него два сына:— Калліасъ! если бы твои дѣти родились жерсбятами, или телятами; то мы могли бы найти и панять для нихъ наставника, который былъ бы въ состояніи доставить имъ прилич-

В. нья совершенства, будучи самъ или изъ конюховъ, или изъ земледѣльцовъ. Но вотъ они люди: какого же наставника думаешь взять для нихъ? Кто знатокъ такой добродѣтели, то-есть челоуѣческой и политической? Имѣя дѣтей, ты вѣроятно размыслилъ объ этомъ. Есть у тебя кто, или нѣтъ, спросилъ я? — Конечно есть, отвѣчалъ онъ. — Кто же онъ? откуда? и за сколько учить?—Это Эвенъ, изъ Пароса, учить

С. за пять минъ. — Тогда я ублажилъ Эвена, если онъ въ самомъ дѣлѣ обладаетъ такою наукою и преподаетъ ее за столь умѣренную плату (19). Я и самъ занимался бы и гордился собою, если бы зналъ это; да у меня нѣтъ всего знанія, Аѣиняне.

Но можетъ быть кто изъ васъ спросить: Сократъ! въ чемъ же состоитъ твое занятіе? откуда на тебя эти клеветы? Вѣдь если бы ты не дѣлалъ ничего особеннаго предъ прочими, о тебѣ вѣроятно не было бы такихъ рвчей и толковъ; — да, если бы не дѣлалъ иного, чѣмъ многіе. Скажи же, что это такое, чтобы намъ не заключить о тебѣ опрометчиво. Кто спросилъ бы такъ, тотъ спросилъ бы кстати, — и я постараюсь показать вамъ, что сдѣлало мнѣ имя и навлекло на меня клевету. Слушайте. Можетъ быть инымъ изъ васъ слова мои покажутся шуткою: но знайте, что они будутъ настоящая истина. Я приобрѣлъ это имя, Афиняне, не чѣмъ другимъ, какъ нѣкоторою мудростію, а какою мудростію? — вѣроятно человѣческой; ибо я, должно быть, въ самомъ дѣлѣ мудрецъ — по человѣчески; а тѣ, о которыхъ сей-часъ говорилъ, скорѣе мудрецы въ какой-нибудь мудрости выше-человѣческой; иначе, не знаю, что и сказать о ней; потому что не разумѣю ея, и кто приписываетъ ее мнѣ, тотъ лжетъ и говорить съ цѣлію оклеветать меня. Но не шумите, прошу васъ, Афиняне, и не думайте, будто я объявляю вамъ что-нибудь удивительное. То, что скажу, будетъ не мое слово; нѣтъ, сошлюсь на лице, пользующееся вашою довѣренностію; представляю вамъ свидѣлемъ своей мудрости, если какая есть у меня, Дельфійскаго бога. Вы вѣдь знаете Хересона (31): опъ

21. БЫЛЪ СЪ ДѢТСТВА МОИМЪ ДРУГОМЪ И ДРУГОМЪ МНОГИХЪ ИЗЪ ВАСЪ; ОНЪ ВМѢСТѢ СЪ ВАМИ НАХОДИЛСЯ ВЪ ПОСЛѢДНЕМЪ БѢГСТВѢ ИЗЪ ОТЕЧЕСТВА, И СЪ ВАМИ ЖЕ ВОЗВРАТИЛСЯ ВЪ НЕГО (21). Вы знаете также, каковъ былъ Херэфонъ, кавая горячность обнаруживалась въ его стремленіяхъ къ чему бы-то ни было. Вотъ онъ, пришедши нѣкогда въ Дельфы, осмѣлился требовать мнѣнія оракула и — но не шумите, граждане, слыша слова мои, — да, и спросилъ: есть ли кто-нибудь мудрѣе меня? Пнѣія отвѣчала, что нѣтъ никого (22). Херэфонъ уже умеръ; но вмѣсто его, засвидѣтельствуетъ вамъ это братъ его (23). **Смо-**
- 6
в. трите же, къ чему клонится рѣчь моя: я хочу показать вамъ, откуда пала на меня клевета. Услышавъ о такомъ отвѣтѣ, я рассуждалъ слѣдующимъ образомъ: чтожь бы это говорить богъ? какая мысль его? я вѣдь нисколько не сознаю себя мудрецомъ. Что же разумѣлъ онъ, называя меня мудрѣйшимъ? Однако Богъ не лжетъ же; потому что это ему не свойственно. И долго недоумѣвалъ я касательно сихъ словъ; но потомъ кос-какъ попалъ на слѣдующій способъ изслѣдованія ихъ: я пошелъ къ одному изъ тѣхъ, которые слывутъ мудрецами, съ на-
- с. мѣреніемъ, если гдѣ, то здѣсь обличить оракула и его изреченіе, что вотъ онъ мудрѣе, чѣмъ я, а ты называлъ меня мудрѣйшимъ. Но разсматривая этого челоуѣка (нѣтъ нужды, Аенниане, называть его по имени; довольно, что тотъ,

съ кѣмъ мнѣ случилось встрѣтиться для сей
цѣли, былъ одинъ изъ политиковъ) и разгова-
ривая съ нимъ, я замѣтилъ, что онъ многимъ
другимъ, особенно же себѣ кажется мудрецомъ,
а на дѣлѣ не мудрецъ. Потомъ я пытался до-
казать, что онъ почитается мудрецомъ, а въ
самой вещи не мудрецъ, и чрезъ то сдѣлался D.
ненавистнымъ какъ ему, такъ и многимъ при-
сутствовавшимъ. Возвращаясь отъ него, я раз-
суждалъ самъ съ собою, что у меня дѣйстви-
тельно болѣе мудрости, нежели у этого челове-
ка: ибо хотя оба мы не знаемъ ничего хоро-
шаго и добраго; но онъ, не зная, почитаетъ
себя знающимъ, а я, когда ужъ не знаю, то и
не приписываю себѣ знанія. Этимъ-то не мно-
гимъ я и мудрею его, что чего не знаю, о томъ
и не думаю, какъ объ извѣстномъ. Отъ него
пошелъ я къ другому, которому усвояютъ еще
большую мудрость, чѣмъ первому: но все ока-
зывается одно и то же. Такимъ образомъ я попалъ E.
въ ненависть и у этого, и у многихъ иныхъ.
Послѣ сего-то уже, чувствуя, скорбя и боясь,
что навлекъ на себя ненависть, и однакожь пр-
читая необходимымъ дѣлю божіе ставить выше
всего, я пошелъ по порядку. Чтобы изслѣдо-
вать смыслъ изреченія, надобно идти ко всѣмъ,
которые приписываютъ себѣ какое-нибудь зна-
ніе, и — клянусь собакою (24., Аѳиняне, — предъ
вами должно вѣдь говорить правду, — что имен- 22.
но такъ было со мною: одни, преимущественно

пользовавшіеся славою, оказывались почти самыми бѣдными, когда я спрашивалъ ихъ о дѣлѣ божіемъ; другіе, по видимому презрѣнные, являлись людьми для размышленія здраваго способнѣйшими. Но должно изобразить вамъ все свое скитаніе, какъ будто какой подъятый мною трудъ, чтобы при всемъ томъ оракулъ оказался неопровержимымъ. Да, отъ политиковъ я ходилъ къ поэтамъ, и трагическимъ, и ди-
 В. оирамвическимъ, и другимъ,—съ тою мыслію, что здѣсь-то уже явно останусь невѣжественнѣе, чѣмъ они: бралъ въ руки ихъ стихотворенія, которыя, по видимому, особенно обработаны ими; спрашивалъ, что они говорятъ, желая вмѣстѣ научиться у нихъ чему-нибудь. Но — стыдно, граждане, объявить вамъ правду, а па-
 добно. Могу сказать, что почти все, присутствовавшіе при нашихъ разговорахъ, лучше бы рассу-
 судили о содержаніи сочиненій, написанныхъ тѣми самыми сочинителями. И такъ я вскорѣ узналъ, что и поэты пишутъ, что пишутъ, по
 С. внушенію не мудрости, а какого-то естественнаго дара, приходя въ энтузіазмъ, какъ прорицатели и предсказыватели. Последніе, хотя говорятъ много хорошаго, однако не знаютъ того, что говорятъ: въ такомъ же состояніи находят-
 ся и поэты. При томъ я замѣчалъ, что, обладая даромъ поэзіи, они почитаютъ себя людьми мудрѣйшими и во всемъ другомъ; а этого у нихъ не было; по сему удалился отъ нихъ,

находя въ себѣ такое же преимущество предъ ними, какое и предъ политиками. ~~Наконецъ~~ я пошелъ къ художникамъ — съ тою увѣренностію, что у меня, просто сказать, нѣтъ никакого зпанія, а у нихъ, какъ мнѣ извѣстно было, найду много хорошихъ. Въ этомъ и не обманулся: они дѣйствительно знали то, чего я не зналъ, и въ семъ отношеніи были мудре мене. Но и въ отличныхъ мастерахъ, Аѳиняне, оказалась та же погрѣшность, какая въ поэтахъ: каждый изъ нихъ, ради того, что онъ хорошо владѣеть своимъ искусствомъ, почиталъ себя челоукомъ мудрейшимъ и въ другихъ дѣлахъ самой великой важности; а ~~такимъ~~ глупостію помрачалась ихъ мудрость. По сему я спросилъ себя имецемъ оракула, что мнѣ избрать: D. оставаться ли такимъ, каковъ теперь, не желая быть ни мудрымъ, ихъ мудростію, ни невѣждою ихъ невѣжествомъ, или пріобрѣсть ту и другую принадлежность ихъ? — и отвѣчалъ самому себѣ и оракулу, что для меня полезнѣе E. оставаться такимъ, каковъ я теперь. Издѣтихъ-то изслѣдованій, Аѳиняне, проистекла ненависть противъ меня, — ненависть жестокая и 9 сильная, бывшая причиною многихъ навѣтовъ и того, что мнѣ даютъ имя мудреца; ибо присутствующіе всякій разъ думаютъ, что въ чемъ я обличаю другихъ, въ томъ мудрецъ самъ. А на дѣль, должно быть, Аѳиняне, мудръ-то Богъ (35), и его изреченіемъ выражается, что 23

- мудрость человеческая мало важна, даже ничтожна (26). Да это кажется не о Сократѣ и говорится; мое имя имѣеть въ немъ, по видимому, значеніе примѣра, какъ бы сказано было между
- В. вами, люди, тотъ мудреѣ всѣхъ, кто, подобно Сократу, сознается, что онъ дѣйствительно ничего не стоитъ въ отношеніи къ мудрости. Такимъ образомъ, и нынѣ еще бродя, я ищу и испытываю дѣло Божіе, не почту ли мудрецовъ кого-нибудь изъ Аѳинянъ, либо иностранцевъ, и если не найдется, не докажу ли, въ помощь Богу (27), что мудреца нѣтъ на свѣтѣ. Занимаясь этимъ дѣломъ, я не имѣлъ досуга для исполненія значительныхъ обязанностей и въ обществѣ и въ домѣ, но ради служенія Богу, терплю величайшую бѣдность (28). Сверхъ того юноши, принадлежащія къ богатѣйшимъ семействамъ, и слушающія меня, когда у нихъ есть свободное время, охотно наблюдаютъ, какъ я испытываю людей, и часто сами, подражая мнѣ, рѣшаются испытывать другихъ. Въ этомъ дѣлѣ они, думаю, встрѣчаютъ столь же много такихъ, которые, приписывая себѣ нѣкоторое знаніе, мало или даже ничего не знаютъ; отъ того испытываемые ими сердятся — не на нихъ, а на меня и говорятъ: Сократъ — человекъ какой-то безпокойный и развратитель юношества. Если же кто спрашиваетъ ихъ: что онъ дѣлаетъ и чему учитъ; то они не въ состояніи отвѣчать, ибо не знаютъ. А чтобы не обнаружить своего
- 10 С.
- D.

взнанія, повторяютъ то, что обыкновенно толкуется противъ всѣхъ философовъ: онъ изскадываетъ предметы небесныя и подземныя, не признаетъ боговъ и причины низшія превращаетъ въ высшія. Сказать правду—имъ, думаю, не хочется; тогда открылось бы, что они приписываютъ себѣ знаніе, ничего не зная. Поелику же такіе люди, какъ видно, честолюбивы, горячи и многочисленны, поелику они В. говорятъ о мнѣ дружно и убедительно; то своими клеветами давно и сильно накричали вамъ уши. Изъ ихъ-то числа явились съ довосами на меня — и Мелитъ, и Анитъ, и Ликоиъ,—Мелитъ раздосадованный за поэтовъ (29), Анитъ— за художниковъ и политиковъ (30), а Ликоиъ— за риторовъ (31). По сему удивительно было бы, 24. какъ сказано вначалъ, если бы я успѣлъ въ столь короткое время изгладать въ васъ эту клевету, проявившуюся во многихъ видахъ. Вотъ вамъ истина, Афиняне! Я говорю ее, насколько не скрывая и не поддѣлывая, хотя почти знаю, что она навлекаетъ на меня ненависть. Но здѣсь — то и признаю, что слова мои справедливы, что въ этомъ именно состоитъ клевета на меня и что эти именно ея причины. Будете разсматривать мое дѣло теперь или послѣ,—откроется одно и тоже.

И такъ въ томъ, въ чемъ обвиняли меня первые мои обвинители, да будетъ достаточнымъ для васъ высказанное мною оправда-

ніе. Теперь постараюсь защитить себя противъ добраго или, какъ онъ говоритъ, любящаго Аѳинны (32) Мелита, и противъ другихъ, слѣдовавшихъ за нимъ доносчиковъ. Такъ какъ эти обвинители иного рода; то возьмемъ равнымъ образомъ формулу ихъ извѣта. Она почти такова: *Сократъ поступаетъ незаконно; ибо развращаетъ юношей и не признаетъ боговъ, признаваемыхъ обществомъ, а вводитъ новыхъ геніевъ.* Вотъ въ чемъ состоитъ обвиненіе! Разсмотримъ каждый пунктъ его.

Во-первыхъ сказано, что я поступаю незаконно, развращая юношей: но по моему, Аѳиняне, — такъ незаконно поступаетъ Мелитъ, по тому что шутитъ серьезными вещами и легкомысленно призываетъ людей въ судъ, показывая видъ, будто ревнуетъ и беспокоится о такихъ дѣлахъ, изъ которыхъ ни объ одномъ никогда не заботился. А что это справедливо, постараюсь доказать вамъ.

D. *Сокр.* Пожалуй-ка сюда, Мелитъ, и скажи мнѣ: не выне ли всего по твоему мнѣнію то, чтобы юноши были самыми лучшими?

Мел. Конечно.

Сокр. Изволь же теперь объявить находящимся здѣсь, кто дѣлаетъ юношей лучшими. Ты очевидно знаешь это; вѣдь не даромъ заботишься. Во мнѣ, говоришь, ты открылъ развратителя; а потому призвалъ сюда и обвиняешь: изволь-ка теперь назвать и указать

имъ челоуѣка, дѣлающаго юношей лучшими. Видишь ли, Мелить? пришлось молчать, нѣтъ отвѣта! А не стыдно ли тебѣ и не недостаточно ли этимъ подтверждаются слова мои, что у тебя подобной заботы не бывало? Скажи же, добрый челоуѣкъ, кто дѣлаетъ ихъ превосходнѣйшими.

Мел. Законы.

Сокр. Но не о томъ вопросъ, почтеннѣйшій: кто первый знаетъ самыя-то законы?

Мел. Эти суди, Сократъ.

Сокр. Что ты говоришь, Мелить? эти суди могутъ учить юношей и дѣлать ихъ лучшими?

Мел. Безъ сомнѣнiя.

Сокр. Всѣ? или одни могутъ, а другiе нѣтъ?

Мел. Всѣ.

Сокр. Прекрасно сказано, клинусь Ирою. Да и какъ много людей обязательныхъ! Ну, а эти слушатели—что?—дѣлаютъ ихъ лучшими или нѣтъ?

Мел. И эти дѣлаютъ.

25.

Сокр. А совѣтники (34)?

Мел. И совѣтники.

Сокр. Но ужь не развращаютъ ли юношей въ собранiяхъ посѣтители собранiй? Или и они дѣлаютъ ихъ лучшими?

Мел. И они.

Сокр. Такъ видно всѣ Аѳиняне, кромѣ меня, дѣлають юношей хорошими и добрыми; видно одинъ я развращаю ихъ. Ты утверждаешь это?

Мел. И весьма рѣшительно.

Сокр. Великую же бѣду возносишь на меня. Однакожь отвѣчай мнѣ. Такъ ли по твоему мнѣнію бываетъ и съ лошадьми? то-есть, лучшими дѣлають ихъ всѣ люди, а портить кто-нибудь одинъ? или совершенно напротивъ: кто-нибудь одинъ, или очень немногіе, напримѣръ, наездники въ состояніи дѣлать ихъ лучшими, а многіе, какъ скоро начнутъ водиться и обращаться съ ними, портятъ ихъ? Не такъ ли Мелитъ, бываетъ и съ лошадьми, и со всеми другими животными?—Безъ сомнѣнія такъ, подтвердите это — ты и Анитъ, или не подтвердите. Весьма счастливы конечно были бы юноши, если бы только одинъ развращалъ ихъ, а прочіе приносили имъ пользу. Но ты, Мелитъ, достаточно доказалъ, что никогда не заботился о юношахъ; ты ясно обнаружилъ свое нерадіе; то-есть, у тебя не было никакого попеченія о томъ, въ чемъ обвиняешь меня предъ судомъ. Скажи намъ еще, ради Зевса, Мелитъ: лучше ли жить между полезными, или вредными гражданами? Отвѣчай-ка (35) на вопросъ: вѣдь онъ не труденъ. Не правда ли, что вредные дѣлають какое-нибудь зло людямъ всегда въ себѣ близкимъ, а добрые — какое-нибудь добро?

Мел. Конечно.

Сокр. Но есть ли такіе, которые, обращаясь съ людьми, хотѣли бы получать отъ нихъ лучше вредъ, чѣмъ пользу? Отвѣчай, добрый человекъ; вѣдь и законъ велитъ отвѣчать (3а). Есть ли люди, желающіе получать вредъ? D.

Мел. Разумѣется, нѣтъ.

Сокр. Хорошо; ты призвалъ меня сюда, какъ развратителя юношей, дѣлающаго ихъ вредными: волею я дѣлаю это, или неволею?

Мел. Волею.

Сокр. Какъ же такъ, Мелитъ? Ты, человекъ молодой, гораздо мудрѣе меня старика; тобою дознано, что злые дѣлаютъ какое-нибудь зло людямъ всегда къ себѣ близкимъ, а добрые—добро. Напротивъ я дошелъ до совершеннаго невѣжества; мнѣ неизвѣстно и то, что дѣлая кого-нибудь изъ своихъ ближнихъ худымъ человекомъ, я подвергаюсь опасности потерпѣть отъ него какое-нибудь зло. И ты еще говоришь, что это-то, столь важное зло, я произвожу волею? Не вѣрю тебѣ, Мелитъ; да кажется и ни кто другой не повѣритъ. Или я не развращаю, или развращаю неволею; такъ что въ обоихъ случаяхъ ты утверждаешь ложь. Когда же я развращаю неволею; то подобныхъ грѣшниковъ по-целовѣ законъ велитъ не призывать сюда, а учить и вразумлять особо; ибо, вразумившись, я конечно перестану дѣлать то, что дѣлаю неволью. Между тѣмъ ты избывать E.

обращенія со мною и не хотѣлъ научить меня; напротивъ призывалъ сюда, куда, по закону, призываются люди для наказанія, а не для наученія. ~~Да~~, теперь видно уже, Афиняне, что Мелить, какъ я говорилъ, никогда и нисколько

В. не беспокоился объ этомъ.

Впрочемъ скажи-ка намъ, Мелить: какимъ образомъ, по твоему мнѣнію, я развращаю юношей? Не правда ли, что, по формулѣ твоего доноса, я учу признавать не тѣхъ боговъ, которыхъ принимаетъ общество, а новыхъ геніевъ?

Мел. Конечно,—и я рѣшительно утверждаю это.

Сокр. Заклинаю же тебя тѣми самыми богами, Мелить, о которыхъ теперь идетъ рѣчь: выскажи это еще яенѣе—и мнѣ, и присутствующимъ здѣсь мужамъ. Для меня слѣдующее не понятно: то ли ты говоришь, что я учу признавать какихъ-то боговъ и самъ также допускаю ихъ, а по тому не совсѣмъ безбожникъ и въ этомъ отношеніи не беззаконно поступаю, только допускаю не тѣхъ именно, какихъ общество, а иныхъ, и это-то ставишь мнѣ въ вину, что иныхъ? или утверждаешь, что я и самъ вовсе не признаю боговъ, и другихъ учу тому же?

Мел. Я утверждаю, что ты вовсе не признаешь боговъ.

Сокр. О дивный Мелить! Да что ты это говоришь? Значить, я не почитаю богами ни

солнца, ни луны, чѣмъ почитаютъ ихъ нѣкоторые люди (37)?

Мел. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, суди; солнце онъ называетъ камнемъ, а луну землею.

Сокр. Ты, кажется, обвиняешь Анаксагора (38), любезный Мелитъ. Думать, будто суди такъ мало знакомы съ книгами, будто они не знаютъ, что подобными мнѣніями преисполнены сочиненія Анаксагора Клазоменскаго, значить унижать ихъ. Видно же юноши учатся у меня тому, что иногда могутъ, много какъ Е. за драхму, купить со сцѣны (39), дабы посмѣяться надъ Сократомъ, когда эти и другія нечестности онъ вздумалъ бы выдавать за свое. Такъ вотъ что, ради Зевса, называется у тебя—не признавать ни одного бога?

Мел. Да, клянусь Зевсомъ, точно ни одного.

Сокр. Ты ужь не вѣришь, Мелитъ, кажется, и самому себѣ. Да, Аюшяне, онъ по видимому, — человекъ вздорчивый и буйный; онъ сдѣлалъ на меня этотъ доносъ просто по вздорчивости, буйству и молодости. У него какъ будто была проба сложить загадку: узнаетъ ли то-есть Сократъ, такой мудрецъ, 27. что я прикрываюсь шуткою и противорѣчу самому себѣ, или мнѣ удастся обмануть и его и прочихъ слушателей? А онъ въ своемъ доносѣ дѣйствительно противорѣчитъ самому себѣ, какъ бы такъ говоря: Сократъ поступаетъ без-

15 законно, потому что не признает боговъ, но признает боговъ. Это—конечно шутка. Разсмотримъ вмѣстѣ, граждане, вѣрно ли мое мнѣніе о его доносѣ. Ты, Мелить, отвѣчай намъ; а в. вы, о чемъ я и вначалѣ просилъ васъ, не извѣляйте негодованія, когда моя рѣчь будетъ являться въ привычной мнѣ формѣ.

Есть ли кто-нибудь, Мелить, который бы человѣческія дѣла признавалъ, а людей не признавалъ? Пусть онъ отвѣчаетъ, граждане, а не шумить безъ толку. Есть ли кто-нибудь, который бы лошадей не признавалъ, а дѣла, относяціяся къ лошадямъ, признавалъ? который бы флейщиковъ не признавалъ, а дѣла свойственныя имъ признавалъ? Если ты, превосходнѣйшій изъ мужей, отвѣчать не хочешь; то я скажу тебѣ и другимъ здѣсь присутствующимъ, что такихъ людей нѣтъ. Но отвѣчай на слѣдующій вопросъ: есть ли кто-нибудь, который С. бы гениальныя дѣла признавалъ, а гениевъ не признавалъ?

Мел. Нѣтъ.

Сокр. Какъ ты обрадовалъ меня, что наконецъ, по побужденію этихъ мужей, отвѣтилъ! И такъ ты утверждаешь, что я признаю и преподаю гениальное—пусть оно будетъ новое или старое—довольно, что по твоимъ словамъ, я признаю именно гениальное, и этотъ пунктъ доноса запечатлѣнъ твоею клятвенною подписью. Если же я признаю гениальное; то край-

няя необходимость велить мнѣ уже признавать и геніевъ. Не такъ ли?—бѣзъ сомнѣнія такъ. Не слыша твоего отвѣта, я полагаю, что ты согласенъ. А геніевъ не почитаемъ ли мы то богами, то дѣтьми боговъ? Подтверждаешь, или нѣтъ?

Мел. Конечно.

Сокр. И такъ, если я вѣрую въ геніевъ; а геніи, по твоему сознанію, суть нѣкоторые божества; то вотъ мои слова и справедливы, что ты предложилъ намъ загадку и прикрывался шуткою, когда утверждалъ, будто я не вѣрую въ боговъ и снова—что я вѣрую въ нихъ, по-колику вѣрую въ геніевъ. Но далье, если геніи суть побочные дѣти боговъ, рожденные ими или отъ нимфъ, или, какъ говорятъ, отъ другихъ женщинъ; то какой человекъ, вѣруя въ божіихъ дѣтей, не вѣруетъ въ боговъ? Это было бы столь же нелѣпо, какъ если бы кто, допуская бытіе лошадиныхъ жеребятъ и ослиныхъ муловъ, не допускалъ бытія лошадей и ословъ. Не можетъ статься, Мелитъ, чтобы ты сдѣлалъ такой доносъ, или не для испытанія насъ, или не по незнанію, какую дѣйствительную вину взнести на меня. А убѣдить кого-нибудь, кто имѣетъ хоть мало разсудка, что одному и тому же человеку свойственно, вѣря въ геніальное и божественное, не вѣрить ни въ геніевъ, ни въ боговъ, ни въ героев,—никакимъ образомъ не возможно.

16

† Такъ-то, Аэиняне! Что я не виновать по силѣ Мелитова доноса, — это, кажется, не требуетъ большаго оправданія; достаточно и сказаннаго: а что многіе и сильную питають противъ меня ненависть, — это, будьте увѣрены, истинно. По сему преодолевають меня, если преодолевають, не Мелить и Анить, а клевета и вражда толпы. Онъ уже преодолѣли много и другихъ очень добрыхъ мужей; да кажется и будутъ преодолевать: нѣтъ ничего удивительнаго, что на мнѣ это не остановится.

Но можетъ быть кто скажетъ: не стыдно ли тебѣ, Сократъ, что ты запутался въ такіа дѣла, которыя теперь угрожаютъ тебѣ смертію? — Я отвѣчу ему правдою: не хороши твои мысли, почтеннѣйшій, если ты думаешь, что тотъ, въ комъ есть хоть не мною дѣльнаго, долженъ брать въ расчетъ опасность жизни и смерти, а не смотрѣть на одно, — справедливо ли онъ поступаетъ, или несправедливо, когда что-нибудь дѣлаеть, и доброму ли человѣку приличны дѣла его, или худому. По твоему, худы видно были полубоги, павшіе подѣ Тросію, худы были и другіе, и сынъ Оетиды (43), который, чтобы не подвергнуться стыду, пренебрегъ величайшею опасностію. Когда онъ жаждаль Гекторовой смерти, и когда мать его, замѣть — богиня, почти такъ, помнителся, сказала ему: Дитя мое!

отмстить за смерть друга своего Патрокла и убить Гектора, ты умрешь самъ,—

Скоро за сыномъ Приама конецъ и тебѣ приготовленъ;

то, выслушавъ слова ея, онъ презрѣлъ смерть и опасность и, гораздо больше боясь вести жизнь слабаго челоуѣка, который не мститъ за своихъ друзей, отвѣчалъ: *О, да умру я теперь же, преслѣдуя обидчика за обиду, чтобы не оставаться здѣсь посмѣшищемъ и не быть бесполезнымъ бременемъ земли, сидя предъ дуговидными кораблями!* Думаешь ли, что онъ скорбѣлъ, приближаясь къ смерти и опасности? Такъ-то поистинѣ, Аѳиняне! Гдѣ кто стоитъ— по тому ли, что свое мѣсто почитаетъ лучшимъ, или по тому, что на этомъ мѣств поставили его начальники,—тамъ долженъ онъ, кажется, при встрѣчѣ съ опасностію, и оставаться: въ сравненіи съ стыдомъ, и смерть и все прочее—ничего не значитъ. И такъ я поступилъ бы ужасно, Аѳиняне; если бы, по повелѣнію власти, которую вы избирали для управленія мною и въ Потидеѣ, и въ Амфиполисѣ, и на Делосѣ (41), оставался тамъ, гдѣ мнѣ указано было, и подобно другимъ; подвергался опасности потерять жизнь; а при повелѣніи Божиемъ, которымъ, какъ я привыкъ думать, предписывается мнѣ провождать время въ любомудріи и испытаніи себя и другихъ, убоялся смерти, или чего подобнаго, и оставилъ свое мѣсто. Да, это было 29.

бы ужасно: тогда кто-нибудь действительно имѣлъ бы право подвергнуть меня суду, какъ чловѣка, непризнающаго боговъ, какъ такого чловѣка, который не повинуется оракулу, боится смерти и считаетъ себя мудрецомъ, не будучи имъ. Въ самомъ дѣлѣ, граждане,—бояться смерти есть не что иное, какъ казаться мудрецомъ, не будучи имъ; ибо казаться, значитъ знать то, чего не знаешь; а смерти никто не знаетъ,—никто не знаетъ даже и того, не есть ли она для чловѣка величайшее изъ всѣхъ благъ; и однакожъ люди боятся ея, какъ, будто знаютъ, что она есть величайшее изъ всѣхъ.

В. золь. Какъ же не самое постыдное невѣжество —думать, будто знаешь то, чего не знаешь! Напротивъ я, граждане, и въ этомъ отношеніи можете быть тѣмъ отличаюсь отъ многихъ людей, и по тому назвалъ бы себя въ нномъ мудре нѣкоторыхъ, что не зная достаточно о преисподней, какъ и думаю, что не знаю: а что поступать незаконно и не повиноваться лучшему, чловѣку то или богу, есть дѣло худое и постыдное, — это я знаю. По сему не буду бояться и бѣгать того, о чемъ не могу сказать, добро ли оно, — бояться и бѣгать болѣе, чѣмъ зла, которое уже извѣстно мнѣ, какъ зло. Положимъ, что теперь вы согласились бы

С. отпустить меня и не послушались бы Анита, поколику онъ говоритъ, что или съ самаго начала не надлежало призывать меня, или,

когда призвали, надобно лишить жизни, поколику онъ доказываетъ вамъ, что если я избвгну смерти, то ваши сыновья, следуя ученію Сократа, всь и'вездь развратятся, — положимъ, что на это вы сказали бы мнѣ: Сократъ! теперь мы не послушаемся Анита и отпустимъ тебя, однакожь съ тѣмъ условіемъ, что бы ты уже не занимался подобнымъ изслѣдованіемъ и любомудріемъ; а когда снова будешь обличенъ въ томъ же дѣлѣ, то умрешь. Положимъ, говорю, что вы отпускали бы меня на этомъ условіи: въ семъ случаѣ вотъ каковъ D. былъ бы отвѣтъ мой: Аѳиняне! я преданъ вамъ чувствами дружбы и любви: но на мою вѣру имѣеть большее право Богъ, нежели вы. А потому, пока дышу и могу, не перестану философствовать и предлагать каждому встрѣчному убѣжденія и доказательства въ обычныхъ мнѣ выраженіяхъ: почтеннѣйшій мужъ! будучи гражданиномъ Аѳинъ, общества великаго и славнаго по своей мудрости и силѣ духа, ты не стыдишься хлопотать о славѣ, чести и деньгахъ, чтобы собрать ихъ сколько можно болѣе; а о благоразуміи, объ истинѣ, о душѣ, E. чтобы возвысить ее сколько можно болѣе, не хлопочешь и не заботишься. Если же кто-нибудь изъ васъ усомнится и скажетъ, что онъ заботится объ этомъ; то я не тотчасъ отпущу его и не вдругъ отстану, но буду спрашивать, испытывать, вывѣдывать, и когда окажется,

что онъ не приобрѣлъ добродѣтели, а приписываетъ ее себѣ, то замѣчу ему, что у него самое важное унижается, а бездѣльное представляется важнымъ. Такъ обойдусь я и съ молодымъ человѣкомъ, и съ старикомъ — съ кѣмъ ни пришлось бы встрѣтиться, такъ — и съ иностранцемъ и съ Аонининомъ, и съ Аонинянами тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе они ко мнѣ по племени; ибо такова, будьте увѣрены, воля Божія. И даже думаю, что въ обществѣ не получить вамъ блага болѣе моего служенія Богу; потому что цѣль моихъ прогулокъ есть не иная, какъ убѣжденіе молодыхъ людей и стариковъ — пещись не прежде и не столько о тѣлѣ, деньгахъ и чемъ-нибудь другомъ, сколько о душѣ, чтобы сдѣлать ее совершеннѣйшею. Я доказываю, что не изъ денегъ рождается добродѣтель, а изъ добродѣтели — деньги и всѣ другія частныя и общественныя для людей блага. Если, говоря это, я развращаю юношей; то слова мои конечно вредны: а кто сказалъ бы, что я учу не сему, а другому; тотъ не сказалъ бы ничего. И такъ я отвѣчалъ бы: Аониняне! повѣрите вы Аниту или не повѣрите, отпустите меня или нѣтъ; но я буду поступать не иначе,

с. хотя бы мнѣ пришлось умереть много разъ.

Не шумите, Аониняне; устояте въ томъ, о чемъ я васъ просилъ: то-есть, не шумомъ отвѣчать на мои слова, а вниманіемъ; ибо вниманіе, думаю, принесетъ вамъ пользу. Вотъ я

намъренъ сказать и нѣчто другое, при чемъ можетъ быть, вы поднимете крикъ: но отнюдь не дѣлайте этого. Знайте, что если вы лишите меня жизни, — меня, такого человѣка, какимъ я себя описываю; то повредите болѣе себѣ, чѣмъ мнѣ. Мнѣ не сдѣлають вреда ни Мелить, ни Анить, да и не могутъ; ибо кажется не въ порядкѣ вещей, что бы человѣку лучшему вредилъ худшій. Положимъ, онъ лишитъ меня жизни, либо изгонитъ, либо обесчеститъ: чо это—великое зло, только по его, или по чѣмунибудь мнѣнью, а по моему не зло. Напротивъ, я почитаю гораздо большимъ зломъ дѣлать то, что онъ теперь дѣлаетъ, то-есть намъреваться безъ вины лишитъ человѣка жизни. По сему въ настоящія минуты, Аѳиняне, я защищаю вовсе не себя, какъ иной можетъ быть думать, а васъ, чтобъ обвинивъ меня, вы не отвергли дара, даннаго вамъ Богомъ. Да, если вы лишите меня жизни; то трудно будетъ вамъ найти другаго подобнаго мнѣ, котораго — хоть и смѣшно, а справедливо — Богъ помѣстилъ въ обществѣ, какъ на великомъ и благородномъ конѣ (42), для того что этотъ конь, по причинѣ своей величины, довольно неповоротливъ и долженъ быть возбуждаемъ жаломъ овода. Именно, ту-то кажется должность въ отношеніи къ обществу Богъ и возложилъ на меня, что бы я и возбуждалъ васъ, и убѣждалъ, и надобдалъ каждому, что бы я непрестанно,

31. во весь день подсыдалъ то къ тому, то къ другому. Да, граждане, другаго такого не легко встрѣтить вамъ: по сему, если повѣрите мнѣ, то пощадите меня. Но разсердившись, какъ пробужденные отъ сна, вы вѣроятно будете меня бить, и послушавшись Анита, безъ труда убьете, чтобъ остальную жизнь провести во снѣ, если Богъ, заботясь о васъ, не пошлетъ вамъ кого-нибудь еще. А что я таковъ, какимъ Богъ далъ меня обществу, уразумѣете изъ слѣдующаго: Не на человѣческой расчетъ безъ сомнѣнія походить, что я не радью о всемъ своемъ и столько уже лѣтъ оставляю безъ вниманія неустройства домашнія; напротивъ всегда занимаюсь вашими дѣлами, бесѣдуя съ каждымъ порознь, какъ будто отецъ или старшій братъ, и убѣждая слѣдовать добродѣтели. Была бы еще причина поступать такимъ образомъ, если бы чрезъ это я снискивалъ выгоду, или за свои наставленія бралъ плату: но вы и сами-таки видите, что мои обвинители, сколь ни безстыдны ихъ извѣты въ отношеніи ко всему другому, не могли однакожь дойти до той степени безстыдства, чтобы представить свидѣтеля, будто я получалъ какую-нибудь плату, или требовалъ ея; ибо съ моей стороны, достаточное кажется свидѣтельство истины—бѣдность.

19

Можетъ быть покажется страннымъ, что частно я даю совѣты, ходя изъ мѣста въ мѣсто,

и беру на-себя многое, а публично не осмѣли-
 ваюсь войти въ ваше собраніе и совѣтовать
 обществу. Причину этого вы уже слышали
 отъ меня много разъ: я часто говаривалъ, что
 во мнѣ бываетъ нѣчто божественное и геніаль-
 ное, надъ чѣмъ Мелитъ смѣялся и въ доносѣ. D.
 Между тѣмъ во мнѣ съ самаго дѣтства про-
 является какой-то голосъ, который, въ минуту
 проявленія, всегда отклоняетъ меня отъ того,
 что я думалъ сдѣлать, а побуждать — никогда
 не побуждаетъ (43). Онъ — то возбранялъ мнѣ
 заниматься политическими дѣлами и, кажется,
 поступалъ прекрасно; ибо знайте, Аѳиняне, что
 если бы я задолго рѣшился вступить въ отпра-
 вленіе общественныхъ должностей, то давно бы
 уже погибъ и не принесъ бы никакой пользы
 ни вамъ ни себѣ. Не гнѣвайтесь на меня за E.
 истину: нѣтъ чловѣка, который спасся бы,
 противясь сознательно — вамъ ли то, или како-
 му-нибудь другому народному собранію, и по-
 ставляя преграды несправедливости и престу-
 пленіямъ въ обществѣ. Ему необходимо сра- 39.
 жаться за правду, и если онъ хочетъ спастись
 на нѣсколько времени, то долженъ вести жизнь
 частную, а не общественную. Представляю вамъ 20.
 на это доказательства сильныя — не словами, а
 тѣмъ, что вы уважаете — дѣлами. Выслушайте-
 ка, что бывало со мною, и узнаете, что изъ
 страха смерти я никому не могу потакать ко
 вреду справедливости, а не потакаю, въ тоже

время приближаюсь къ гибели. Скажу нѣчто прямое и досадительное, однакожь истинное. Я ни однажды не несъ въ обществѣ другой правительственной должности, Афиняне, кромѣ должности совѣтника. Нашему округу Антиохись случилось сенаторствовать (44), когда вы хотѣли судить вдругъ всѣхъ десять военачальниковъ— за то, что они съ морскаго сраженія не привезли убитыхъ. Такой судъ, какъ послѣ самимъ вамъ показалось, былъ несогласенъ съ законами (45). Въ то время я одинъ изъ сенаторовъ противустоялъ вамъ, не допуская нарушить законы, и подалъ противный голось. Риторы готовы уже были обвинить меня предъ правительствомъ и предать казни; вы требовали того и кричали; а я думалъ, что лучше мнѣ подвергнуться опасности съ закономъ и правдою, чѣмъ, боясь узъ и смерти, оставаться съ вами, судіями неправедными. И это было еще при народномъ правленіи въ нашемъ обществѣ. Когда же наступила олигархія; то тридцать правителей снова пригласили меня самъ-пятого въ круглую палату и приказали привезти съ Саламина Льва Саламинянина, чтобы лишить его жизни (46). Много подобныхъ приказаній отдали они и другимъ, желая какъ можно болѣе увеличить число виновныхъ. Тогда я опять не словомъ, а дѣломъ доказалъ, что смерть для меня—не взыщете за грубость выраженія—не значить ничего, что вся моя забота клонится

къ дѣятельности, чуждой неправды и нечестія. То правительство, сколь могущественно оно ни было, не испугало меня и не заставило сдѣлать что-нибудь неправо: нѣтъ, вышедши изъ круглой налаты, прочіе четверо отправились на Саламинъ и привезли Льва; а я тотчасъ отправился домой и за это, можетъ быть, заплатилъ бы жизнью, если бы власть тиранновъ вскорѣ не исчезла. О такомъ поступкѣ моемъ **В.** засвидѣтельствуютъ вамъ многіе.

Думаете ли, что я прожилъ бы столько лѣтъ, если бы несъ общественныя должности, поступая какъ прилично человеку доброму, то-есть, помогая правымъ, и эту помощь, какъ слѣдуетъ, ставя выше всего? Далекъ нѣтъ, Аѳиняне; да и никто другой не достигъ бы до такой старости. Между тѣмъ вся моя жизнь не **33.** только въ отправленіи кое-какихъ общественныхъ дѣлъ, но и въ частныхъ занятіяхъ была такова, что я никогда и никому не поблажалъ ко вреду справедливости, — не поблажалъ и другимъ, и тѣмъ, которыхъ клеветники называютъ моими учениками (47). Я никогда и ничѣмъ не былъ учителемъ. Если же кто-нибудь, молодой или пожилый человекъ, хотѣлъ слушать мои слова, когда я исполнялъ свою обязанность; то никому и ни въ какое время не запрещалось. При томъ я не изъ тѣхъ, которые разсуждаютъ за деньги, а безъ денегъ не разсуждаютъ: **В.** я позволяю вопрошать себя равно и богатому

и бѣдному; а кто хочетъ, можетъ только отвѣчать, выслушивая мои вопросы. Впрочемъ, по всей справедливости, я не беру на себя того, добрымъ ли становится кто изъ моихъ слушателей, или нѣтъ; потому что никому не обещаю науки и ничему не учу. Если же иные говорить, будто отъ меня чему-нибудь научились, или слышали какую-нибудь особенность; которая отъ другихъ сокрыта; то будьте увѣрены, что это говорить несправедливо.

Однакожь почему нѣкоторые рады обращаться со мною долгое время? Вы слышали, Афиняне, я высказалъ вамъ всю истину, что мои слушатели съ удовольствіемъ внимаютъ, какъ я испытываю тѣхъ людей, которые, почитая себя мудрецами, на самомъ дѣлѣ—не мудрецы; ибо это не неприятно. А дѣлать такое испытаніе, какъ сказано, предписалъ мнѣ Богъ,—предписалъ и изреченіями оракула, и сновиденіями, и всякимъ образомъ, какимъ и иной божественный жребій повелѣваетъ человеку что-нибудь дѣлать. Это, Афиняне, и истинно, и удобоказательно. Да, если я однихъ изъ юношей развращаю, другихъ развратилъ; то нѣкоторые изъ нихъ, ставъ постарше и понявъ, что въ юныхъ лѣтахъ слышали отъ меня худые совѣты, теперь должны бы настоятельно изложить свои обвиненія и требовать моея казни. А когда они не захотѣли бы сами; то надлежало бы нынѣ вспомнить нѣкоторымъ

изъ ихъ родственниковъ, напริมѣръ отцамъ, братьямъ и другимъ ближнимъ,—вспомнить, что ихъ домашніе потерпѣли отъ меня нѣчто худое. Да многіе изъ нихъ, вижу, и въ самомъ дѣлѣ здѣсь: во-первыхъ вотъ Критонъ, мой сверстникъ и землякъ, отецъ этого Кривовула; Е.
потомъ Лизаніасъ Сфеттійскій, отецъ этого Эхина; вотъ еще Антифонъ Кефисійскій, отецъ Эпигена. Есть здѣсь и такіе, которыхъ братья обращались со мною: вотъ напрімѣръ Никостратъ, сынъ Θεосдотида, братъ Θεодота (но Θεодотъ уже умеръ и по тому не можетъ просить за меня); вотъ Паралось, сынъ Демодоха, его братъ былъ Θεагесъ; вотъ Адимантъ, сынъ 34.
Аристана, его братъ этотъ Платонъ; вотъ Діанторось, его братъ этотъ Аполлдоръ. Могу наименовать вамъ много и другихъ, изъ коихъ каждаго Мелитъ, особенно въ своемъ доносѣ, долженъ бы былъ выставить какъ свидѣтеля. Если же тогда онъ забылъ; то пусть выставить теперь,—я не препятствую,—и скажетъ, что знаетъ. Но вы, граждане, найдете совершенно противное этому: меня, развратителя, который, по словамъ Мелита и Анита, дѣлаетъ зло ихъ В.
ближнимъ, всѣ готовы защищать. Правда, сами развращенные, можетъ статься, имѣли бы причину оказать мнѣ помощь: а не развращенные, какъ люди уже пожилые и родственники первыхъ, какое нашли бы основаніе помогать мнѣ, кромѣ прямодушія и справедливости,

поколику знаютъ, что Мелить лжетъ, а я говорю истину?

///
 С Такъ вотъ, граждане, почти это и, можетъ быть, подобно этому я намѣренъ былъ сказать въ оправданіе себя. Но кто-нибудь изъ васъ вѣроятно тотчасъ вознегодуешь на меня, какъ скоро вспомнить, что онъ, работая по дѣлу и не столь важному, какъ мое, просилъ и со слезами умолялъ судей, приводилъ дѣтей своихъ и много другихъ родственниковъ и друзей, чтобы снискать, какое можно, ~~Х~~ милосердіе (48); а я-де не дѣлаю ничего подобнаго, хотя повидимому подвергаюсь крайнему бѣдствію. Да, кто-нибудь, подумавъ такъ, вѣроятно тотчасъ возстанетъ противъ меня своимъ самолюбіемъ и, разгнѣвавшись за это самое, выразитъ свое оскорбленіе неблагопріятнымъ для меня мнѣніемъ. Если кто изъ васъ дѣйствительно такъ расположенъ — я конечно не думаю, однакожь; — то считаю приличнымъ сказать ему слѣдующее: Почтеннѣйшій мужъ! есть и у меня кое-какіе родственники; ибо и я, говоря словами Омира (49), *родился не отъ дуба и не отъ камня*, а отъ людей, следовательно имѣю родныхъ, даже трехъ сыновей (50), Афиняне, изъ которыхъ одинъ уже юноша, а два еще мальчики. Но при всемъ томъ, не приведу сюда ни одного и не буду просить себя освобожденія. А почему не сдѣлаю этого? —
 Е не по самомнѣнію, Афиняне, и не по презрѣнію

къ вамъ. Мужественно ли встрѣчу я смерть, или немужественно—это другой вопросъ. Нѣтъ, доживъ до такой старости и снискавъ такое имя,—справедливо ли то или несправедливо, мнѣ, кажется, не хорошо было бы для чести и собственной, и вашей, и цѣлаго общества дѣлать что-нибудь подобное. Вѣдь уже всѣмъ извѣстно, что Сократъ кое-чѣмъ превосходитъ многихъ; но если бы кто изъ васъ, отличаясь либо му- 36.
дростию, либо мужесствомъ, либо какою-нибудь другою добродѣтелию, поступилъ такимъ образомъ; то ему было бы стыдно. Между тѣмъ я не рѣдко видывалъ, что нѣкоторые, хоть и значительные люди, подвергаясь суду, дѣлаютъ чудеса: они думаютъ, что потеряютъ нѣчто ужасное, когда умрутъ, и какъ будто останутся бессмертными, если вы не лишите ихъ жизни. По моему мнѣнію, такіе граждане стыдятъ свое общество; такъ что иной чужестранецъ предпочесть, будто и отличнѣйшіе въ отношеніи къ добродѣтели соотечественники наши, которыхъ Аѳиняне предпочитаютъ себѣ во
В.
власти, и въ другихъ почестяхъ, ничѣмъ не лучше женщинъ. Нѣтъ, этого и мы не должны дѣлать, какой бы ни имѣли вѣсъ, и вы не должны допускать: напротивъ ваша обязанность показывать, что человека, представляющаго столь жалкія сцены и подвергающаго свое общество насмѣшкамъ, вы еще скорѣе осудите, чѣмъ того, который молчитъ. Да и кромѣ

24.

- молвы, граждане, — мнѣ кажется несправедливо какъ просить судію, такъ и чрезъ прозьбу изъ-
C. бѣгать приговора; для сего требуются объясненія и доказательства. Вѣдь судія сидитъ не для того, чтобы дарить правду, а для того, чтобы изслѣдывать ее: онъ и клялся не дарить ея, кому вздумается, но судить по законамъ. И такъ надобно, чтобы ни мы не пріучали васъ нарушать клятву, ни вы не привыкали нарушать ее; ибо это и въ насъ и въ васъ было бы равно нечестиво. Не извольте же думать, Аѳиняне, будто въ отношеніи къ вамъ я долженъ дѣлать то, что почитаю и нехорошимъ, и несправедливымъ, и нечестивымъ, какъ во всякое другое время, клянусь Зевсомъ, такъ особенно
D. теперь, когда этотъ Мелитъ обвиняетъ меня въ нечестіи. Явно, что если бы я убѣждалъ васъ и, послѣ вашихъ клятвъ, насилуялъ васъ прозьбами; то давалъ бы разумѣть, что вы не чтите боговъ и, оправдываясь, просто обвинялъ бы самъ себя въ непризнаваніи ихъ. Между тѣмъ дѣло вовсе не таково: я признаю боговъ, Аѳиняне, — признаю болѣе, чѣмъ кто-нибудь изъ моихъ обвинителей, и поручаю вамъ и Богу судить о мнѣ такъ, какъ будетъ лучше и для меня и для васъ. —

Что я не досадую на васъ, Аѳиняне, за настоящее заключеніе, за приговоръ надо мною, —къ тому способствуетъ кое-что многое: да-та-кое заключеніе казалось мнѣ и не невѣроятнымъ. Напротивъ для меня гораздо удивительнѣе обнаружившееся число тѣхъ и другихъ мнѣній; ибо мнѣ представлялось, что большинство голосовъ будетъ не такъ мало, а поболье. Если же теперь, какъ открылось, только три голоса пали иначе (51); то можно бы еще избѣгнуть осужденія. Мелита-то я, кажется, уже избѣжалъ, и не только избѣжалъ, но, когда бы не присовокупили своихъ доносовъ на меня Анить и Ликонъ, онъ, какъ всякому видно, даже заплатилъ бы тысячу драхмъ, потому что не имѣетъ на своей сторонѣ пятой части голосовъ (52). Этотъ человекъ присуждаетъ меня къ смерти, —пусть такъ: но я-то, Аѳиняне, къ чему напротивъ присужу себя? — очевидно къ тому, чего заслуживаю? Чего же я заслуживаю? что долженъ потерпѣть, или какому подвергнуться штрафу, что сознательно не молчалъ въ своей жизни, но, не заботясь о томъ, о чемъ заботятся многіе, то-есть о пріобрѣтеніи состоянія, объ экономіи, о военачальствѣ, о вліяніи на народныя собранія и другихъ властяхъ, о партіяхъ и возмущеніяхъ, случающихся въ обществѣ, поколику почиталъ себя въ самомъ дѣлѣ довольно честнымъ для подобныхъ средствъ спасенія, —не заботясь о всемъ этомъ, не позво-

В. *et al.*

36.

et al.

- лялъ себѣ вступать въ такія должности, въ которыхъ не могъ быть полезенъ ни вамъ, ни себѣ, а положилъ оказывать каждому порознь величайшее, какъ я говорю, благодѣяніе, рѣшился внушать всякому изъ васъ, что желая сдѣлаться человѣкомъ отличнѣйшимъ и благо-разумнѣйшимъ, надобно прежде заботиться о себѣ, нежели о своемъ, прежде о самомъ обществѣ, нежели объ общественномъ, и такимъ же образомъ располагать своимъ попеченіемъ касательно всего прочаго? Такъ что долженъ я
- D. потерпѣть за это поведеніе?—Что-нибудь доброе, Аѳиняне, если въ присужденіи дѣйствительно надобно соображаться съ заслугами, и притомъ доброе такого рода, какой родъ добра мнѣ приличенъ. А что прилично благодѣтелю—бѣдняку (53) // который имѣетъ нужду въ досугѣ для увѣщаванія васъ?—Нѣтъ ничего естественнѣе, Аѳиняне, какъ такому человѣку давать столъ въ Пританіонѣ. Это было бы гораздо лучше, чѣмъ если бы кто изъ васъ, во время Олимпійскихъ игръ, одержалъ побѣду на одномъ, двухъ или трехъ коняхъ: ибо онъ счастливитъ васъ повидимому, а я счастливою на самомъ дѣлѣ;
- E. онъ не нуждается въ пищѣ, а я нуждаюсь. И такъ, если должно присудить мнѣ что-нибудь справедливо и по заслугамъ; то присуждаю
37. себѣ столъ въ Пританіонѣ.

XXIII
 Но можетъ быть и эти слова мои, Аѳиняне, кажутся вамъ словами человѣка упрямаго,

близкими къ прошенію и мольбѣ. Нѣтъ, не то, Аѳиняне, а скорѣе вотъ что: я знаю, что сознательно не обижаю никого; однакожь не увѣряю васъ въ этомъ; ибо мы говорили между собою не долго. Мнѣ кажется, если бы и у васъ былъ законъ, какъ у другихъ людей,—судить объ уголовныхъ дѣлахъ въ продолженіе не одного, а многихъ дней; то вы убѣ- В. дились бы: напротивъ теперь, въ короткое время не легко разсѣять столь важныя клеветы. Впрочемъ, будучи увѣренъ, что не обижаю никого, я вовсе не желаю обидѣть и самаго себя, то-есть говорить, будто заслуживаю какое-нибудь зло и долженъ быть присужденъ къ нему. Изъ какого страха я сдѣлалъ бы это? — Чтобы не потерпѣть того, къ чему присуждаетъ меня Мо- лить?—Но говорю, что мнѣ не известно, добро это или зло. Положимъ, вмѣсто сего, я выберу нѣчто иное, что понимаю уже какъ зло, и обреку себя на то. Что же избрать? Узы ли?—Но С для чего жить въ темницѣ, раболѣпствуя всегда поставляемой власти—одиннадцати судіямъ (54)? Пѣню ли и оковы, пока не выплачу ея?—Но это то же самое, что сейчасъ сказано: вѣдь у меня нѣтъ денегъ, которыя могъ бы я внести за себя. Не присудить ли себѣ изгнанія? Можетъ быть и вы согласились бы на это.—Но я былъ бы слишкомъ животолубивъ, Аѳиняне, когда бы имѣлъ столь мало разсудка, что не могъ понять слѣдующаго: Если вамъ, моимъ

- D.** согражданамъ, невозможно вынести моихъ бесѣдъ и разсужденій, если для васъ онѣ сдѣлались тяжкими и ненавистными, такъ что вы стараетесь теперь избавиться отъ нихъ; то другіе легче ли вынесутъ ихъ? Отнюдь нѣтъ, Афиняне. Значить, хороша же будетъ моя жизнь, когда я, вышедши отсюда въ такой старости, перемѣню одно общество на другое и въ каждомъ стану жить изгнанникомъ! Я вѣдь знаю, что куда ни приду, гдѣ ни заговорю,—юноши вездѣ будутъ слушать меня, какъ и здѣсь. Прогоню ли ихъ, повинуюсь старшимъ? они сами изгонять меня. Не прогоню? — за это ихъ отцы и родственники поступать со мною такимъ же образомъ.

- XXVIII*
7 Но можетъ быть кто спроситъ: а жить молчаливо и тихо, Сократъ, ты видно будешь не въ состояніи, когда выйдешь отсюда? — Въ этомъ-то убѣдить нѣкоторыхъ изъ васъ всего труднѣе: ибо скажу ли, что это значило бы не повиноваться Богу и что слѣдовательно жизнь молчаливая для меня невозможна, — вы не поверите мнѣ и подумаете, что я говорю при-
38. творно; скажу ли опять, что величайшее благо для человѣка каждый день разсуждать о добродѣтели и иныхъ предметахъ, о которыхъ вы слышали мои разсужденія, когда я испытывалъ себя и другихъ, и что жизнь безъ испытанія живуща въ человѣкѣ, — вы еще менѣе поверите моему слову. Дѣло-то, граждане, именно

таково, какъ я говорю; а убѣдить не легко. Въ-
 сть съ тѣмъ я не привыкъ почитать себя достой-
 нымъ какого-нибудь зла. Если бы у меня были
 деньги; то я присудилъ бы себя къ уплатѣ В.
 надлежащей суммы ихъ; потому что изъ того
 не вышло бы для меня никакого вреда: но те-
 перь у меня въ самомъ дѣлѣ нѣтъ денегъ;
 развѣ назначите заплатить столько, сколько
 могу; а могу заплатить вамъ, кажется, одну ми-
 ну серебра. Къ этому и присуждаю себя! Но
 вотъ, Аѳиняне, Платонъ, Критонъ, Критовулъ
 и Аполлодоръ велятъ мнѣ объявить уплату
 тридцати минъ, и сами ручаются: присуждаю
 себя и къ такой суммѣ; поручителями въ этихъ
 деньгахъ будутъ у васъ люди, стоящіе довѣ- С.
 ренности.

Ради столь кратко-го-то времени, Аѳиняне, *et al*
 вы, отъ людей, пожелающихъ бранить ваше
 общество, получите имя и нареканіе, что ли-
 шили жизни Сократа, человѣка мудраго! Да,
 тѣ, которые вздумаютъ оскорбить васъ, назо-
 вутъ меня именно мудрымъ, хотя я и не му-
 дрець. Между тѣмъ, если бы вы немного по-
 дождали,— это сдѣлалось бы само собою. По-
 смотрите-ка на мой возрастъ: какъ далеко ушла
 жизнь! какъ близко стоитъ смерть! Говорю это
 не всѣмъ вамъ, а тѣмъ, которые присудили D.

меня къ смерти. Имъ же говорю и слѣдующее: Можетъ быть, вы думаете, граждане, что я палъ отъ недостатка такихъ рѣчей, которыми могъ бы убѣдить васъ, если бы почелъ нужнымъ сдѣлать и высказать все, для избѣжанія приговора? Совсѣмъ нѣтъ; причина моего паденія конечно недостатокъ — только не рѣчей, а дерзости, безстыдства и охоты говорить вамъ то, что было бы весьма пріятно для вашего слуха, когда бы то-есть я проливалъ слезы, горевалъ, Е. дѣлалъ и говорилъ много иного, что, какъ сказано, недостойно меня, и что однакожь вы привыкли слышать отъ другихъ. Нѣтъ, у меня и прежде не было обыкновенія, ради опасности, совершать что-нибудь рабское, и теперь не раскаяваюсь, что такъ оправдывался. Напротивъ, мнѣ кажется лучше съ этимъ оправданіемъ умереть, нежели съ тѣмъ жить; ибо ни я, ни кто другой, въ судъ ли то, или на войнѣ, не долженъ устремлять мыслей своихъ къ тому, какъ бы избѣгнуть всего, угрожающаго смертию. Въдъ въ сраженіи часто видимъ, что отъ смерти — то могъ бы избавиться, кто, бросивъ оружіе, обратился бы къ преслѣдователямъ съ покорностію. Есть много и другихъ способовъ избѣгать смерти въ минуту каждой опасности, лишь бы имѣть дерзость все дѣлать и говорить. Да, не это трудно, граждане; гораздо труднѣе уйти отъ злобы, чѣмъ отъ смерти; потому что первая бѣжитъ быстрѣ послѣдней.

Вотъ и теперь, меня, чловѣка медленнаго и стараго, догнало медленнѣйшее; а обвинители мои, люди сильные и живые, пойманы тѣмъ, что быстрее — злобою. Вотъ и теперь я отхожу, приговоренный вами къ смерти; а они удаляются, обличенные истиною въ злодѣйствъ и несправедливости. И я и они — будемъ вѣрны произнесенному надъ нами приговору. Можетъ быть этому и надлежало случиться; видно это то и хорошо.

Послѣ сего, у меня рождается желаніе *Акс* предсказывать вамъ, мой осудители; ибо я уже *С.* въ такомъ возрастѣ, въ которомъ люди особенно предсказываютъ, когда приближаются къ смерти. Возвѣщаю вамъ, граждане, умертвившіе меня, что тотчасъ послѣ моей смерти постигнетъ васъ казнь, клянусь Зевсомъ, гораздо страшнѣе той, на которую я обреченъ вами. Теперь вы сдѣлали это съ намѣреніемъ уклониться отъ обличеній вашей жизни; но выйдеть, говорю вамъ, напротивъ: между вами появится много обличителей, которыхъ я доселѣ *В.* удерживалъ, а вы и не замѣтите. Эти обличители будутъ тѣмъ несноснѣе, чѣмъ моложе, — и вамъ станеть еще досаднѣе. Если вы думаете, что, умерщвляя людей, воспрепятствуете укорять себя за развратную жизнь; то судите несправедливо: такое спасеніе и не очень возможно, и не честно. Самое похвальное и легкое состоятъ не въ томъ, чтобы полагать преграды

другимъ, а въ томъ, чтобы усовершенать себя и быть человекомъ отличнѣйшимъ. Предсказанъ это вамъ, моимъ осудителямъ, я оставляю васъ.

Well. Но съ вами, моими оправдателями, мнѣ пріятно было бы поговорить о случившемся теперь событіи, пока Архонты заняты (26) и доколѣ я не отправлюсь туда, гдѣ ожидаетъ меня смерть. Побудьте же со мною это время, граждане; вѣдь ничто не препятствуетъ намъ потолковать, пока можно. Я хочу показать вамъ, какъ друзьямъ, что значить то, что нынѣ стало со мною. Да, со мною случилось нѣчто удивительное, граждане-судии, (я почитаю справедливымъ называть васъ судіями). Обычное предсказаніе генія въ прежнія времена случалось у меня очень часто и противустояло мнѣ даже при малѣйшихъ обстоятельствахъ, когда я намѣревался сдѣлать что-нибудь не такъ. А теперь, какъ вы сами видите, со мною случилось то, что всякій конечно признаетъ и почитаетъ крайнимъ зломъ; и однакожь Божіе знаменіе не противустояло мнѣ ни по-утру — при выходѣ моемъ изъ дома, ни тогда, когда я вступалъ въ это судилище, ни въ продолженіе моей рѣчи, когда я хотѣлъ сказать что-нибудь; хотя въ другихъ рѣчахъ не рѣдко-таки останавливало меня на серединѣ. Да, нынѣ, касательно моего процесса, оно не противустояло мнѣ ни въ дѣлѣ, ни въ словѣ. Какая же причина этого? — скажу вамъ. Случившееся со

мною, должно быть, случилось хорошо, и мы вовсе несправедливо предполагаемъ, думая, будто смерть есть зло. Я принимаю это, какъ важное С. доказательство; ибо невозможно, чтобы обыкновенное знаменіе не воспротивилось мнѣ, если бы я не намеренъ былъ сдѣлать нѣчто доброе.

Обратимъ вниманіе и на то, какъ много надежды почитать это добромъ. Смерть есть одно изъ двухъ: или какъ бы уничтоженіе, если умершій нисколько и ничего не чувствуетъ; или нѣкоторое, по общему мнѣнію, преобразование и переселеніе души изъ здѣшняго мѣста въ другое. Положимъ же, что смерть есть совершенное лишеніе чувства, похожее на такой сонъ, въ которомъ спящему ничего не D. снится: въ этомъ случаѣ она будетъ чрезвычайно выгодна. Ибо мнѣ кажется, что если бы кто-нибудь долженъ былъ выбрать ночь, въ которую такъ бы спалъ, что во снѣ ничего не видѣлъ, и потомъ, противуположивши ей всѣ другія ночи и дни своей жизни, обязанъ былъ зрѣло обсудить, которая изъ нихъ проведъ онъ лучше и пріятнѣе той; то, думаю, не только челоуѣку частному, но и великому царю легче было бы сосчитать первые, чѣмъ прочіе дни E. и ночи. А когда смерть такова; то я называю ее выгодною; ибо подѣ этимъ условіемъ все время покажется не долге, какъ одною ночью. Положимъ опять, что смерть есть какъ бы пе-

реселеніе отсюда въ другое мѣсто — туда, гдѣ, по истинному свидѣтельству преданія, находятся всѣ умершіе: въ семь случаевъ что можетъ быть болѣе этого блага, граждане-судіи? Ибо кто, отошедши въ преисподнюю и избавившись

41. отъ этихъ людей, называющихъ себя судіями, найдеть судей истинныхъ, на которыхъ, говорятъ, и въ самомъ дѣлѣ лежитъ тамъ обязанность судить, то-есть, Миноса, Радаманта, Зака, Триптолема и другихъ, бывшихъ во время своей жизни справедливейшими изъ полубоговъ; тотъ худое ли сдѣлаетъ переселеніе? При томъ не сочли ли бы вы за великую честь обращаться съ Орфеемъ, Музеемъ, Исидомъ, Омиромъ? Да я хочу умереть много разъ, если это истинно; потому что для самого меня занимательно было бы тамъ препровожденіе времени, когда бы я встрѣтился съ Паламедомъ, Аяксомъ сыномъ Теламона (57), и съ кѣмъ-нибудь другимъ, кто изъ древнихъ умеръ отъ несправедливаго суда. Сравнивать мою участь съ ихъ участію было бы, думаю, не неприятно. А что всего лучше,—я проводилъ бы жизнь въ изслѣдованіи и испытываніи тамошнихъ обитателей, какъ здѣшнихъ, то-есть, кто изъ нихъ мудръ, и кто почитаетъ себя мудрецомъ, въ самомъ же дѣлѣ не мудрецъ. Мало ли чести, граждане-судіи, испытать вождя, младшаго подъ Трою столь великое войско, также Одиссея, Сизифа и—можно бы на-

звать безчисленное множество другихъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ? Разговаривать съ ними тамъ, обращаться, испытывать ихъ, было бы безъ сомнѣнія счастьемъ непостижимымъ. При томъ же, тамошніе обитатели за это-то не лишаются жизни. Они блаженнѣе здѣшнихъ и по иному, и по тому, что на все время остаются уже бессмертными, если только преданія истинны.

Но и вы также, граждане - судіи, должны имѣть твердую надежду на смерть и держать въ умѣ одну истину, что для челоуѣка добраго нѣтъ зла ни въ жизни ни по смерти, и что о его обстоятельствахъ не нерадятъ боги. Вотъ и мои произошли не сами собою; для меня ясно, что теперь умереть и оставить здѣшнія заботы мнѣ гораздо лучше. По тому-то знаменіе ниразу и не отвратило меня; по тому-то я и не слишкомъ досадою на своихъ осудителей и доносчиковъ; хотя они осудили и доносили на меня не съ этою мыслію, а съ намѣреніемъ сдѣлать мнѣ зло, что достойно порицанія.

Вотъ о чемъ еще прошу ихъ: Граждане! Отмстите моимъ сыновьямъ, когда они вырастутъ, муча ихъ тѣмъ самымъ, чѣмъ я мучилъ васъ. Если откроется, что они болѣе заботятся о деньгахъ, или о чемъ другомъ, нежели о добродѣтели, либо будутъ думать, что нѣчто значуть, ничего не знача; то

укорайте ихъ, какъ я укорялъ васъ,—зачѣмъ они не заботятся о томъ, о чемъ должно, и приписываютъ себѣ нѣкоторую цѣну, ничего не стоя. Если станете дѣлать это; то и я самъ и дѣти мои—получимъ отъ васъ должное.

Но время уже идти—мнѣ на смерть, вамъ на жизнь: а кто изъ насъ придетъ къ лучшему, — никому не известно, кромѣ Бога.

КРИТОНЪ.

К Р И Т О Н Ъ.

В В Е Д Е Н І Е.

Въ Платоновомъ Критонѣ Сократъ изслѣдываетъ, *гдѣмъ обязанъ руководствоваться гражданинъ, живя въ нѣдрахъ общества, и каковы должны быть его отношенія къ отечественнымъ законамъ.* Эта тема мѣтитъ на два совершенно противоположныхъ понятія о гражданскомъ договорѣ.

Извѣстно, что Греческіе софисты, слѣдуя мнѣнію Протагора (1), почитали законы изобрѣтеніемъ правителей, независимо отъ нуждъ и внутренней природы лицъ, составляющихъ государство; а по тому учили, что люди соединяются въ общество только внѣшними условіями, то-есть частными выгодами, стремленіемъ

(1) *Plat. Protag. 326. D. 337. D.*

къ безопасности, желаніемъ удовольствій и т. п. Представленіе общаго блага въ ихъ школахъ почитаемо было мечтою; понятіе отечества, счастья, любви и дружбы опредѣлялось у нихъ матеріальными пользами (2). Что такое отечество? Это игорный домъ, отвѣчали они, въ которомъ всякій имѣеть право стараться обыграть ближняго, въ которомъ все должно измѣряться внѣшнею свободою, не исключая и закона политическаго. Къ столь ужасной мысли, погубившей древнюю Элладу, наводнившей кровію Францію и всю западную Европу, приводилъ софистовъ, очевидно, эгоистическій взглядъ на жизнь. Эгоизмъ, по своему существу, есть врагъ общественныхъ связей, основывающихся на взаимной любви, довѣренности и общеніи гражданъ, то-есть, на единствѣ ихъ природы, на тожествѣ ихъ законовъ и святости ихъ цѣлей въ нѣдрѣ Религіи. Онъ стремится расторгнуть

(2) Чувства любви и дружбы, къ сожалѣнію, и въ наше время не рѣдко вводятся въ кругъ органическихъ дѣятельностей и утилитарныхъ расчетовъ. Вотъ тутъ-то и нуженъ взглядъ философскій, который бы соображалъ начала съ слѣдствіями, соглашалъ дѣйствія съ причинами и прозиралъ въ соотношенія вещей. Если нравственная любовь — мечта, то всѣ доблестныя чувства также мечта; потому что послѣднія могутъ являться только подъ формою первой; другой формы для нихъ существо разумное не имѣеть; а въ неразумномъ нѣтъ и чувства, достойнаго имени «любовь.»

эту нравственную цѣпь, въ которой одно кольцо держится другимъ, и само служитъ опорой для другаго; потому что здѣсь нужно сердечное самопожертвованіе членовъ общества, а эгоизмъ и жертва суть вещи совершенно противоположныя.

Совсѣмъ иначе смотрѣлъ на общество сынъ Софрониска. Разумѣя политическіе законы, какъ выраженія потребностей, тающихся въ душѣ каждаго гражданина, какъ опредѣленія, произносимыя всѣми совѣстями и оправдываемыя всѣми умами, онъ представлялъ себѣ государство собраніемъ лицъ, внутренно и охотно соединившихся для удобнѣйшаго достиженія тѣхъ согласныхъ съ назначеніемъ чловѣка цѣлей, которыхъ никто, взятый отдѣльно, достигнуть не можетъ. Значить, отечество, по его разумнію, есть колоссъ, поднимаемый дружно милліонами рукъ; истина, осуществляемая сочетаніемъ безчисленныхъ понятій; прекрасное, воплощаемое гармоническимъ сліяніемъ различныхъ звуковъ, цвѣтовъ, или красокъ; добро, выражаемое стройными усиліями многообразныхъ дѣятельностей. Тутъ не можетъ быть ни общаго благоденствія безъ частныхъ трудовъ, ни частной пользы безъ общаго блага. Тутъ граждане, если можно сказать, не разъединяются силою центробъжною, а собираются центростремительно; слѣдовательно тутъ поприще не эгоизма, идущаго отъ центра къ периферіи, а

непрестанной жертвы, стремящейся отъ периферіи къ центру. Значить, Сократъ, по своимъ началамъ, могъ бы назвать общество политическою планетою, на которой все — и въ высшихъ и въ низшихъ слояхъ ея, тяготѣеть къ одному средоточію, чтобы вмѣстѣ съ нимъ вращаться вокругъ вѣчнаго Солнца, сообщающаго бытіе, жизнь и движеніе царствамъ и народамъ.

Такое-то понятіе объ обществѣ великій нравоучитель Греціи прежде развивалъ всему юношеству, а теперь, за три дня до смерти, внушаетъ одному изъ своихъ друзей, Критону!

Критонъ приходитъ къ Сократу въ темницу, послѣднее жилище его на землѣ, съ извѣстіемъ, что корабль, отправленный въ Делось, уже на возвратномъ пути и не далеко отъ Афинъ; слѣдовательно сынъ Софрониска долженъ завтра умереть. 43—44. В. Мысль о такой близости его смерти заставляетъ Критона предложить ему бѣгство изъ темницы и доказывать:

1. Что Критонъ будетъ обвиненъ мнѣніемъ толпы, если не убѣдитъ Сократа уйти отъ преслѣдованія закона.

2. Что Сократъ не долженъ удерживаться отъ этого ни соображеніемъ издержекъ, на которыя рѣшаются друзья его, ни представленіемъ личной ихъ опасности, ни мыслию о томъ, гдѣ онъ будетъ жить и что дѣлать.

3. Что ему нужно еще сберечь себя для дѣтей, чтобы дать имъ послѣднее воспитаніе. 44. С — 46. А.

Но сынъ Софрониска сперва отвѣчаетъ вообще, что надобно дѣлать одно справедливое, а потомъ разсматриваетъ частный вопросъ, должно ли слѣдовать мнѣнію толпы и рѣшаетъ его такъ, что только мнѣнія людей, знающихъ справедливое и несправедливое, достойны уваженія, и что надобно цѣнить не просто жизнь, а жизнь хорошую. Признавъ же это заключеніе вѣрнымъ, Сократъ идетъ далѣе и полагаетъ два основанія для послѣдующей бесѣды: 1. что несправедливость ни въ какомъ случаѣ не позволительна, хотя бы она была возмездіемъ за несправедливость; 2. что справедливость требуетъ исполненія условій заключеннаго съ кѣмъ-нибудь законнаго договора. 44. С — 50.

Имѣя въ виду эти основанія, Сократъ излагаетъ знаменитую свою просопопею, то-есть олицетворяетъ законы и заставляетъ ихъ изъяснять гражданину-узнику истинныя его отношенія къ отечеству. Вотъ въ чемъ состоятъ онѣ:

1. Гражданинъ долженъ повиноваться законамъ государства; потому что нарушеніе ихъ есть стремленіе погубить и законы и государство. 50. В. С.

2. Договоръ законовъ съ гражданиномъ состоитъ не въ томъ, что бы первые оказывали справедливость послѣднему, — это необходимо

вытекаетъ изъ самаго понятія о законѣ, — а въ томъ, что бы послѣдній повиновался первымъ. Следовательно права ихъ не равны: права законовъ безусловны, а — гражданина — условны; такъ что обязанности въ отношеніи къ законамъ отечества священнѣе обязанностей въ отношеніи къ отцу и матери. 50. D — 51. C.

3. Не смотря на безусловныя права свои, Аѳинскіе законы еще такъ снисходительны, что позволяютъ гражданину испытать себя и, если не понравятся, даютъ ему полную свободу удалиться, куда угодно. За то, когда гражданинъ призналъ ихъ хорошими и однакожь не повинуется имъ; то они уже почитаютъ его виновнымъ въ отношеніи къ себѣ — и какъ родители, и какъ воспитатели, и какъ обязательная сила, управляющая государствомъ. 51. D. — 52. A.

4. Но Сократъ постояннымъ пребываніемъ, долголѣтнею жизнью и рожденіемъ дѣтей въ Аѳинахъ, даже тѣмъ, что во время судопроизводства не обрекъ себя на изгнаніе, — выразилъ свою любовь къ законамъ отечества, и если теперь рѣшается нарушить ихъ, то становится предъ ними безответенъ. 52. B. — 53. A.

5. Да и какое благо пріобрѣтетъ онъ, ушедши изъ отечества? Въ обществахъ благоустроенныхъ онъ будетъ предметомъ презрѣнія, какъ нарушитель законовъ; а въ неустроенныхъ встрѣтятъ его насмѣшки людей развратныхъ,

какъ старика, подвергавшагося такимъ опасностямъ для сбереженія не многихъ лѣтъ дряхлой жизни. Что же касается до дѣтей, то онѣ могли бы быть воспитаны друзьями Сократа столь же хорошо послѣ его смерти, какъ и въ его отсутствіе. Вообще, нарушивъ законы отечества, Сократъ не только не найдетъ покровителей на землѣ, но встрѣтитъ мстителей и въ преисподней; потому что и тамъ подвергнется суду тѣхъ же самыхъ законовъ. 53. В.—54. С.

И такъ, Сократъ, не вѣрь Критону болѣе, чѣмъ намъ, заключаютъ законы, и не дѣлай того, что онъ говоритъ. 54. D. E.

Изъ сего содержанія Сократовой бесѣды съ Критономъ видно, что цѣль ея—апологическая; то-есть, сынъ Софрониска, и приговоренный къ смерти, и заключенный въ темницу, и доживавшій послѣдніе дни, и уже не ожидавшій ничего отъ земныхъ своихъ судей, тѣмъ не менѣе остается точнымъ исполнителемъ отечественныхъ законовъ и истиннымъ чителемъ ихъ предписаній; а по тому приговоръ, произнесенный надъ нимъ, какъ надъ человекомъ гибельнымъ для общества, есть приговоръ не правосудія, — оскорбленіе, нанесенное тѣмъ самымъ законамъ, которые онъ всегда защищалъ и именемъ которыхъ потомъ присужденъ былъ къ смертной казни. Представленію сей цѣли не препятствуетъ то обстоятельство, что бѣжать изъ темницы убѣждаетъ Сократа не

какой-нибудь политикъ или софистъ, а одинъ изъ его друзей, долженствовавшихъ знать строгія правила своего учителя и слѣдовать имъ. Критонъ и Сократъ изображаютъ намъ борьбу чловѣка съ самимъ собою въ рѣшительныя минуты его жизни и вмѣстѣ показываютъ, что одна теорія добродѣтели не сдѣлаетъ никого добродѣтельнымъ, что вѣрное знаніе обязанностей гражданина должно быть оправдываемо законною дѣятельностію, что справедливость какъ въ словахъ, такъ и въ поступкахъ, необходимо равна сама себѣ. На сію-то конечно мысль мѣтитъ егѣдующая иронія Сократа: «можетъ быть это и хорошо было говорено, пока мнѣ не приходилось умереть; а теперь видно обнаружилось, что я говорилъ такъ, для вида, что слова мои на самомъ дѣлѣ были ребячество и болтанье.» р. 46. D.

Впрочемъ, касательно подлинности лица Критонова въ этомъ разговорѣ, критики еще не согласны между собою. Діогенъ Лаерцій приводитъ преданіе (II. 20. 35. 60), что бѣжать изъ темницы предлагалъ Сократу не Критонъ, а Эсхинъ, и что Эсхина Платонъ замѣнилъ Критономъ, въ угодность Аристиппу.

Если этому преданію мы припишемъ нѣкоторое правдоподобіе; то придемъ къ слѣдующему вопросу: разсматриваемый разговоръ есть ли свободное произведеніе ума Платонова, или изложеніе бесѣды дѣйствительно Сократовой?

Очень вѣроятно, что ученики Сократа старались спасти своего учителя отъ смерти и убѣждали его воспользоваться ихъ усердіемъ. Значить, историческая сторона Платонова Критона можетъ быть почитаема почти несомнѣнною. Если же такъ; то Сократу по видимому не иначе надлежало и отвѣчать на представленія своихъ учениковъ, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ отвѣчаетъ въ Критонѣ. Здѣсь частный отгнѣнокъ Платонова генія виденъ только въ идеализаціи закона. Слѣдовательно Платонъ, въ отношеніи къ Сократу, бесѣдовавшему въ темницѣ, былъ не болѣе какъ мимикъ. Но въ такомъ случаѣ, что заставило его замѣнить Эсхина Критономъ? Хотя Аѣиняне, умертвивъ Сократа, раскаялись въ своемъ поступкѣ и память умершаго почтили всенародными почестями; однакожь это не могло случиться скоро. Напротивъ, гораздо вѣроятнѣе, что тотчасъ послѣ его смерти, ненависть Аѣинянъ обратилась и на друзей его: потому-то безъ сомнѣнія почти всѣ они вскорѣ развѣхались изъ Аѣинъ. Соображая эти обстоятельства, можно догадываться, что тогда, какъ Платонъ издавалъ разсматриваемый разговоръ, Эсхинъ, другъ Аристиппа, человекъ молодой, — былъ еще живъ, а Критонъ, по лѣтамъ сверстникъ Сократа, уже умеръ, и что слѣдовательно перемѣна говорящаго лица въ Платоновомъ Критонѣ могла произойти изъ опасенія возбудить противъ Эсхина народную ненависть.

Этимъ отчасти можетъ опредѣляться и время изданія Критона: то-есть, онъ долженствовалъ быть написанъ послѣ смерти Сократа, но прежде нежели народъ воздвигъ ему статую на площади Аѳинской (1).

(1) *Theoph. Adami* diss. de statua Socratis, Atheniensium poenitentiae mouimento publico. Lps. 1745. 4.

Лица разговаривающія :

СОКРАТЬ И КРИТОНЪ.

Сокр. Что такъ пришелъ ты, Критонъ? 43.
Развѣ уже не рано?

Крит. Нѣтъ, очень рано.

Сокр. А сколько времени?

Крит. Глубокое утро (1).

Сокр. Удивительно, какъ темничный сторожъ захотѣлъ услышать и впустить тебя.

Крит. Онъ уже расположенъ ко мнѣ, Сократъ; потому что я часто хожу сюда; да и нѣсколько облагодѣтельствованъ мною.

Сокр. Но ты пришелъ сей часъ, или давно?

Крит. Довольно давно.

Сокр. Такъ для чего тогда же не разбу- в. дилъ меня, а сидѣлъ молча?

Крит. О, клянусь Зевсомъ, Сократъ, что и самъ я не желалъ бы проводить время въ такомъ бодрствованіи и страданіи, и долго

удивляюсь смотря, какъ сладко спишь ты. Мнѣ нарочно не хотѣлось будить тебя, чтобы твое время текло, сколько можно, пріятнѣе. Правда, я и прежде не рѣдко почиталъ щастливымъ нравъ твой, обнаруживавшійся во всей жизни; а теперь, при настоящемъ бѣдствіи — тѣмъ болѣе: какъ легко и кротко ты переносишь его!

Сокр. Но странно было бы, Критонъ, когда бы такой старикъ, какъ я, беспокоился, что ему надобно умереть.

С. *Крит.* Однакожь другіе старики, Сократъ, подвергаясь подобнымъ бѣдствіямъ, не находятъ въ своемъ возрастѣ защиты противъ безпокойствъ о настоящей опасности.

Сокр. Правда; но для чего же ты пришелъ такъ рано?

Крит. Я съ горестнымъ извѣстіемъ, Сократъ — не для тебя, какъ мнѣ кажется, а для меня и всѣхъ ближнихъ твоихъ, — съ извѣстіемъ горестнымъ и убійственнымъ, которое перенести мнѣ было бы, по видимому, тяжелѣе всего (2).

Сокр. Съ какимъ же это? Вѣрно возвратился изъ Делоса тотъ корабль, по возвращеніи котораго мнѣ должно умереть (3)?

С. *Крит.* Не то что бы возвратился, но кажется прибудетъ нынѣ, судя по словамъ людей, пріѣхавшихъ сюда съ Сунійскаго мыса и оставившихъ его тамъ. Да, эти извѣстія

показываютъ, что онъ возвратится нынѣ, и что завтра, Сократъ, тебѣ необходимо уже будетъ окончить жизнь свою.

Сокр. Щастливаго ему возвращенія (4), Критонъ! Пусть будетъ, если это угодно богамъ. Но я не думаю, чтобы онъ прибылъ сего-дня.

Крит. Изъ чего же ты заключаешь? 44.

Сокр. Я скажу тебѣ. Въдъ мнѣ должно умереть на другой день по возвращеніи корабля?

Крит. Господа этого дѣла (5) говорятъ именно такъ.

Сокр. Значить, онъ прибдетъ не въ наступающій день, а завтра: — заключаю изъ сна, который я видѣлъ не задолго (6) въ сію ночь. По этому, должно быть, ты и кста-ти не разбудилъ меня.

Крит. Какой же это сонъ?

Сокр. Мнѣ приснилось, что какая-то красивая и благовидная женщина, одѣтая въ бѣлое платье, подошедши, кликнула меня и сказала: Сократъ! на третій день ты вѣрно в. прибдешь въ холмистую Фтію 7).

Крит. Какой странный сонъ, Сократъ!

Сокр. Да, ясенъ - таки, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, Критонъ.

Крит. Повидимому, ужъ слишкомъ. Но достопочтѣнѣйшій Сократъ! хоть теперь послушайся меца (8) и спасись. Въдъ я, когда

ты умрешь, подвергнись не одному несчастію: кромѣ того, что лишушь друга, какого мнѣ никогда не найти, я покажуоь толпѣ, не довольно знающей меня и тебя, человѣкомъ безпечнымъ, который могъ бы спасти тебя, если с. бы захотѣлъ употребить деньги. При томъ, какая молва можетъ быть постыднѣе той, которая приписываетъ кому-нибудь большую любовь къ деньгамъ, чѣмъ къ друзьямъ! Ибо толпа не повѣритъ, что не смотря на сильное наше убѣжденіе, ты самъ не захотѣлъ выйти отсюда.

Сокр. Но что намъ такъ заботиться о народной молвѣ, добрый Критонъ! Люди честнѣйшіе, которыхъ мнѣніемъ надобно особенно дорожить, будутъ думать, что дѣлу надлежало сдѣлаться такъ, какъ оно могло сдѣлаться.

Крит. Но вотъ ты видишь, Сократъ, что необходимо заботиться и о народномъ мнѣніи: D. настоящее именно событіе показываетъ (9), что толпа можетъ производить не маленькое, а дѣйствительно величайшее зло, когда кто-нибудь бываетъ оклеветанъ предъ нею.

Сокр. Да и надобно, Критонъ, чтобъ она могла производить величайшее зло, дабы имѣть силу и для произведенія величайшаго добра: тогда было бы хорошо. Но теперь она не въ состояніи сдѣлать ни того ни другаго, ни умнаго ни глупаго, а дѣлаетъ, что случится.

Крит. Пусть ужь это такъ; но скажи Е. мнѣ вотъ что, Сократъ: не бережешь ли ты меня и прочихъ друзей своихъ, думая, что если выйдешь отсюда, то ябедники запутають насъ въ бѣду, будто мы похитили тебя, и что намъ необходимо будетъ или бросить здѣсь все свое имущество, а не то, — много денегъ, или сверхъ сего потерпѣть и что-нибудь иное? Если ты въ самомъ дѣлѣ боишься подобныхъ вещей; то оставь свой страхъ. Для спасенія тебя, мы обязаны подвергнуться такой, а если бы понадобилось, и большей опасности. Послушайся же меня и не иначе сдѣлай.

Сокр. И это берегу я, Критонъ, и многое другое.

Крит. Не бойся же этого. Вѣдь и платы-то не много, за которую берутся спасти тебя и вывести отсюда. Такъ не видишь ли самъ ты (10), какъ дешевы эти ябедники и какъ мало для нихъ нужно? Для тебя, думаю, довольно будетъ и моихъ денегъ: если же, заботясь обо мнѣ, ты скажешь, что моихъ употреблять не должно; то живущіе здѣсь иностранцы (11) готовы употребить свои. Одинъ Симміасъ Фивскій принесъ нарочно для сего достаточную сумму; а принесутъ и Кевисъ и другіе очень многіе. По сему спасаясь, тебѣ не должно, говорю, бояться этого. Не затрудняйся и тѣми словами, которыя сказалъ ты въ судѣ (12), что то-есть, вышедши отсюда,

- не найдешь чѣмъ заняться. Вѣдь и въ другихъ мѣстахъ, куда бы ты ни пришелъ, вездѣ полюбятъ тебя: а если хочешь отправиться въ Фессалию; то у меня тамъ есть знакомые, которые будутъ тебѣ очень рады и доставятъ безопасное убѣжище, такъ что въ Фессалии ты ни отъ кого не получишь неудовольствія.
- При томъ, мнѣ кажется, Сократъ, что предавая самъ себя, когда могъ бы спастись, ты рѣшаешься даже на дѣло несправедливое: ты стремишься причинить себѣ то самое, къ чему стремились бы и стремятся враги твои, желающіе тебѣ гибели. Сверхъ сего, ты повидимому предаешь и сыновей своихъ, когда такъ поспѣшно оставляешь ихъ, имѣя возможность дать имъ воспитаніе и образованіе: съ твоей стороны, они будутъ жить, какъ случится; а случится вѣроятно то, что обыкновенно бываесть съ сиротами во время сиротства ихъ. Или уже не надобно рождать дѣтей, или надобно принимать участіе въ вырощеніи и воспитаніи ихъ. Ты кажется избираешь, что полегче; а избрать слѣдовало бы то, что избралъ бы человекъ мудрый и мужественный, по словамъ котораго, вся жизнь должна
- быть посвящена добродѣтели. И такъ я стыжусь за тебя и за насъ друзей твоихъ, представляя, что все твое дѣло будетъ свидѣтельствомъ о какомъ-то нашемъ малодушіи: и внесеніе доноса въ судъ, какъ онъ внесемъ (13,

и самый процессъ, какъ онъ произведенъ, и этотъ конецъ, какъ смѣшная развязка драмы, — все это, будто по какому нерадѣнью и малодушю, ускользнуло отъ насъ, поколику 46. ни мы не спасали тебя, ни ты не заботился о своемъ спасеніи, хотя могли и имѣли силу, если бы съ нашей стороны была и не большая услуга. И такъ смотри, Сократъ, что бы вмѣстѣ съ зломъ не навлечь на себя и на насъ еще стыда. Подумай:— да и думать то нѣкогда; остается принять совѣтъ. А совѣтъ одинъ: все должно совершиться въ слѣдующую ночь; если же нѣсколько промедлимъ, то уже не будетъ ни силъ ни возможности. Непременно послушайся меня, Сократъ, и отнюдь не дѣлай иначе.

Сокр. Любезный Критонъ! ревность твоя в. драгоцѣнна, если можно соединить ее съ справедливостію: а когда не лъзя; то чѣмъ она болѣе, тѣмъ тягостнѣе. Мы должны изслѣдовать, надобно ли это дѣлать, или нѣтъ. Вѣдь я не только нынѣ, но и всегда былъ таковъ, что изъ всего принадлежаго мнѣ, вѣрилъ единственно тому основанію, которое въ моихъ умозаключеніяхъ казалось мнѣ самымъ лучшимъ. А прежде высказанныя мною основанія отвергать я не могу — теперь, когда участь моя довела меня до такого состоянія: напротивъ онѣ представляются мнѣ почти сходными; я и нынѣ уважаю и почитаю тѣже, какія с.

прежде. И такъ, если въ настоящее время мы не найдемъ лучшихъ; то знай, что я никакъ не соглашусь съ тобою, хотя бы сила толпы еще болѣе, чѣмъ теперь, пугала насъ, будто дѣтей, оковами, смертями и отнятіемъ имущества. Но какъ бы намъ изслѣдовать это сообразнѣе съ дѣломъ (14)? Не пересмотрѣть ли напередъ ту причину, которую ты находишь въ мнѣніяхъ? хорошо ли то — есть мы всякій разъ говорили, или не хорошо, что на однѣ изъ нихъ надобно обращать вниманіе, а на другія — не надобно? Впрочемъ, можетъ быть, это и хорошо было говорено, пока мнѣ не приходилось умерѣть; а теперь, видно, обнаружилось, что я говорилъ такъ, лишь бы сказать, что слова мои на самомъ дѣлѣ были ребячество и болтанье. Да, Критонъ, я хочу вмѣстѣ съ тобою рассмотреть, иною ли представляется мнѣ та причина — теперь, когда я нахожусь въ семъ состояніи, или тою же, и надобно ли оставить ее, или слѣдовать ей. А говорено людьми, увѣренными въ дѣятели своихъ словъ, всегда было, по видимому, то самое, что я и теперь сказалъ, то-есть: изъ мнѣній, распространяемыхъ въ свѣтъ, однѣ достойны уваженія, а другія — нѣтъ. Ради боговъ, Критонъ, не кажется ли тебѣ, что эти слова хороши? Ты вѣдь, судя по человѣчески, не завтра умрешь; тебя не отталкиваетъ отъ истины настоящее бѣдствіе. Смотри же, не

дѣльно ли, по твоему мнѣнію, говорится, что не всѣ чловѣческія мнѣнія надобно уважать, но однѣ — такъ, а другія — нѣтъ? и не всѣхъ людей мнѣнія, но однихъ — такъ, а другихъ — нѣтъ? Что скажешь? Не хорошо ли это положено?

Крит. Хорошо.

Сокр. Значить, мнѣнія добрыя надобно уважать, а худыя — нѣтъ?

Крит. Да.

Сокр. Но мнѣнія добрыя не суть ли мнѣнія людей благоразумныхъ, а худыя — безумныхъ?

Крит. Какъ же иначе?

Сокр. Вспомни же, что было сказано: кто занимается гимнастикою и дѣлаетъ это; тотъ в. обращаетъ вниманіе на похвалу, оужденіе и отзывъ каждаго ли чловѣка, или только того, кто случится тутъ изъ врачей, либо палестристовъ?

Крит. Только того.

Сокр. Значить, надобно бояться оужденій и наслаждаться похвалами его одного, а не толпы?

Крит. Очевидно.

Сокр. По этому и дѣйствовать, и заниматься гимнастическими упражненіями, и ѣсть, и пить — лучше такъ, какъ нравится одному знатоку и хвалителю, чѣмъ такъ, какъ хочется всѣмъ другимъ.

Крит. Правда.

Сокр. Хорошо. Но кто не слѣдуетъ этому одному и уничижаетъ его мнѣніе, его похвалы, а напротивъ уважаетъ мнѣнія толпы и невѣжества; тотъ неужели не терпитъ ни какого зла?

Крит. Какъ не терпѣть?

Сокр. Въ чемъ же состоитъ это зло? куда оно направляется? и къ чему приражается въ человѣкѣ непослушномъ?

Крит. Очевидно къ тѣлу; потому что разрушаетъ его.

Сокр. Ты хорошо говоришь. Значить, и другое такимъ же образомъ, Критонъ, чтобы не перечислять всего. То-есть, и въ справедливомъ и несправедливомъ, и въ постыдномъ и похвальномъ, и въ добромъ и зломъ, о чемъ теперь разсуждаемъ, должны ли мы сообразоваться съ мнѣніями толпы и бояться ихъ, или съ мнѣніемъ одного, который знаетъ это и котораго надобно стыдиться и опасаться болѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ, — поколику не слѣдуя ему, испортимъ и обезобразимъ то, что отъ справедливости улучшалось, а отъ несправедливости погибало (15)? Или это ничего?

Крит. Я думаю, Сократъ.

Сокр. Вспомни еще: если, не слѣдуя мнѣнію людей знающихъ, мы разстроили то, что отъ здоровья дѣлается лучшимъ, а отъ болѣзни разрушается; то, по разрушеніи сей вещи —

разумью хотъ тѣло, — живется намъ, или е.
нѣтъ?

Крит. Да.

Сокр. Стало бытъ, живется съ дряхлымъ
и разрушеннымъ тѣломъ?

Крит. О, нѣтъ.

Сокр. А живется ли, когда испорчено то,
что повреждается несправедливостію и исцѣ-
ляется справедливостію? Или это — что ни
разумѣли бы мы въ себѣ подъ именемъ вещи, 48.
въ разсужденіи которой возможна несправедли-
вость и справедливость — по нашему мнѣнію
хуже тѣла?

Крит. Отнюдъ нѣтъ.

Сокр. Значить, дороже?

Крит. И гораздо.

Сокр. Слѣдовательно намъ должно, поч-
теннѣйшій, имѣть столь великую заботливость —
не о томъ, что скажетъ о насъ толпа, а о
томъ, что скажетъ знающій справедливое и
несправедливое: этотъ одинъ и есть истина.
Такъ вотъ первый твой совѣтъ и не годится,
что то-есть въ справедливомъ, похвальномъ,
добромъ и противномъ тому мы обязаны за-
ботиться о мнѣніи толпы. Но вѣдь толпа - то,
возразить кто-нибудь, въ состояніи лишить
насъ жизни?

Крит. Да, и то очевидно; конечно воз- в.
разять, Сократъ.

Сокр. Ты правду говоришь. Но та-то

самая мысль, удивительный человекъ, которую мы теперь раскрывали, мнѣ кажется, и походить на прежнюю (16). Смотри, вотъ и другая: осталась ли она у насъ, или нѣтъ? — То-есть, надобно дорожить не тѣмъ, что мы живемъ, а тѣмъ, что хорошо живемъ.

Крит. Да, осталась.

Сокр. И та осталась, что добродѣтельно, хорошо и справедливо — одно и тоже? Или не осталась?

Крит. Осталась.

Сокр. Давай же, на основаніи принимаемыхъ нами истинъ, изслѣдуемъ, справедливо ли мнѣ пытаться выйти отсюда, противъ воли Аѳинянъ, или несправедливо. Если откроется, что справедливо, попытаемся; а когда нѣтъ, оставимъ это. Что же касается до твоихъ разсужденій о потерѣ денегъ, о мнѣніи, о воспитаніи дѣтей; то онѣ, Критонъ, вовсе не таковы у толпы, которая легкомысленно умерщвляетъ и безъ ума оживляла бы, если бы могла. Нѣтъ, намъ, поколику мы водимся разумомъ, надобно рассмотреть то, о чемъ сейчасъ говорили, то-есть: справедливо ли поступимъ мы, когда заплатимъ деньги, и возблагодаримъ тѣхъ, которые выведутъ меня отсюда?

D. справедливы ли будемъ — и выводящіе и выводимые, или, дѣлая все это, оскорбимъ истину? Если бы такіе поступки оказались несправедливыми; то смотри, чтобы не защищаться и

быть готовымъ лучше умереть, или потерпѣть что-нибудь подобное, оставаясь здѣсь и ничего не предпринимая, нежели умышлять неправду.

Крит. Ты, кажется, очень хорошо говоришь, Сократъ; изслѣдуй же, что намъ дѣлать.

Сокр. Постараемся изслѣдовать общими силами, добрый другъ мой, — и если ты будешь въ состояннн сказать что-нибудь противъ словъ моихъ, говори; я готовъ послушаться тебя: а когда нѣтъ; то оставь уже, любезнѣйшій, Е. непрестанно повторять одно и тоже, — что надобно выйти отсюда противъ воли Аѳинянъ. Для меня дорого быть убѣжденнымъ тобою, что это нужно сдѣлать; лишь бы не сдѣлать нехотя (17). Смотри же, вотъ начало изслѣдованія? удовлетвори ли оно тебя. Постарайся 49. отвѣчать на вопросы, какъ думаешь лучше.

Криш. Хорошо, постараюсь (18).

Сокр. Скажемъ ли мы, что по охотѣ ни какимъ образомъ не должно дѣлать несправедливости, или допустимъ, что однимъ образомъ должно, а другимъ нѣтъ? Согласимся ли, — какъ часто и въ прежнее время соглашались, и сей-часъ говорили, — что оказываніе несправедливости отнюдь не есть ни доброе ни похвальное дѣло, или всѣ тѣ прежнія наши положенія въ теченіе сихъ не многихъ дней уплыли, — и мы, Критонъ, рассуждавшіе нѣкогда другъ съ другомъ серьезно, какъ люди,

в. дожившіе до такой старости, нынѣ забываемся и ничѣмъ не отличны отъ дѣтей? А можетъ быть, напротивъ, не то ли совершенно справедливо, что говорили мы тогда? — То-есть, подтверждаетъ ли толпа, или не подтверждаетъ, надобно ли намъ перенести что-нибудь еще тяжелѣйшее, или легчайшее, — но дѣлать несправедливость несправедливому, какимъ бы-то ни было образомъ, и преступно и постыдно (19). Скажемъ ли это, или нѣтъ?

Крит. Скажемъ.

Сокр. Слѣдовательно дѣлать несправедливость никакъ не должно.

Крит. Ни какъ (20).

Сокр. А если ни какъ не должно; то, вопреки мнѣнію толпы, не должно также и платить несправедливостію за несправедливость?

с. *Крит.* Кажется.

Сокр. Что же теперь (21)? Дѣлать зло, Критонъ, должно или нѣтъ?

Крит. Думаю, не должно, Сократъ.

Сокр. Что еще? Терпя, платить зломъ за зло справедливо ли, какъ говоритъ толпа, или несправедливо?

Крит. Вовсе несправедливо.

Сокр. Конечно по тому, что между дѣланіемъ зла и несправедливостію нѣтъ никакого различія.

Крит. Твоя правда.

Сокр. И такъ никто не долженъ ни воз-

давать несправедливостію за несправедливость, ни дѣлать людямъ зло, хотя бы самъ и терпѣлъ отъ нихъ что-нибудь подобное. Но смотри, Критонъ: соглашаясь съ этимъ, какъ бы не противорѣчить мнѣнію (22). Я вѣдь знаю, D. что такія мысли нравятся и будутъ нравиться не многимъ. Слѣдовательно тѣ, которымъ онѣ нравятся, и тѣ, которымъ не нравятся, не имѣютъ общаго убѣжденія, но одни необходимо презираютъ другихъ, потому что видятъ только собственные помыслы. Всмотрись же хорошенько, точно ли ты согласенъ со мною и одобряешь это: въ такомъ случаѣ примемъ за начало нашего совѣта, что и дѣлать несправедливость, и платить несправедливостію, и страдая, угрожать зломъ за зло — всегда законно. Или ты отступаешься и не принимаешь вмѣстѣ со мною этого начала? Вѣдь мнѣ, что прежде казалось, то и теперь еще кажется: E. если же тебѣ показалось нѣчто иное, — говори и научи; а когда остаешься при прежнихъ мысляхъ, слушай, что слѣдуетъ далѣе.

Крит. Да, я остаюсь при прежнихъ мысляхъ и согласенъ съ тобою: однакожь говори.

Сокр. Вотъ и говорю, что слѣдуетъ далѣе, или лучше спрашиваю: кто сдѣлалъ съ другимъ договоръ касательно чего-нибудь справедливаго; тотъ долженъ выполнить его, или обмануть?

Крит. Выполнить.

Сокр. Сообрази же. Выходя отсюда безъ согласія общества, дѣлаемъ ли мы кому-нибудь зло, и притомъ людямъ всего менѣе заслуживающимъ его, или не дѣлаемъ? и остаемся ли вѣрными законнымъ условіямъ, или нѣтъ?

Крит. Я не могу отвѣчать на твой вопросъ, Сократъ; потому что не понимаю его.

Сокр. Но размотри вотъ какъ: Пусть мы вознамѣрились бы бѣжать, — или какъ иначе назвать это, — вдругъ приходятъ законы и, вступаясь за общее дѣло республики, говорятъ: скажи намъ, Сократъ, что ты это задумалъ? Видно предпринимаемымъ поступкомъ умышляешь, сколько отъ тебя зависитъ, причинить

В. погибель и намъ — законамъ, и цѣлому обществу? Развѣ; по твоему мнѣнію, то общество можетъ еще существовать и не разрушиться, въ которомъ судейскія опредѣленія не имѣютъ никакой силы, въ которомъ онѣ теряютъ свою важность и искажаются людьми частными? Что скажемъ на это и на другое тому подобное, Критонъ? А въ защиту-то поправаго закона, повелѣвающаго уважать произнесенныя имъ опредѣленія, кто-нибудь, особенно риторъ, могъ бы сказать многое. Впро-

С. чемъ не дадимъ ли такой отвѣтъ, что общество сдѣлало намъ несправедливость и не вѣрно обмыслило свое рѣшеніе? Это, или что будемъ отвѣчать?

Крит. Это, вѣнчусь Зевсомъ, Сократъ.

Сокр. Но что сказали бы законы? Сократы развѣ мы и въ этомъ условливались съ тобою, или только въ томъ, чтобы ты былъ вѣрнѣ опредѣленіямъ, которыя произноситъ общество? А если бы мы, слыша слова ихъ, изъявили удивленіе; то они можетъ быть примолвили бы: Сократъ! не удивляйся нашимъ рѣчамъ, но отвѣчай; ты вѣдь привыкъ предлагать вопросы и давать отвѣты. Скажи-ка: за какую D. вину нашу и общественную хочешь погубить насъ? Во-первыхъ, не мы ли родили тебя? Не чрезъ насъ ли твой отецъ женился на твоей матери и далъ тебѣ жизнь? Говори же, порицаешь ли ты за какіе-нибудь недостатки тѣ изъ насъ — законовъ, которыми скрѣпляются брачные узы? — Не порицаю, сказалъ бы я. — А тѣ, которые завѣдываютъ воспитаніемъ и образованіемъ рожденнаго, и подъ управленіемъ которыхъ образованъ самъ ты? Развѣ законы, завѣдывающіе сими дѣлами, нехорошо предписали, чтобы твой отецъ научилъ тебя музыкѣ и гимнастикѣ? — Хорошо, отвѣчалъ бы я. — Конечно; но получивъ бытіе, воспитаніе и образованіе, можно ли тебѣ во-первыхъ сказать, что ты и не потомокъ нашъ и не рабъ? Можешь ли сказать это и за себя и за своихъ предковъ? А если такъ, то думаешь ли, что твои и наши права равны? Думаешь ли, что когда мы рѣшаемся предпи-

*

сать тебѣ какое-нибудь дѣло, — ты имѣешь пра-
 во противудѣйствовать нашимъ предписаніямъ? Да твое право не равнялось и праву твоего
 отца, и праву господина, если онъ былъ у
 тебя; ибо, страдая, тебѣ непозволительно было
 подвергать страданію, слушая брань, противо-
 рѣчить, принимая побои, бить, — и многое
 81 тому подобное. Ужели же позволительно тебѣ
 дѣлать эго въ отношеніи къ отечеству и за-
 конамъ, такъ что, когда мы, опираясь на свое
 право, намѣреваемся погубить тебя, ты рѣша-
 ешься, сколько отъ тебя зависить, погубить
 насъ — законы и отечество, и говоришь, что
 твой поступокъ справедливъ, — говоришь ты,
 ревнитель истины и добродѣтели? Такова-то
 твоя мудрость! Ты забывъ, что отечество по-
 чтеннѣе и матери, и отца, и всѣхъ предковъ;
 в что оно досточтимѣе, священнѣе, выше ихъ
 и предъ богами, и предъ людьми умными; что
 предъ нимъ должно благоговѣть и, когда оно
 гнѣвается, покорствоваться и угождать ему болѣе,
 чѣмъ отцу; что повелѣваетъ ли оно дѣлать, —
 надобно или уговорить его, или дѣлать, пред-
 писываетъ ли страдать, — надобно страдать,
 притомъ молча. Пусть оно бьетъ, налагаетъ
 оковы, ведетъ на войну для ранъ и смерти,
 надобно исполнять. — И вотъ справедливость:
 не уклоняться, не отступать, не оставлять сво-
 его мѣста, но и на войнѣ, и въ судѣ, и вездѣ
 с дѣлать то, что повелѣваетъ общество и отече-

ство; или ужь показать ему, въ чемъ состоятъ существо справедливости. Насиліе же и въ отношеніи къ отцу и матери нечестиво; а въ отношеніи къ отечеству оно еще хуже. Что скажемъ на это, Критонъ? Правду ли говорятъ законы, или нѣтъ?

Крит. Да, кажется.

Сокр. Смотри же Сократъ, продолжая бы вѣроятно законы, истинны ли слова наши, что, намѣреваясь совершить противъ насъ настоящій поступокъ, ты не правъ. Родивъ, воспитавъ, образовавъ тебя и давъ тебѣ, какъ и прочимъ гражданамъ, все зависѣвшее отъ насъ D. прекрасное, мы однакожь публично предоставили на волю каждаго Аѳинянина выдержать испытаніе (33), узнать дѣла общества и насъ—законы, и, если кому не нравимся, взять свое имущество и удалиться, куда угодно. Въ этомъ случаѣ некоторый изъ насъ—законовъ не препятствуетъ и не запрещаетъ вамъ, если хотите, переселиться въ колонію (34), какъ скоро ни мы, ни общество—не по мыслямъ, а оттуда перевхать въ какое угодно иное мѣсто и взять свое имущество. Но кто изъ васъ, видя, какъ мы рассматриваемъ судебныя дѣла и управляемъ обществомъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, остался; тотъ у насъ почитается E. уже такимъ человѣкомъ, который далъ намъ согласіе на самомъ дѣлѣ—исполнять все, что бы

ни было приказано, и если онъ не послушенъ, то мы признаемъ его втройгъ виноватымъ: — и по тому, что не повинуется намъ, какъ родителямъ, и по тому, что оскорбляетъ насъ, какъ воспитателей, и по тому, что согласившись слушаться насъ, и не слушается и не показываетъ намъ, что мы въ чемъ-нибудь поступаемъ худо.

52. Между тѣмъ какъ съ нашей стороны только предлагается, а не предписывается строго исполнять то, что приказываемъ, только позволяется одно изъ двухъ — или доказать намъ, или исполнить, — онъ не дѣлаетъ ни того ни другаго. Этими же обвиненіямъ подвергнешься и ты, Сократъ, какъ скоро совершишь то, что замышляешь, — подвергнешься и ты не только не меньше прочихъ Аѳинянъ, но еще больше чѣмъ они. А если бы я спросилъ ихъ: почему это такъ? — то они можетъ быть справедливо укорили бы меня и сказали: по тому, что ты далъ намъ это согласіе предпочтительно предъ

в. другими Аѳинянами. Они сказали бы: Сократъ! у насъ есть важныя доказательства, что и мы, и общество — тебѣ нравились; ибо ты, вѣроятно, не жилъ бы здѣсь отлично отъ всѣхъ Аѳинянъ, если бы не имѣлъ столь же отличнаго расположенія къ мѣсту своего жительства. Ты никогда не оставлялъ города даже и для общественныхъ праздниковъ (25); развѣ только ходилъ на Истмъ; никогда не отправлялся въ другія мѣста, развѣ сражаться;

никогда не предпринималъ и путешествій, какъ дѣлають многіе. У тебя не было охоты познакомиться съ иными обществами и иными законами (вѣ: мы и наше общество удовольствовались тобой. Вотъ какъ ты предпочиталъ насъ и соглашался управляться нами! Да и дѣтей родилъ здѣсь, потому что здѣшнее тебѣ нравилось. При томъ, во время самаго судопроизводства, если бы тебѣ хотѣлось, въ твоей власти было обречь себя на изгнаніе; — и тогда ты сдѣлалъ бы тоже самое съ согласіемъ общества, что теперь предпринимаешь противъ его воли. Между тѣмъ, тогда ты показывалъ видъ, будто не оскорбляешься, если тебѣ надобно умереть, и говорилъ, что смерть предпочитаешь ссылку: а теперь и твоихъ словъ своихъ не стыдишься, и насъ — законовъ не совѣстишься, но умышляешь намъ погибель; теперь ты дѣлаешь то, что сдѣлалъ бы самый негодный рабъ, потому что рѣшаешься бѣжать, вопреки условіямъ и согласію управляться нами. И такъ, сперва отвѣчай правду ли мы говоримъ, утверждая, что ты обѣщался слѣдовать намъ, хоть не словомъ, такъ дѣломъ, или неправду. Что скажемъ на это, Критонъ? Не приходится ли согласиться?

Крит. Необходимо, Сократъ.

Сокр. Значитъ, ты нарушаешь заключенныя съ нами условія, сказалъ бы опи, и забываешь

о своемъ согласіи, которое далъ и не по необходимости, и не по дѣйствию обмана, и не по тому, что имѣлъ мало времени для размышленія. Въ продолженіе семидесяти лѣтъ, тебѣ можно было бы удалиться, если бы мы не нравились, или, если бы твое согласіе казалось несправедливымъ. Такъ нѣтъ, ты не предпочелъ ни Лакедемона, ни Крита, которые всякій разъ признавалъ благоустроенными (87), и никакого инаго Эллинскаго или Варварскаго общества: ты рѣже оставлялъ свое отечество, чѣмъ хромыя, слѣпые и другіе калеки. Очевидно, что тебѣ болѣе, нежели прочимъ Аѳинянамъ, нравились — наше общество и мы законы; ибо кому понравилось бы общество безъ законовъ? И вотъ теперь одна вещь ты не стоишь въ своихъ обѣщаніяхъ? — Нѣтъ, Сократъ, насъ - то ты слушаешься и не уйдешь изъ общества, что бы сдѣлаться предметомъ смѣха. Разсмотри - ка хорошенько: совершивъ свое преступленіе и уклонившись отъ своего долга, какое благо доставишь ты себѣ, или друзьямъ своимъ? Что друзья твои подвергнутся также необходимости бѣжать и лишиться отечества, или потерять имущество, — это почти вѣрно. А самъ ты? — положимъ во первыхъ придеши въ которое - нибудь изъ ближайшихъ обществъ, въ Фивы или Мегару, потому что оба онѣ отличаются благоустрой-

ствомъ: но туда явишься ты, Сократъ, какъ врагъ ихъ учрежденій; и ты, на которыхъ возложено попеченіе о сихъ обществахъ, будутъ смотреть на тебя съ недоувѣрчивостію, какъ на разрушителя законовъ. Значитъ, твой поступокъ только подтвердитъ мнѣніе судей, что ихъ приговоръ надъ тобою, должно быть, справедливъ; ибо кто нарушаетъ законы, тотъ безсомнѣнія можетъ показаться развратителемъ юношей и глупцовъ. Положимъ опять, что ты постараяешься бѣгать обществъ благоустроенныхъ и людей порядочныхъ: но дѣлая это, стоитъ ли тебѣ жить на свѣтъ? Приближаясь къ нимъ, развѣ тебѣ не стыдно будетъ собственныхъ своихъ словъ? — и какихъ словъ, Сократъ! — тѣхъ, которыя ты говорилъ здѣсь, что добродѣтель и справедливость, политическія учрежденія и законы — для людей весьма важны: Не ужели не думаешь что тогда Сократъ явится челоукомъ презрѣннымъ (28)? И вѣдомо. Положимъ также, что, вырвавшись изъ этихъ мѣстъ, ты придеши въ Фессалію, къ Критоновымъ знакомымъ: тамъ-то уже вслѣдствіе неустройства и своеволіе; тамъ можетъ быть не безъ удовольствія будутъ слушать, какъ забавно бѣжалъ ты изъ темницы, завернувшись въ какой-нибудь плащъ, или одѣвшись въ шубу, либо во что другое, по обычаю бѣглецовъ, и такимъ образомъ измѣнивши свою наружность. Но и тамъ

ужели никто не скажетъ, что ты, въ старыхъ лѣтахъ, доживая, по всей вѣроятности, не-
 Е. большой остатокъ своего времени, дерзнулъ такую скользкою дорогою усиленно искать жизни и преступить великіе законы? Можетъ быть, — если никого не оскорбишь: а не то, — услышишь, Сократъ, много и такого, что не достойно тебя. Ты будешь жить, принаровняясь ко всемъ людямъ и служа имъ. Да и что тебѣ дѣлать въ Фессалии, если не провать, пріѣхавъ туда будто на балъ? А гдѣ рѣчи о справедливости и другихъ добродѣтеляхъ — куда дѣнутся у насъ? Но представимъ, что твоя жизнь будетъ посвящена воспитанію и образованію дѣтей? Такъ чтожь? Они воспитаются и образуются, перешедши ли въ Фессалию и сдѣлавшись иностранцами, чтобы и этимъ быть обязанными тебѣ? или, не подвергаясь такому переселенію и воспитываясь при твоей жизни, получать лучшее воспитаніе и образованіе въ твоёмъ отсутствіи, то-есть, когда объ нихъ будутъ заботиться друзья твои? Но если твой друзья примутъ ихъ на свое попеченіе, по отшествіи твоёмъ въ Фессалию; то почему не попечутся объ нихъ, по отшествіи твоёмъ въ преисподнюю? И вѣдомо; — какъ скоро ты, которые называютъ себя твоими друзьями, искренно хотятъ услужить тебѣ. Такъ Сократъ; повинувъсь намъ — воспитателямъ твоимъ, не ставъ выше справедливости

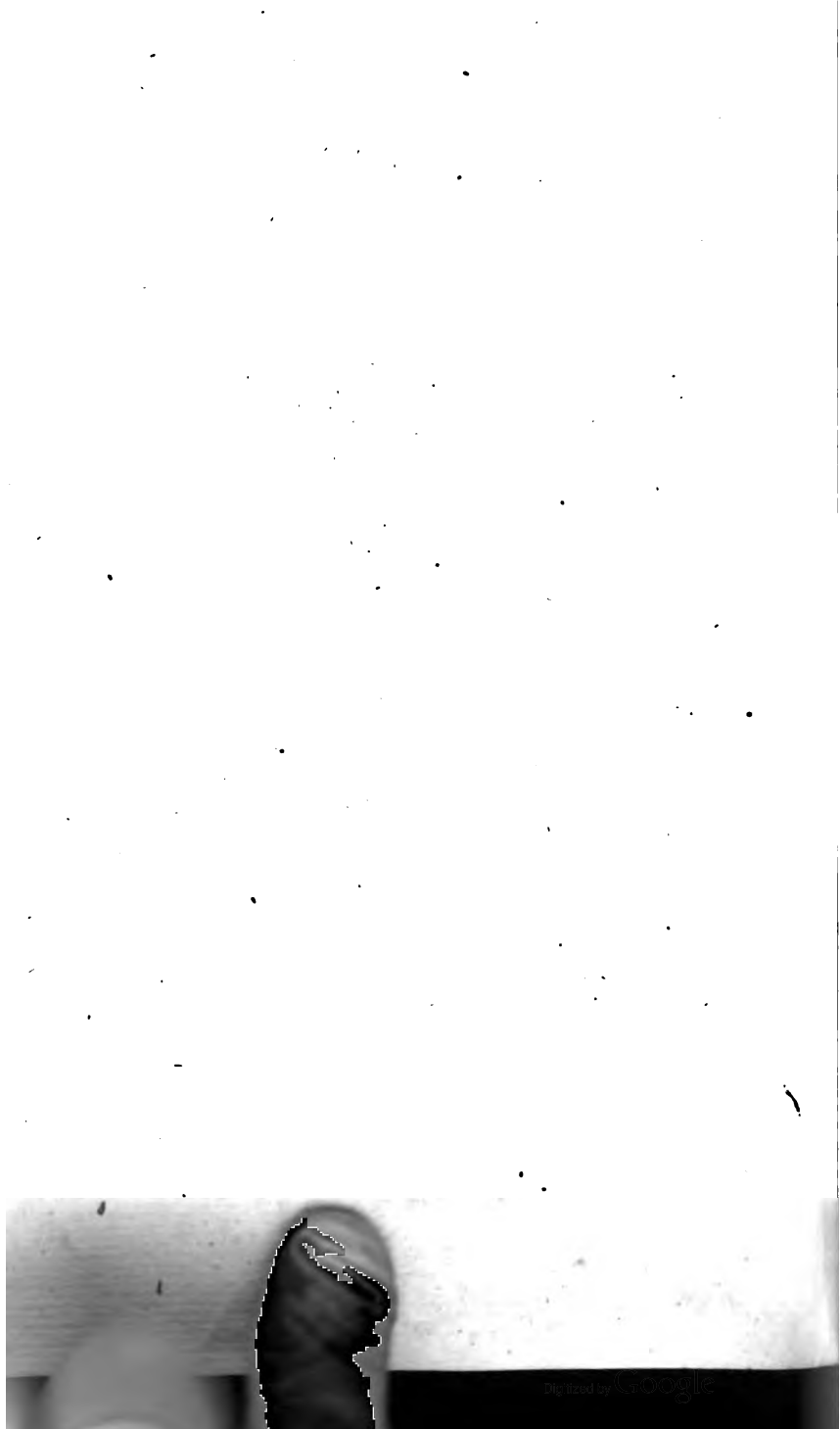
ни дѣтей, ни жизни и ни чего другаго, чтобы, сошедши въ преисподнюю, мочь въ свое оправданіе сказать все это властимъ ея. Твой поступокъ, видишь, и здѣсь не общаетъ ничего хорошаго, справедливаго и святаго, какъ тебѣ, такъ и твоимъ бѣжнимъ, и по пришествіи туда не встрѣтитъ тебя ни чѣмъ хорошимъ. Если ты теперь отойдешь; то отойдешь обиженнымъ — не отъ насъ законовъ, а отъ людей: напротивъ, если уйдешь и такъ с. постыдно воздашь обидою за обиду, зломъ за зло, нарушивъ свои обѣщанія и договоръ съ нами и сдѣлавъ зло тѣмъ, которые менѣе всего виноваты, то-есть, себѣ, друзьямъ, отечеству и намъ; то во время твоей жизни будемъ гнѣваться на тебя мы, а послѣ неблаго-склонно примутъ тебя наши братья — законы преисподней, зная, что ты, сколько отъ тебя зависѣло, умышлялъ на нашу гибель. Не вѣрь же Критону болѣе, чѣмъ намъ, и не дѣлай того, что онъ говоритъ.

Вотъ слова, любезнѣйшій другъ, Критонъ, d. которыя я, кажется, слышу, какъ изступленные жрецы слышатъ флейту (28)! Звукъ этихъ словъ такъ поражаетъ меня, что я не могу внимать ничему другому. Знай же, что ты напрасно бы говорилъ, если бы сталъ утверждать что-нибудь противъ настоящаго моего мнѣнія. Впрочемъ если можешь сказать болѣе, говори.

Крит. Нѣтъ, Сократъ, не могу.

Е. *Сокр.* Такъ перестань, Критонъ; сдѣлаемъ
то, къ чему ведетъ Богъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ

Х А Р М И Д У.

(1) 153 А. *Въ обычныхъ листа собранія собственниковъ, ἐπὶ τὰς ξυνήτας διατριβάς. Διατριβὴ* означаетъ и мѣсто, въ которое люди сходятся для провожденія времени, и самый образъ проводить его, особенно разговоръ (Gorg. р. 484. E. Apol. Socr. р. 178. 41. А.). Къ мѣстамъ сего рода въ Греціи относились, между прочимъ, гимназій и палестры, или такія заведенія, въ которыхъ юноши стеклись для упражненія тѣлесныхъ силъ, а пожилые для развлечения и бесѣды. Одна изъ такихъ палестръ называлась Тавревою, по имени ея основателя (interpret. ad Lucian. de parasit. § 43), и находилась близъ храма Διὸς Σωτήρος, или Ἐλευθερίου, при которомъ, по словамъ Меурсія (Lectt. Att. VI. 17), устроенъ былъ царскій портикъ, βασιλικὴ στοά. См. Euthyphr. р. 2. А. и примѣч. къ эт. м.

(2) 153. В. *Какъ человекъ пылкій, αἴτι καὶ παυιδὸς ὄν.* Значеніе слова *παυιδὸς* и характеръ Лереюна ясно определяются въ анологіи Сократа

р. 21. А. *ἴστε δὴ, οἷος ἦν χαιρέφῶν, ὡς σφοδρὸς ἐφ' ᾧ τι ὀριζόμεν,* то-есть живой, быстрый, пылкій.

(3) 153. С. *Такъ ты участвовалъ въ битвѣ, παρευέμεν μὲν,—τῇ μάχῃ!* Частицу *μὲν* Стефанъ напрасно замѣняетъ другою *μήν*: *μὲν* часто употребляется и въ рѣчи вопросительной. (*Heindorf. ad Theaet. § 49. Elmstleius ad Eurip Med. v. 1098*); только вопросъ въ такомъ случаѣ не предполагаетъ отвѣта либо положительнаго либо отрицательнаго, но предшествуетъ непременно положительному. На пр. *ὕγιαίνεις μὲν*; не значить: *здоровъ ли ты, или нѣтъ? но — ты конечно здоровъ?* Въ такомъ же смыслѣ употребляется при вопросахъ частица *πῃ*, съ тѣмъ только различіемъ, что увѣренность лица вопрошающаго въ положительномъ отвѣтѣ, частицею *πῃ* нѣсколько ограничивается; на пр. *ὕγιαίνεις πῃ*, ты вѣроятно здоровъ?

(4) 154. А. *До твоего отъезда оны не были еще на возрастъ.* Потидея отложила отъ Аѳинской республики за 432 года, а здалась за 429 до Р. Х., и находилась въ осадѣ болѣе двухъ лѣтъ. *Thucyd. 11, 70.* Въ продолженіе этого времени Хармидъ вышелъ изъ дѣтскаго возраста.

(5) 154. В. *Въ отношеніи къ красавцамъ я просто бѣлый шнуръ, ἀτεχνῶς γὰρ λευκῇ σάδιτι εἰμι πρὸς τὰς καλὰς.* Сократъ уподобляетъ себя шнуру отвѣса, употребляемаго плотниками. Когда шнуръ бѣлый, не натертъ никакимъ цвѣтнымъ веществомъ; то напрасно стали бы отбивать пилъ черту на бѣломъ камнѣ; она не будетъ замѣтна. По свидѣтельству Схолиаста, выраженіе *ἐν λευκῷ λίθῳ λευκῇ*

σάδμῃ было пословицею, которая употреблялась тогда, когда кто-нибудь одно неизвестное хотѣлъ определять другимъ неизвестнымъ. Сравни. *Eustath. ad Iliad. p. 1022 sq. ed. Rom.*

(6) 154. D. *А еслибы онъ захотѣлъ раздѣться.*

Надобно замѣтить, что разговоръ идетъ въ палестрѣ, гдѣ юноши, для гимнастическихъ упражненій, снимали съ себя одежду. Къ этому же обстоятельству принаровнены и слѣдующія слова Сократа: *такой человекъ, по вашимъ словамъ, непреодолимъ, ἀμαχος*, то-есть, такого человека никто въ палестрѣ преодолѣть не можетъ.

(7) Ib. E. *Не раздѣть ли намъ ее? τί εἶναι ἀπεδύομεν αὐτὸ τῆτο;* то-есть *τὴν ψυχὴν*. О такомъ словосочиненіи см. 165 примѣч. къ Протагору.

(8) 155. A. *Къ толужь онъ философъ, да еще и очень поэтический, φιλόσοφος—καὶνὸν ποιητὴς.* Подъ именемъ философа поэтического Платонъ, кажется, разумѣлъ такого умствователя, который философскія свои понятія обыкновенно облачаетъ въ поэтическія формы, или котораго умъ, не вдаваясь въ глубокія изслѣдованія и утомительный анализъ истинъ, ограничивается однимъ схематизмомъ ихъ и даетъ волю воображенію. Тонъ и направленіе рѣчи ясно показываютъ, что Критіасъ самъ не замѣчая, смѣется надъ Хармидомъ, или вообще надъ молодыми людьми, у которыхъ въ головѣ философія, по Греческой пословицѣ, какъ гончарня въ бочкѣ. Они какъ будто умствуютъ очень свысока; а на дѣлѣ выходятъ чистыя мечты.

(9) 155. D. Не переведенныя мною слова *εἶδόν τε τὰ ἐντός τῆ ἰματίου καὶ ἐφλεγοῦσαν* надобно поставитъ въ связь съ словами Критіаса: *а если бы онъ захотѣлъ раздѣться*. Сократъ намекаетъ, что, говоря о красотѣ Хармида, онъ разумѣетъ не одно лицо, но все тѣло, такъ какъ бы смотрѣлъ на него раздѣтаго. Цѣль сего выраженія — противоположить красоту души, или гармонію всѣхъ силъ ея, красотѣ тѣла, или симметріи всѣхъ частей его. По сему Астъ, не обративъ вниманія на обстоятельства рѣчи, на обычай Греческой палестры и на иронію Сократа, напрасно смотритъ слишкомъ съ худой стороны на это мѣсто разговора.

(10) *ibid.* *Вышелъ изъ себя, οὐκ ἐν ἑμαυτῷ ἦν*, то-есть *οἰμῶ*; *pondum mentis compos sui*, или, какъ говорятъ Германцы: *ich war ganz aus dem Häuschen*.

(11) *ibid.* Кидіасъ былъ поэтъ; но его стихотворенія не дошли до насъ. Кромѣ настоящихъ словъ, приписываемыхъ ему Платономъ, Плутархъ упоминаетъ о его сочиненіи по случаю солнечнаго затмѣнія (*de Facie in orbe lunae* p. 931.)

(12) 156. C. *Что такъ говорятъ и такъ бываетъ, ὅτι ταῦτα ἕτω λέγουσι τε καὶ ἔχουσι*. Слово *ταῦτα* нерѣдко въ одномъ и томъ же предложеніи бываетъ вмѣстѣ именительнымъ и винительнымъ падежемъ, поколику поставляется въ связь съ различными глаголами; такъ на пр. *de Rep.* III. p. 414. D. *Ἐσπερ̄ δουείρατα ἔδωκεν πάντα ταῦτα πάσχου τε καὶ γίγνεσθαι περὶ αὐτῶς*. Подобныя выраженія не чужды и Латинскому языку; на пр. *Sallust. Jug.* 14.

§ 16. Omnia, quae aut amisi aut ex necessariis adversa facta sunt,

(13) 156. D. *Отъ Фракіійца, одного изъ врагѣй Замолксисовыхъ.* Замолксисъ, родомъ Готъ или Скиѣъ, по свидѣтельству Діогена Л. (in vita Pythag.), былъ ученикомъ Пиеагора, путешествовадеъ вмѣстѣ съ нимъ въ Египетъ, изучилъ Египетскіе обряды и, возвратившись въ свое отечество, пользовался такимъ уваженіемъ, что по смерти былъ обоготворенъ. Скиѣы или Фракіійцы приносили ему въ жертву людей и называли это посольствомъ къ Богу. *Hesich. v. Ζάμολξις.* Порфирій и Ямблихъ говорятъ о двухъ Замолксисахъ и существованіе одного, основываясь на свидѣтельствѣ Геродота L. IV., возводить выше Пиеагора, а другаго называютъ его слугою. Съ этимъ показаніемъ вѣроятно стоитъ въ связи и показаніе Гермиппа, что Пиеагоръ въ своей философіи многое заимствовалъ у Фракіійца. *Vossius de sect. phil. c. 3. § 1. 199.* Врачи Замолксисовы, по крайней мѣрѣ по мнѣнію древнихъ Грековъ, составляли касту, подобную Греческой кастѣ Асклепіадовъ, и, говорятъ, могли дѣлать людей безсмертными, *ἀθανατίζου*; то - есть не только исцѣляли тѣлесныя болѣзни, но и души сообщали безсмертіе, уча, что она не умираетъ, и посылая ее къ своему Замолксису, для наследованія вѣчной жизни.

(14). 157. A. *А эти приговоры суть прекрасныя рчи.* Подобнымъ образомъ *Eurip. Hippolyt. v. 480: εἰσὶν δ' ἐπὶ φῶται καὶ λόγοι θελμητέριοι. φανήσεται τι τῆσδε φάρμακον λόγῳ.* На эти слова мѣтять, кажется, и Гораций, *Epist. 1. 1, 34: sunt verba et voces,*

quibus hunc lenire dolorem possis, et magnam tibi deponere partem.

(15) 157. С. О значеніи слова *ἔριαιον* см. 10 примѣч. къ Эвтид.

(16) 158. А. *На твердой земли, ἐν τῇ ἡτείρῃ*
Подъ именемъ твердой земли Греки разумѣли Персію и вообще всю Азію. Xenoph. Hellen. I, 2, 11. III, 1, 5. Isocr. Panegyг. § 155 ed. West.

(17) 158. В. *Из Авариса Иперборейца*. Аврисъ — лицо мифологическое. Родою онъ былъ Скивъ и, говорятъ, описалъ путешествіе Аполлона къ Иперборейцамъ, за что получилъ отъ него золотую стрѣлу, на которой леталъ во всѣ страны свѣта съ чрезвычайною быстротою и чрезъ которую вездѣ предсказывалъ будущее. По этой причинѣ онъ получилъ названіе *αἰθροβάτης*, воздухолетателя. Языкикъ почитаетъ его ученикомъ Пинеагора, къ которому онъ будто бы прилеталъ на своей стрѣлѣ. См. Woss. de poet. gr. p. 16. 17.

(18) 158. С. *Потому не безъ благородства означалъ, ἔλατα καὶ ἐκ αἰθρῶν ἀλεξείω*. Здѣсь послѣ *ἔλατα* надлежало бы читать *δέ*; потому что въ прозаикѣ стоитъ *μέν*: но послѣ *κρίβος μέν* и другихъ подобныхъ формулъ, *ἔλατα* частицы *δέ* не принимается. См. Phaedon p. 86. E. Protag. p. 359. E. Demosth. Median. p. 45. ed. Buttm. al.

(19) 158. D. *И оболгу, ψευδῆ ἐπιδείξω*, надобно читать *ἀποδείξω*. Подобное употребленіе этого глагола весьма обыкновенно. См. Symp. p. 179. C. Gorg.

р. 516. А. С. Theact. р. 164. D. 166. А. et al. См. *Stalbaum ad Phaedr.* р. 278. С.

(20) 159. В. *Можетъ быть, ты и хорошо говоришь, ἀρ' ἔν—ἐν λέγεις*; Штальбомъ здѣсь пишетъ знакъ вопрошенія: но логическая связь понатій не позволяетъ принять его; а потому, кажется, надобно читать ἀρ' ἔν...

(21) 159. D. *Когда медленно, не проворно и тихо, τὰ δὲ βραδέως μόγεις τε καὶ ἡσυχῇ*. Этотъ текстъ очевидно поврежденъ; такъ что или βραδέως, или μόγεις какъ будто лишнее. По сему Гейндорфъ совѣтуетъ выпустить βραδέως, Штальбомъ—μόγεις. Но мнѣ кажется, то и другое слово можетъ здѣсь имѣть значеніе, надобно только читать текстъ слѣдующимъ образомъ: τὰ δὲ βραδέως τε καὶ μόγεις καὶ ἡσυχῇ...

(22) 160. D. *Въ ходьбѣ ли то, въ разговорѣ, или въ землѣ другомъ; и тогда тихую жизнь...* Это мѣсто я перевожу по тексту Штальбома: οὔτε ἐν βαδισμῷ οὔτε ἐν λέξει οὔτε ἀλλοθι ἕδαμῶ, οὐδὲ ὁ ἡσύχιος βίος... Чтеніе сихъ словъ у Гейндорфа, Шлейермахера и Беккера... ἕδδ ἀλλοθι ἕδαμῶ ἕδδεν ὁ ἡσύχιος βίος очевидно не вѣрно; потому что ἀλλοθι ἕδαμῶ не можетъ быть оторвано отъ предыдущихъ словъ ἕτε ἐν βαδισμῷ ἕτε ἐν λέξει; а слѣдующее ἕδδεν явно есть ἕδδ и соотвѣтствуетъ высшему ἕδδ ταύτη σωφροσύνη ἂν εἶη...

(23) 161. А. См. *Plat. Lach.* р. 201. В.

(24) 161. D. *И васъ дѣтѣи учить тому же, ἡ ὑμᾶς τὰς παῖδας διδάσκων. ἡ* здѣсь совсѣмъ не-

кстати и, кажется, должно быть замѣнено словомъ *καί*. При томъ, въ концѣ выраженія надобно подразумѣвать *ᾠσαύτως*, то - есть *τὰ ὑμέτερα δνόματα μόνον γραφῆν καὶ ἀναγιγνώσκην*. Далѣе: *Вы хвастались за многое, ἐπολυπραγμονήετε*. — *Πολυπραγμονῆεν*, in aliena re curiosum esse, очевидно противопоставляется выраженію *τὰ ἑαυτῆ πράττην*, слѣдовательно *σωφρονῆεν*. Такъ Gorg. р. 526. *С. φιλοσοφῆ τὰ αὐτῆ πράξαντος καὶ μὴ πολυπραγμονήσαντος ἐν τῷ βίῳ*. Cicero de offic. 1. 34. 125. *peregrini autem atque incolæ officium est nihil praeter suum negotium agere, nihil de alieno anquirere minimeque esse in aliena re publica curiosum*. Сравн. *Veier. ad libr. 1. 9. 29*.

(25) 162 D. *Не ршшалсь самъ дать ответъ въ претенш, βυλόμενος μὴ αὐτὸς ὑπέχην λόγον, ἀλλ' ἐκῆνον, τῆς ἀποκρίσεως*. Здѣсь ἀλλ' ἐκῆνον безъ сомнѣнія глоссема, и въ переводѣ должно быть выпущено.

(26) *ibid*. *Будто поэтъ на актѣра, когда онъ худо декламируетъ его стихотворенія, ὡπερ ποιητῆς ὑποκριτῆ κακῶς διατιθέντι τὰ ἑαυτῆ ποιήματα*. Слово декламировать *διατιθέναι* или *διατίθεσθαι* прилагалось не къ одному актѣру ὑποκριτῆ, но также къ рапсодамъ и ораторамъ; на пр. *Legg. 11. р. 658. φαφθδὸς καλῶς Ἰλιάδα Ὀδύσσειαν διατιθείς*. *Diodor. XV. 7. ἔπειπε τὸς εὐφωνοτάτους τῶν ὑποκριτῶν διαθροσμένους μετ' ᾠδῆς τὰ ποιήματα*.

(27) 163 B. *Никакая работа не есть божественн.* Этотъ стихъ у *Исиода opp. et dd. v. 309*. читается слѣдующимъ образомъ: *ἔργον δ' ἄδεν δυνειδος, ἀεργίη δὲ τ' δυνειδος*. Слово *ἄδεν* въ немъ относится не къ

нерѣдко есть тоже, что *cella*. Переводя *οἰκῆμα* словомъ «лавочка» я поставлю это слово въ связи съ *lupanar* и разумѣю постыдный обычай у древнихъ Грековъ—устроить торговыя мѣста для блудодеянія, *τέγη* или *στέγη*, иначе *κλισία*, *οἰκῆματα* и *ἐργαστήρια*. *Chrysost. homil. de Babyla, et in Mathaeum 31. In pergulis stare solilas (meretrices), multorum artificum more, ut in officinis, ex Plauto notum.*

(29) *ibid. Вѣдомо не такъ, ἢ οἶεσθαι γε χρῆ.*
См. 98 прил. къ Протаг.

(30) 164. В. *Καίμεται μὲν σοὶ τὸν ὄφελος...*
εἰ δοκεῖ τί σοι... *Τι* относится не къ *ὄφελος*, какъ думаетъ Штальбомъ, а къ глаголу *δοκεῖ*. Подобнымъ образомъ это мѣстоимѣніе употребляется *Cratyl. p. 432. Α. εἰάν τι ὄφελόμεν ἢ προσθόμεν ἢ μεταθόμεν τι.*

(31) 164. Е. *Человекъ, поселившій Дельфамъ свою надпись, ἀνέθηκεν ὁ ἀναθεῖς. Ανατίθεσθαι* имѣю различныя значенія: оно значило *переставить*, напр. игральную кость, отсюда *пересмотрѣть*, какъ выше 164 D; оно значило также *возложить*, или *повѣсить*, напр. даръ Богу на стѣнѣ храма, отсюда *ἀναθήματα*, посвященные дары или жертвы.

(52) 165 А. *Порука возлѣ изливны, ἐγγύη, παρά δ' αἴτη.* Схематизмъ объясняетъ это изреченіе слѣдующимъ образомъ: *παροιμία ἐγγύη παρὰ δ' αἴτα, ἐπὶ τῶν ῥαδίως ἐγγυαμένων καὶ κακῶς ἀπαλλοτριόντων. Λέγουσι δ' αὐτὸ ἐν Δελφοῖς γυροφθαί. Οἱ δ' εἶπον αὐτὴν ἐχθρὸς ἔχουσαν ἐγγύη ἀποδοῦναι καὶ παρέχειν μάρτυρα τῶν ἐπιτηδίων τῶν ἐπιθυμούντων, κ. τ. λ.*

(33) 165 В. *Μογὺ σογласителσ съ тобою, ὁμολογήσαντός σου.* Съ контекстомъ рѣчи сообразитѣ было бы читать ὁμολογήσοντος σοί. Такъ думаетъ и Гевзде; а Беккеръ, удержавъ ὁμολογήσαντός, измѣняетъ только σὺ на σοί.

(34) 167 А. *Въ третій и послѣдній разъ, τὸ τρίτον τῷ Σωτῆρι. Schol. τὸ τρίτον τῷ Σωτῆρι ἐπὶ τῶν τελείως τι πραττόντων, τὰς γὰρ τρίτας σπονδας καὶ τὸν τρίτον κρατῆρα ἐκύρον τῷ Διὶ τῷ Σωτῆρι.* Срав. *Aesch. Eumen. 756. τῷ πάντα κραινοντος τρίτη Σωτῆρος.* Это выраженіе встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ Платоновыхъ сочиненій, *Philob p. 66. de Rep. IX. p. 612. Epist. VII. p. 340. A. legg. p. 692.* О обыкновеніи Грековъ на пирахъ посвящать третій бокалъ Зевсу Хранителю См. *Pierson. ad moer. p. 72. Spanh. ad Aristoph. Plut. v. 1176. Müller ad Aeschyl. Eumen. p. 187. sqq.*

(35) 168 Е. *Что касается до величинъ, чиселъ и тому подобнаго, — это рѣшительно невозможно, то-есть, невозможно, чтобы онѣ одарены были свойствами для себя. Сократъ во всей этой перикопѣ доказываетъ относительность вещей. Малое — мало по отношенію къ большему; длинное—длинно по отношенію къ короткому; здоровое—здорово по отношенію къ больному и т. д. Но такая относительность непременно требуетъ, чтобы вещи дѣйствовали на что-нибудь, отъ себя отличное, то-есть, чтобы каждая вещь была предметомъ и для себя самой, и для другой вещи.*

(36) 169 А. *Которая бы заключала въ себѣ не для себя самой, а для другихъ вещей—*

въ Греческомъ текстѣ приѣвлено: *πλὴν ἐπιστήμην*. Но эти слова противорѣчатъ слѣдующимъ даѣте: *ἢ τὰ μὲν, τὰ δ' ἔ, κ. τ. λ.* Посему Шлейермахеръ и Беккеръ справедливо признаютъ ихъ за глоссеми.

(37) 169 В. *Ποложимъ, что она есть знаміе, τίθεσθαι — σωφροσύνην τῆτ' εἶναι*. О употребленіи страдательнаго и средняго залоговъ глагола *τίθημι* см. 26 прим. къ Эвтид.

(38) *ibid.* *Докажи сперва, о кели я сей часъ ер-ворилъ, πρῶτον μὲν τῆτο ἐνδειξαι, ὅτι δυνατόν ἀποδείξαι σε, ὁ νῦν δὴ ἔλεγον*. Слова *ἀποδείξαι σε*, вмѣстѣ съ Гейндорфомъ, Шлейермахеромъ, Беккеромъ и Штальбомомъ я признаю за глоссеми; потому что здѣсь рѣчь идетъ не о томъ, можетъ ли Критіасъ доказать положеніе, а о томъ, возможно ли оно.

(39) 173 А. *Изъ роговъ ли высыллется окъ, или изъ слонової кости — аллюзія къ словамъ Омпра. Odysse. XIX. 562 seqq.*

(40) 175 Е. *Впротемъ не думаю, чтобы это было такъ, ταῦτ' ἔν πάνυ μὲν ἔν ἐκ οἴομαι ἕως ἔχην*. Слова *πάνυ μὲν ἔν*, очевидно лишнія, а по тому должны быть признаваемы за глоссеми.

(41) 176 В. *Впръ, что буду слѣдовать за мнѣ, ὡς ἀκολυθήσομαι*. Надобно подразумѣвать *διανοῖ*, или другой подобный глаголъ. *Matth. Gr. § 568. 2.*

П Р И М Ъ Ч А Н І Я

К Ъ

Э В Т И Ф Р О Н У.

(1) 2. А. *Что за новость? τί νεώτερον*; Объ уравнительной степени *τί νεώτερον*, вмѣсто *τί νέον*, см. прим. 12. къ Протаг. Это выраженіе весьма свойственно характеру Аѳинскихъ Грековъ, которые непрестанно стремились къ новостямъ и мѣняли ихъ одну за другою, а по тому спрашивали какъ бы такъ: *τί νεῦ νεώτερον*.

(2) Ib. *Въ портикъ Царя, ἐπὶ τὴν τῆ βασιλείως στοάυ*. Известно, что Греческое судилище, со времени Кодра, состояло изъ девяти Архонтовъ. Второй изъ нихъ назывался царемъ и завѣдывалъ дѣлами религиозными и уголовными. Портикъ царя былъ отдѣленіе уголовного судьи и находился у Кераміи-ской площади, близъ храма τῆ Διὸς τῆ Ἐλευθερίῃ. См. *Meier de lite Attica* p. 47. sq. *Meurs. Lectt. attic.* VI. 17. *Lusac. exercitt. acad. spec. III. p. 172. stq.*

(3) Ib. *Называютъ мое дѣло не судебнымъ, а государственною выною, οὔτοι δὴ—δίκην αὐτὴν καλῶ-σιν, ἀλλὰ γραφήν*. Это различіе словъ *δίκη* и *γρα-*

Асту кажется столь несправедливымъ, что онъ при
 нялъ его за одинъ изъ признаковъ подложности
 Эвтифрона. Несправедливость различенія, по его мнѣ-
 нію, состоитъ въ томъ, что *δίκη*, такъ же какъ и *γραφή*,
 употребляется для означенія вины общественной. *Hem-
 sterhusius*. (z. Thom. Mag. S. 240). *Fischer* (Anmerk. S. 7.
 et. al.) *Petrus van Leuyveld* (de infamia ex iure Attico p.
 220) видятъ здѣсь другое затрудненіе: долженъ ли
 былъ Сократъ объяснять Эвтифрону, какъ Греку,
 различіе между *δίκη* и *γραφή*?—и полагаетъ что Эв-
 тифронъ жилъ большею частію въ колоніяхъ, а по-
 тому не зналъ различія между сими реченіями. Ка-
 кое странное предположеніе! Штальбомъ думаетъ
 что подъ словомъ *δίκη* разумѣлась вина, какъ обще-
 ственная, такъ и частная, а подъ словомъ *γραφή*—
 только общественная. Но и это не основательно; ибо
 въ такомъ случаѣ слова Сократа были бы безъ цѣли.
 Если Эвтифронъ сказалъ *δίκη*; то зачѣмъ бы Сокра-
 ту поправлять его словомъ *γραφή* когда и первое,
 равно какъ послѣднее, означаетъ вину обществен-
 ную? Напротивъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что подъ
 словомъ *δίκη* Греки разумѣли вину, подлежащую из-
 слѣдованію суда, а подъ словомъ *γραφή*—такое пре-
 ступленіе, которое было ясно и безъ судопроизвод-
 ства, а по тому требовало только опредѣленія или
 приговора. См. *Schömann*. De comitiis Athen. p. 129.

(4) Изъ В. Изъ дела Пизейской, τὸν δῆμον Πι-

Schol. Πιτθὸς δῆμος ἔστι τῆς Ἀθήνησιν, ἐξ οὗ

Сократъ Стратократъ и Гарпократъ

Сократъ и Гарпократъ

Сократъ и Гарпократъ

Сократъ и Гарпократъ

Сократъ и Гарпократъ

Сократъ и Гарпократъ

Сократъ и Гарпократъ

Сократъ и Гарпократъ

Сократъ и Гарпократъ

Сократъ и Гарпократъ

Юлію (de Coma с. 4.); то челоуѣка съ длинными и прямыми волосами Греки почитали женоподобнымъ и извѣженнымъ, рѣдкобородаго — недорослемъ, а горбоносаго — гордымъ. Сравн. Arolog. Socr. p. 25. E. 26. E. de Rep. V. p. 474. С.

(6) З. А. *Начинаеть дѣлатъ республикѣ зло съ самаго корня, ἀφ' ἑστίας ἀρχεσθαι κακουργῆν τῆν πόλιν.* Выраженіе ἀφ' ἑστίας ἀρχεσθαι у Грековъ было пословицею, принималось почти всегда въ худую сторону и прилагалось къ тѣмъ людямъ, которые начинаютъ дѣлать какое-нибудь зло съ своего дома, съ своихъ пенатовъ, ab ara et foco, или съ главныхъ опоръ общественнаго и домашняго благоустройства, а principibus. Schol. ad Aristoph. Vespp. 832. Eusth. ad Odys. VIII. p. 1579. Rom. Wyttenb. ad Plut. moral. T. 1. p. 642. ed. Oхon.

(7) Ib. *Какили бы дѣлали ты, по его словамъ, развращая юность, τί καὶ ποιῆντα σὲ φησι διαφθεῖρῃν τὰς νέας;* Употребленіе частицы καὶ здѣсь весьма знаменательно. Herman. ad Viger. p. 837. Въ этой конструкціи она выражаетъ крайнюю степень сомнѣнія. Напримѣръ вопросъ τί χρῆ προσδοκῆν; показываетъ, что вопрошающій не знаетъ, что случится: но вопросъ τί χρῆ καὶ προσδοκῆν означаетъ, что вопрошающій не имѣетъ и надежды, чтобы что-нибудь могло случиться.

(8) А. А. *Ужь не на-лету ли кого-нибудь? πέτομενόν τινα δῖωμις;* это выраженіе кажется имѣло значеніе пословицы. По крайней мѣрѣ Аристотель (Metaph. III. 18.) подъ словами τὰ πέτομενα δῖωμι

разумѣть тѣхъ, которые любятъ ломать голову надъ предметами темными и не удобопомыслими.

(9) Пб. В. *Видно отецъ твой убилъ кого-нибудь изъ родныхъ.* У Грековъ былъ законъ, что предать убійцу суду и вступаться за смерть убитаго могутъ только родственники послѣдняго *Demosth. adv. Marc. p. 1069 ed. Reisk.* По сему, являясь предъ судъ съ обвиненіемъ, они подтверждали свое родство съ покойникомъ формальною присягою. *Demosth. adv. Everg. p. 1160. Polluc. VIII. 118.* Слуги въ такомъ случаѣ причитались къ семейству и также приводимы были къ присягѣ. *Isacius de Ciron. hereditate § 16.* Сравни. *Clenze das Familienrecht der Cognaten u. Agnaten p. 152 sqq.* Однакожъ Эпифоронъ приходитъ въ судъ обвинять отца въ убійствѣ не слуги, а вѣсника, что по видимому не согласно было съ упомянутымъ закономъ. Эту несообразность можно объяснить или тѣмъ, что умершій вѣсникъ закинулъ у Эпифорона нѣсто и должность слуги, или тѣмъ, что Платонъ съ намереніемъ указалъ въ прорицателѣ не уваженіе къ гражданскимъ законамъ, чтобы поставить его въ совершенную противоположность съ Сократомъ.

(10) Пб. С. *Былъ мой работникъ, πελάτης τις ἢ ἐμὸς.* Πελάται были бѣдные, но свободные граждане, и совершенно отличались отъ рабовъ, οἰκέται. Они большею частію продавали свои труды людямъ богатымъ и получали отъ нихъ почти шестую часть того, что выработывали, по сему назывались также *ἑκτεταίτοι*. *Hesych. T. I. p. 1152. ἐκτεταίτοι τὴν ἡτὴν γεωργεῖντες. Eustath. ad*

Odys. XIX 28. Иногда имъ давали имена *θήτες* и *ἐργολάβοι*, что соответствуетъ слову «поденщикъ.» *Casaub. ad. Athen. XII. p. 738. Runken. ad Tim. p. 211. Wachsmuth. Hellen. Alterthumsk. T. I. p. 255.* Они не имѣли права требовать себѣ правительственныхъ мѣстъ и ходить на войну. *Pollux. III. 82.*

(11) Ib. *Когда мы воздѣлывали землю на островѣ Наксъ.* Аѳиняне, завладевъ какимъ-нибудь островомъ, тотчасъ отбирали земли у туземцевъ и дѣлили ихъ между собою. Входившіе въ дѣлежъ назывались *γεωμόροι* или *κλήροχοι*, помѣщиками. Это самое произошло и на островѣ Наксъ, славившемся плодородіемъ земли, а особенно богатствомъ своихъ виноградниковъ. *Thucyd. I. 98. Plut. Pericl. c. 11.*

(12) Ib. *На одного изъ нашихъ слугъ, τῶν οἰκετῶν τιμῶν.* *Οἰκέται* были безъ сомнѣнія члены семейства, свои, домашніе, *domestici*. Но Греки, по свойственному себѣ мягкосердію и челоуѣколюбію, домашними, *οἰκέταις*, называли и рабовъ своихъ. *Athen. VI. 19. Pollux. III. 82.* Разумѣя ихъ въ этомъ смыслѣ, они давали имъ различныя названія, по роду ихъ службы и другимъ обстоятельствамъ. *Hemsterh. ad Lucian. Tim. § 22. T. I. p. 102. sq.* Аммоній Ἐρμιάς (ad *Aristot. de interpret. p. 31. sq.*) говоритъ, что Діодоръ Кроносъ, желая доказать произвольность именъ, которыя мы даемъ вещамъ, называлъ своихъ слугъ члстицами, на примѣръ, одного *Ἀλλὰ μὴν*, другаго — какънибудь иначе. Сравн. 11 прим. къ Протаг.

(13) Ib. D. *Къ истолкователю посоветоваться писομενον τῆ ἐξηγητῆς.* *Ἐξηγηταί*, по свидѣтельству Поллукса VIII 124., занимались истолкованіемъ бо-

жественныхъ знаменій и другихъ религіозныхъ предметовъ. Свидя говоритъ, что такихъ лицъ было три; а Цицеронъ (legg. 2. 27.) называетъ ихъ именно *interpretes religionum*, а не *jurisconsultos*, какъ впоследствии думалъ Гемстергузій.

(14) 5. Е. *И смотри, Сократъ, на какомъ прогномъ основаніи утверждается истинность этого закона.* Это основаніе есть примѣръ Зевса, который связалъ и оскотилъ своего отца, Хроноса. Значить, Эвтифронъ основывается на немъпомъ вѣрованіи народа, о коемъ впоследствии Теренцій, хотя также язычникъ, сказалъ: *at quem deum!—ego hominibus hoc non facerem.* Eun. III. 5. 40. sqq.

(15) 6. А. *А не за то-то ли я подпадаю подъ судъ...* Ἄρα γε τῷτ' ἐστίν, ἔ' ἐνεκα τῆν γραφήν φεύγω... Если вмѣстѣ съ Штальбомомъ допустить, что ἄρα γε есть вопросительное; то надлежитъ читать ἔ' τῷτ' ἐστίν. А когда ἔ' признаемъ не нужнымъ; то необходимо писать: ἄρα γε τῷτ' ἐστίν; и въ такомъ случаѣ рѣчь должна превратиться уже въ положительную.

(16) Ib. В. *То и намъ необходимо кажется уступить. Да и какой далимъ отвѣтъ...* ἀνάγκη δὴ, ὡς ἔοικε, καὶ ἡμῖν ξυγχωρεῖν. Τί γάρ καὶ φησομεν... Здѣсь множественное ἡμῖν надобно понимать какъ единственное: намъ, то-есть, такимъ людямъ, какъ я. Подобное употребленіе множественнаго числа, вмѣсто единственнаго, въ рѣчи Сократовой весьма обыкновенно. Вотъ и ниже 11. В. τῷ ἡμετέρῳ προγόνῳ надобно переводить: моего предка.

(17) Ib. *Ради бога дружбы, прѳс Філіи.* Φίλιος было одно изъ многихъ именъ Зевса, подъ которымъ онъ признаваемъ былъ за покровителя дружбы.

(18) Ib. *Знагитъ, ты думаешь, что между богамъ въ самомъ дѣль бываетъ сильная вражда...* Эти басни о богахъ Платону вообще не нравились. По сему въ своей Республикѣ онъ строго запрещаетъ питать ими юные умы дѣтей. De Rep. II. p. 378. C. sqq. III. p. 408. C. D. et alib.

(19) 6. С. *И на той мантии, ѳ πέπλος.* Слово *πέπλος* Греки называли женскую мантию, расписанную разными изображеніями и посвященную Минервѣ. Servio Aen. L. 1. По свидѣтельству Лютація Плацида (in Thebaid. L. 10.), *perplum est vestis candida, aureis clavis picta* (расписанная золотыми бантами) *sine manicis (?) quod simulachris fiebat.* Нос *perplum primum est ab Atheniensibus institutum, quod matronæ suis manibus faciebant et inter triennium (quinquennium?) putinibus offerebant.* На этой мантии, какъ говорить Virgilій, изображалось пораженіе Гигантовъ рукою Минервы, также подвиги Аѳинскихъ вождей (отсюда поговорка комиковъ: *ἄνδρες ἄξιοι τῆ πέπλου*, Aristoph. Equit.), ихъ генеалогія, послѣдніе дни жизни, родъ смерти, гробницы съ эпитафіями. Sam. Petitus comm. in II. Atticos L. 1. tit. 1. Впрочемъ честь быть изображеннымъ на Минервиной мантии принадлежала однимъ умершимъ; а при жизни только Антигонъ и Димитрій Полиоркетъ удостоились видѣть на ней имена свои. Процессія съ Минервиною мантиею отличалась величайшею пышностію: въ ней участвовали не только Аѳиняне всѣхъ сословій, половъ и возрастовъ, но и иностранцы, къ этому времени стекавшіеся въ Аѳины. Въ процессіи старики обязаны были идти съ оливковыми вѣтвями, мужчины помоложе — съ заступами, а жен-

щны — съ пушицами и зонтиками. Подъ словомъ *κέκλος* разумѣлась также и обыкновенная мація, употреблявшаяся восточными народами, Греками и Римлянами. Она была чрезвычайно длинна и широка, такъ что закрывала не только весь станъ чело-вѣка, но и лице его; при томъ дѣлалась изъ самой тонкой ткани, что заставило Сенеку назвать ее *pebulam et ventum textilem*. Сравни. *Lipromay. Gen. c. 38 и 14.*

(20) Ib. *Въ праздникъ Великихъ Панатеней.* Этотъ праздникъ установленъ въ честь Минервы Эрихтоніосомъ, сыномъ Вулкана, и по тому названъ Атенею, *Ἀθήναια. Harpocraton*. Имя же Панатеней получилъ онъ, говорятъ, отъ того, что Тезей, соединивъ всѣ Аттическія поколѣнія въ одно общество, призналъ нужнымъ увѣковѣчить память сего событія всенароднымъ праздникомъ, или, по Плутарху, *Παναθήναια θυσίαν ἐποίησε κοινήν*. Панатеней было двѣ, великая и малая: первая совершалась чрезъ пять лѣтъ, вторая ежегодно, а по другимъ свидѣтелямъ, чрезъ три года. На каждую изъ нихъ отдѣльными Греческія поколѣнія присылали въ Аѣны быка для публичной жертвы. На этомъ основывается шутка Аристофана въ облакахъ, что въ праздникъ Панатеней Аѣны бываютъ весьма богаты рогами (т. е. въ Аѣнахъ тогда господствовало чрезвычайное пьянство).

(21) Ib. E. *Пользуясь или, какъ образцомъ, хремнос адтѣ парадеіуматеі, то есть ѡс парадеіумати.* Въ подобной конструкціи ѡс часто опускается. *Wimb. ad Eunap. p. 85. Stallb. ad Protag. p. 315. C.*

(22) 9. А. *Смерть такого насмѣного служи и проч.* Здѣсь Сократъ говорить не о частномъ событіи, о которомъ разсказалъ Эвтифронъ, а обобщаетъ его. Это видно изъ значенія конструкціи: *ὅς ἂν θητέων ἀνδροφονος γενόμενος et cetera.*

(23) П. В. *Докажешь, что это незаконно, ἐνδείξει δήλον ότι, ὡς ἀδικά τέ ἐστι.* Въ этомъ выраженіи Штальбомъ видитъ не маловажное доказательство, что Эвтифронъ есть сочиненіе Платоново. Слова *δήλον ότι* въ позднѣйшее время развитія Греческаго языка слились въ одно *δηλονότι*, какъ у насъ слова *въ мѣсто* сдѣлались предлогомъ *въ мѣсто*. Замѣчательно, что въ Алкивиадѣ Второмъ, коего подлинность въ самомъ дѣлѣ сомнительна, вездѣ пишется *δηλονότι*. На примѣръ 149. В. *Τὸν γὰρ θεὸν ἔκ ἐἶν δηλονότι.*

(24) 11. В. *Все, что мы ни выставимъ, δ ἂν προθώμεθα.* Такъ читается по Альду, но по Стефану *ὑποθώμεθα*, что кажется неправильно, потому что Эвтифронъ говорить здѣсь метафорически, и Платонъ видимо принимаетъ его выраженіе къ выставкѣ статуи.

(25) П. *Слова моего предка Дедала.* Причина, по которой Сократъ называетъ Дедала своимъ предкомъ, заключается по видимому не въ родствѣ послѣднiго съ первымъ, а въ томъ, что Софронискъ занимался скульптурою, следовательно былъ потомкомъ Дедала по искусству. Можно думать и такъ, что въ Аттикѣ существовало поколѣніе Дедалидовъ (см. *Steph. Byzant.*), подобно поколѣнію Аскленіадовъ, которое смотрѣло на древняго скульптора, какъ на

*

своего учителя и корифея. Наконецъ Сократъ могъ почитать себя потомкомъ Дедала и въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ приписывалъ себѣ знаніе повивальнаго искусства, заимствованнаго имъ отъ матери; по-колику то есть, разговаривая съ своими собесѣдниками, подчинялъ ихъ рѣчь законамъ умственной механики и давалъ ей любое направленіе. Дедалъ, по мифологическимъ сказаніямъ, былъ великій механикъ: онъ изобрѣлъ топоръ, пилу, отвѣсъ, буравъ и другія художественскія орудія; потомъ ввелъ въ употребленіе паруса, устроивъ ихъ наподобіе крыльевъ. Отсюда басня *alagum Dedali*. Онъ дѣлалъ также статуи и, посредствомъ невидимаго механизма, приводилъ ихъ въ движеніе. Сверхъ того древность приписываетъ ему построеніе Критскаго лабиринта и множество другихъ удивительныхъ вещей. *Hofmann. lex. v. Ded.*

(26) Ib. E. *Чтобы къ мудрости Дедала присоединить особенно сокровища Танталовы*, которыя то-есть у Тантала лежали безъ движенія, см. прим. 43. къ Протаг. Этою аллегоріею Сократъ выражаетъ ту мысль, что Дедаловское движеніе рѣчи въ разговоръ должно имѣть цѣлю неподвижную, никогда неизмѣняющуюся истину, всесовершенное сокровище, котораго человекъ ищетъ и не находитъ

(27) 12. A. *Что возпяваетъ поэтъ, ꙗ ꙗ поитѣтꙗс ѣпоитѣоев ѡ поитѣтꙗс*. Подъ словомъ *ѡ поитѣтꙗс* иногда разумѣется прямо Омиръ: но здѣсь Сократъ указываетъ на Стасина, коего Кипрскія стихотворенія вошли въ такую славу, что сочинителя ихъ почитали зятемъ Омира, а по свидѣтельству Иродота (II.

117), нѣкоторые приписывали ихъ и самому Омйру. Fischer ad h. l. Henrichsen, de carminibus Cypriis p. 69.

(28) Ib. D. У котораго не неравныя, а равныя стороны, ὅς ἂν μὴ σκαληνὸς ᾦ, ἀλλ' ἰσοσκελῆς. Слова σκαληνὸς и ἰσοσκελῆς суть нечеть и четь въ протяженностяхъ, то-есть въ области геометрическихъ измѣреній; а въ отношеніяхъ численныхъ имъ соотвѣтствуютъ περιττός и ἄρτιος.

(29) 15. D. Тебя не должно выпускать изъ рукъ, какъ Протей, пока не скажешь. См. 47 прим. къ Эвтид. У Эвтифрона Сократъ видитъ такое же превращеніе понятій о святости, какъ превращался Протей.

(30) Ib. Настойчиво обвинялъ въ убійствѣ, διώκων φόνου. По нѣкоторымъ изданіямъ διώκων. Но знаменитый филологъ Германнъ недавно въ особомъ разсужденіи доказалъ, что глаголы оканчивающіеся на αδων, εδων и υδων, выражаютъ нарочитую силу, продолжительность и напряженіе дѣйствія. Сравн. de Rep. II. p. 375. A. Gorg. p. 483. A. Apol. Socr. p. 32 A.

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ

М Е Н О Н У.

(1) 70. В. *Пріѣхавъ въ вашъ городъ*, то-есть въ Лариссу, которая и въ то время была мѣстопробываніемъ Алевадовъ. *Wachsmuth. Antiquitt. Hellen. T. II. vol. 1. p. 106. sq.* О фамиліи Алевадовъ писали многіе. *Falkenar. ad Herod. VII. 6. Boeckh. ad Pind. Pyth. X. p. 331. Meineck. commentt. Miscell. fasc. 1. c. 5.* и проч. Изслѣдованія ихъ показываютъ, что Алевяды славились покровительствомъ наукамъ и искусствамъ и особенно честили Горгіаса. Къ дому ихъ принадлежалъ и Аристиппъ, другъ Менона, — только не Киринейскій, бывший ученикомъ Сократовымъ, а скорѣе тотъ, котораго Ксенофонтъ (*Апоб. I. 1. 10.*) называетъ другомъ Кира Младшаго, и который на помощь ему, во время внутреннихъ безпокойствъ, отправилъ четыре тысячи наемнаго войска. Съ домомъ Алевадовъ едвали не былъ въ родствѣ и Менонъ, сынъ Алексидема (*p. 76 E.*), гость Анита (*p. 90 B. 92. D.*)

(2) 71. А. *Видно я кажусь тебѣ человекомъ талантливымъ*, *κινδυνεύωσσι δοχεῖν μακάριός τις*

είναι. Такъ у Грековъ иногда употреблялось слово *μακάριος*. Подобнымъ образомъ въ Менексенѣ (р. 249 D.) Аспазія называется *μακαρία* — по той причинѣ, что могла сочинять прекрасныя рѣчи.

(3) Ib. C. *А что, если мы скажемъ объ этомъ дома, то-есть въ Тессаліи, нашемъ отечествѣ, гдѣ разумѣютъ тебя, какъ мудреца?*

(4) Ib. E. Дѣлать добродѣтель на виды, или разсматривать относительно, значить низводить ее на степень добродѣтелей юридическихъ. О такихъ-то добродѣтеляхъ говорить здѣсь Менонъ. Впрочемъ и политическое общество, управляющееся мудрыми законами, не только не признаетъ самоуправства, или стремленія вредить врагамъ, добродѣтелию, но еще наказываетъ за подобные поступки. Изъ этого видно, какъ безсильно было гражданское законодательство во времена Горгіаса и подобныхъ ему софистовъ, внушавшихъ публично неуваженіе къ отечественнымъ постановленіямъ.

(5) 73. C. *Что такое она по мнѣнію Горгіаса, τί αὐτό φησι Γοργίας; Αὐτό, то-есть ἡ ἀρετή*. О такой конструкціи см. 165 прим. къ Протаг.

(6) 74. A. *Великолѣпіе, μεγαλοπρέπεια*, — добродѣтель софистовъ, повидимому, соответствовавшая нашему педанству, или способность, какъ говорится, бросать пыль въ глаза. Сравн. что выше сказано о Горгіасѣ, который училъ юношей *ἀφρόβως καὶ μεγαλοπρεπῶς* (свысока и самонадѣянно), *ἀλογί-νισταί*.

(7) Ib. D. Доказательство идетъ слѣдующимъ образомъ: Хотя круглое ты считаешь круглымъ, а

прямое — прямымъ и одно отдѣляется отъ другаго; однакожь какъ круглое, такъ и прямое тѣмъ не менѣе называешь фигурою.

(8) 75. D. *Спокойнѣе и согласнѣе съ діалектикою, πρᾶντερόν πως καὶ διαλεκτικώτερον.* Разговоръ діалектическій здѣсь, какъ и въ Теэтетѣ (167 E), противопоставляется просто ученому спору τῶν ἐριστικῶν καὶ ἀγωνιστικῶν; потому что въ первомъ собесѣдники говорятъ дружески, выслушиваютъ одинъ другаго и соблюдаютъ всѣ правила діалектики; напротивъ во второмъ всякій имѣетъ въ виду только свое положеніе, не обращаетъ вниманія на мнѣнія другихъ, и не заботится ни о вѣрности опредѣленій, ни о точности раздѣленій, произносимыхъ собесѣдникомъ. Эристика основывается на эгонизмѣ, діалектика — на любви къ истинѣ.

(9) Ib. E: *Просто, безъ ватей; οὐδὲν ποιμίλον,* по вѣрному истолкованію Гейндорфа, nihil varius subdolumque, quod ambagibus facile deludat et difficilem habeat explicatum. См. Symp. p. 182. 13. Tim. p. 59. C. Phileb. p. 53. E. Cratyl. p. 393. E.

(10) 76. A. *Заставляешь отвѣчать на такіе вопросы, πρᾶγματα προσάττας ἀποκρίνεσθαι,* то-есть, навязываешь на меня трудъ отвѣчать. Таково въ этомъ мѣстѣ значеніе слова πρᾶγμα. Для объясненія его, Гейндорфъ весьма кстати приводитъ слова Ксенофонта (Oecon. 17. 11.): τοῖς ἀσθενεστέροις πᾶσι μείν προσάτταν πρᾶγματα. По этому Асть несправедливо изгоняетъ πρᾶγματα изъ настоящаго текста.

(11) Ib. D. *Сказалъ Пиндаръ*. См. fragments Pindari у Бекка N. 71. Такое же опредѣленіе цвѣта встрѣчается въ Тимей р. 68. С.

(12) Ib. E. *Это отътъ трагическій, траγικῆ ἐστὶν ἢ ἀπόκρισις*, то-есть напыщенный, провозносимый свысока, такой, какіе давалъ Эмпедокль. А въ рѣчи Эмпедокла, по свидѣтельству Діодора Сицилійскаго (VIII. 70), всегда замѣчали *τραγικὸν τύφον*. Въ этомъ же смыслѣ *τραγικῶς λέγειν* употребляется de Rep. VIII. р. 545. E. гдѣ, для объясненія, прибавлено *ὑψηλολογεῖσθαι*.

(13) Ib. Сократъ, по замѣчанію Гедике, употребляетъ здѣсь метонимическую игру словъ, какъ въ Symp. р. 209 E., разумѣя подъ мистеріями собственное свое ученіе. Какъ бы такъ сказалъ онъ: ты обѣщался уѣхать изъ Аѳинъ прежде празднованія мистерій; но если бы тебѣ угодно было остаться и посвятиться въ таинства моего ученія, то опредѣленіе фигуры ты нашелъ бы лучшимъ, нежели опредѣленіе цвѣта.

(14) 77. A. *Дѣлать многое изъ одного, πολλὰ ποιῶν ἐκ τῆ ἐνός*. Шуточная поговорка, о которой см. Schotti adagg. Gr. 1101. Erasm. adagg. р. 266. ed. Steph. Впрочемъ она объясняется словами самаго Платона, Phædr. р. 265. D. *τὸ πάλιν κατ' εἶδη δύνασθαι τέμνειν κατ' ἄρθρα, ἢ πέφυκεν, καὶ μὴ ἐπιχρῆεῖν καταγύναι μέρος μηδέν, καθὼς μαγεῖον τρόπῳ χρώμενον*.

(15) Ib. B. *И имѣть для него способность, καὶ δύνασθαι*, то-есть *αὐτά* р. 78. B. C. Въ Греческомъ языкѣ глаголы, требующіе различныхъ падежей, не

рѣдко соединяются въ одну и ту же конструкцію; такъ напр. ниже р. 78. Α. τί γάρ ἄλλο ἐστὶν ἄθλιον εἶναι ἢ ἐπιθυμεῖν τε τῶν κακῶν καὶ κτῆσθαι, το-εστὶ αὐτῶ.

(16) 80. Α. Ты и водолюб и остальныя дружины — походишь на широкую морскую рыбу торпедь. Свойства этой рыбы описываютъ *Oppianus Halient. II. 56—85. III. 149. sqq. Aristoteles Hist. an. IX. 37. Aelianus N. A. 1. 56. IX. 14. Plinius A. N. XXXII. 1. torpedo etiamsi procul et e longinquo, vel si hasta virgave attingatur, quamvis praevalidi lacerti torpescunt. IX. 42. Novit torpedo vim suam ipsa non torpescens etc.* Менонъ уподобляетъ Сократа этой рыбѣ τὸ εἶδος, вѣроятно по широкому, силенообразному лицу его, какииъ оно описывается въ *Sympos. p. 215. A. sqq.*

(17) П. D. Этотъ софизмъ, отвергающій всякую возможность синтетическаго познанія, нѣкоторые критики производятъ отъ Мегарскихъ философовъ. Но такое мнѣнiе — анахронизмъ; потому что Менонъ, какъ доказано въ введенiи, написанъ еще при жизни Сократа, следовательно до существованiя Мегарской школы. Съ большимъ правдоподобiемъ можно производить его отъ учениковъ Протагора; потому что подобные софизмы встрѣчаются и въ Эвтидемѣ р. 275 D. E., въ которомъ бесѣдуютъ съ Сократомъ Протагоровы послѣдователи.

(18) 81. Α. Говорятъ нѣкоторые жрецы и жрицы. Происхожденiе ученiя о переселенiи душъ досель не рѣшено. Если предположимъ, что у Грековъ оно разсматривалось двоякимъ образомъ: какъ предметъ религiознаго вѣрованiя, и какъ задача

«идеологическая»; то Платонъ разумеетъ его здѣсь, очевидно, въ первомъ смыслѣ и имѣетъ въ виду или Ориентальныя мистеріи (см. *Lobesck. Aglajorhym.* Т. II. р. 796. sqq.), въ которыхъ оно преподавалось, или даже Эмпедокла, учителя Горгіасова, который не только принималъ метемпсихозу, но и по жизни, и по виду, и по дѣятельности походилъ на великаго жреца. *Quintil.* III. 1. *Sturz. de Empedocl.* р. 443. sqq. *Ритт.* Ист. Фил. Ч. I. стр. 439. сл.

(19) Ib. B. *Говоритъ также Пиндаръ.* См. *Boeckh. ad Fragm. Pindari* р. 623. *Dissen.* Vol. II. р. 632.

(20) Ib. C. *Такъ это нтъ вещи, которой...., καὶ πάντα χρήματα, ἅ ἐστιν ὅτι....* Выраженіе *καὶ πάντα χρήματα* значить у Платона—и вообще, или одними словами. См. *Schaefer. ad Demosth. Appar.* Т. I. р. 305. *Fritsch. Quaest. Lucian.* р. 67. *Stallbaum ad Gorg.* р. 465. B.

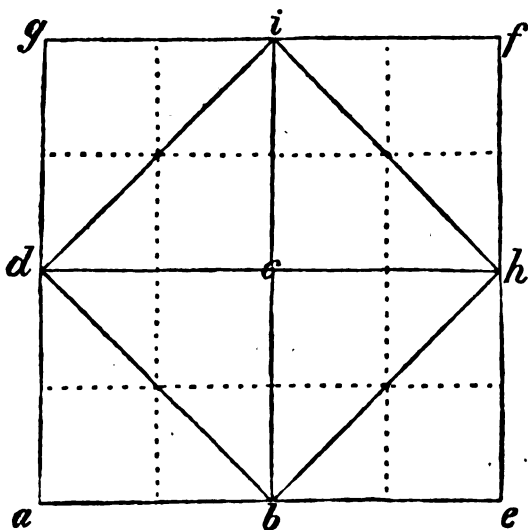
(21) Ib. D. Очевидно, что Сократъ доказываетъ здѣсь возможность синтетическаго познанія, или изслѣдованія вещей, взятыхъ порознь,—на томъ основаніи, что всѣ вещи мы нѣкогда видѣли, следовательно идея всего находится въ нашей душѣ; надобно только ввести ее въ сознаніе посредствомъ возбужденія частныхъ представленій, что Платонъ называетъ припоминаніемъ.

(22) 82. A. *Изъ множества слугъ своихъ.* Такъ какъ Менонъ принадлежалъ къ знаменитому и богатому дому; то, по обычаю древнихъ Аристократовъ, за нимъ всюду следовала цѣлая толпа слугъ. Сравни. прим. къ Протагору.

(23) Ib. В. *Но оны Греки?* "Ἐλλην μὲν ἐστὶ; частицу μὲν я выражаю союзомъ *но*. Такъ употреблется она въ рѣчи вопросительной, когда предложеніе, въ которомъ должно бы стоять μὲν, умалчивается. По сему μὲν, находясь въ апотазисѣ, служитъ намекомъ на пропущенный протазисъ. Сократъ какъ бы такъ говорить: ἐκάλεισάς μεν, ἀλλ' ἢ Ἐλλην ἐστὶ; Подобное употребленіе частицы μὲν см. Charit. 153. С. и мое примѣч. къ сему мѣсту. Theact. p. 161. E. Aristoph. Avv. v. 1214. Eurip. Med. v. 676. 1119.

(24) Ib. Этимъ вопросомъ начинается доказательство Сократа, что человекъ не познаетъ, а только припоминаетъ частныя истины. Нѣтъ сомнѣнія, что Платонъ, въ угодность своимъ началамъ, предлагалъ его прямо и серьезно, а не иронически, какъ кажется Штальбому и нѣкоторымъ другимъ критикамъ. Между тѣмъ, кто не видитъ, что мальчикъ, не учившійся Геометріи, схватываетъ геометрическія истины, только чрезъ особенную ясность и вразумительность Сократовыхъ вопросовъ? Такимъ доказательствомъ—и еще съ большимъ правомъ—могъ бы воспользоваться Кантъ въ своей теоріи пространства и времени, какъ субъективныхъ формъ нашего духа; потому что пространство и время, откуда бы впрочемъ онѣ ни происходили, непременно лежатъ въ основаніи не только математическихъ, но и всѣхъ дискурсивныхъ познаній. Чтобы вѣрно повяты, какимъ образомъ Сократъ возбуждалъ въ мальчикѣ сознаніе геометрическихъ началъ, надобно представить, что сперва онъ начерталъ на песокѣ какой-нибудь квадратъ $abcd$ и предположивъ, что каж-

дая сторона его равняется двумъ футамъ, нашель, что площадь его равна четыремъ футамъ. Потомъ спросилъ: каковы должны быть стороны квадрата, который былъ бы вдвое больше сего? Мальчику должно было показаться, что двойное пространство должно происходить и отъ удвоенныхъ сторонъ. Тогда Сократъ въ самомъ дѣлѣ удвоеть стороны и построеть квадратъ $ae\!f\!g$, пространствомъ своимъ равняющійся первому, умноженному на 4. Такимъ образомъ открывается, что чрезъ удвоение сторонъ вышелъ квадратъ не въ восемь, а въ шестнадцать футовъ. Наконецъ чтобы найти линію квадрата, котораго площадь была бы вдвое болѣе взятаго прежде, Сократъ проводитъ въ немъ діагональ bd и построеть новый квадратъ $bdih$, состоящій изъ діагоналей всѣхъ четырехъ квадратовъ, слѣдовательно равняющійся восьми футамъ.

(25) 84. А. Сократъ видитъ успѣхъ мальчика именно въ томъ, что онъ наконецъ сознается въ своемъ незнаніи. Такова вообще цѣль Сократовой философіи — увѣряться чрезъ усиленія ума въ его бессиліи и почувствовать жажду знанія, — цѣль совершенно противусоцистическая; потому что и древніе и нынѣшніе софисты главнымъ дѣломъ поставляютъ увѣренность въ собственномъ знаніи, между тѣмъ какъ на опытѣ оказывается, что въ знаніи-то у нихъ великій недостатокъ.

(26) Ib. С. *Наблюдай же, что найдетъ оми оμέραι δὴ — ὁ τι καὶ ἀνευρήσει.* Такъ, вмѣстѣ съ Шлейермахеромъ и Штальбомомъ, читаю и перевожу *λ ὁ τι*, вмѣсто *δτι*; потому что иначе *ἀνευρήσει* оставалось бы безъ винительнаго падежа, что не нравится; притомъ послѣ *ομέραι* должно бы стоять не *δτι*, а *ὅς*.

(27) 86. В. *А когда истина сущаго находится у насъ въ душѣ; то не бессмертна ли эта душа?* Такое доказательство бессмертія нѣкоторые критики почитаютъ страннымъ; потому что Платонъ выводитъ истину бессмертія души изъ одного созерцанія вещей въ домірномъ ея существованіи. Но признаюсь, я не нахожу тутъ ничего страннаго. Если душа, живя нѣкогда въ хорѣ боговъ, какъ говорится въ Федръ, видѣла все, и, если это все, ею видѣнное, есть истина сущаго, оставшаяся въ ней и вошедшая въ ея существо; то какъ же она не бессмертна? Мы обыкновенно признаемъ бессмертіе души, *ut statum futurum*, потому что почитаемъ душу твореніемъ современнымъ созданію природы и, по нашему понятію, бессмертіе ея основывается на благости Твор-

ца, покольку Онъ даровалъ ей свой образъ и подобіе, и потому это подобіе возстановилъ и обновилъ благодатию кокупленія. Напротивъ Платонъ разуметь безсмертіе души *ut statum prateritum*, или лучше, *anteactum*, и въ основаніе будущаго ея безсмертія полагалъ бытіе домірное. Если то-есть въ существѣ души есть идея *прежняго безсмертія*, то ея существо, уже по силѣ этой самой идеи, должно быть безсмертно и *послѣ*.

(28) 87. А. *Можетъ ли это пространство, обращенное въ треугольникъ, быть наложено на этотъ кругъ? εἰ οὖν τε ἐς τὸν—δε τὸν κύκλον τότε τὸ χωρίον τρίγωνον ἐπιταθῆναι;* Почти всѣ истолкователи Платона переводятъ эти слова такъ: можетъ ли этотъ треугольникъ (*τόδε τὸ χωρίον τρίγωνον*) быть наложенъ на этотъ кругъ? Но тогда стояло бы: *τόδε τὸ τρίγωνον χωρίον*, между тѣмъ какъ здѣсь *τρίγωνον* очевидно есть слово объясняющее, предикать въ отношеніи къ слову *τὸ χωρίον*. По сему смыслъ рѣчи долженъ быть такой, какъ бы Платонъ сказалъ: *εἰ οὖν τε τότε τὸ χωρίον εἰς τόνδε τὸν κύκλον ἐπιταθῆναι ὡς τρίγωνον;* Сократъ вѣроятно указалъ Менону на начертанный прежде на пескѣ квадратъ и спросилъ: можетъ ли этотъ квадратъ, обращенный въ равный себѣ треугольникъ, быть вписанъ въ этотъ кругъ, такъ чтобы углы перваго касались окружности послѣдняго? Въ такомъ именно значеніи слово *ἐγγράφειν* употребляется и у Эвклида (Elem. IV).

(29) Ib. *Если это пространство таково, то данная его линия, и по протяженіи, останется короче того, которое будетъ написано, εἰ μὲν ἐστι*

τὸ τοῦ χωρίου τοῦτο, οἷον παρὰ τὴν δοθεῖσαν αὐτῆ γραμμὴν παρατείναντα ἐλλείπῃ τοῦτω χωρίῳ, οἷον ἂν αὐτὸ τὸ παρατεταμένον ᾗ. Эти слова Платона весьма затрудняютъ переводчиковъ. Во-первыхъ *παρατείναντα* стоитъ внѣ всякой конструкции и, по всей вѣроятности, повреждено. Лучше бы казалось читать *παρατείναν* и относить его къ существительному *τὸ χωρίον*. Во-вторыхъ *οἷον ἂν αὐτὸ τὸ παρατεταμένον ᾗ* относится ли къ треугольнику или къ кругу? Основывался на значеніи слова *παρατείναν* въ прежнемъ *παρατείνῃ*, я отношу это послѣднее выраженіе къ треугольнику.

(30) Ib. C. *А когда такова, то мѣть, τοῦδε δ', οὐ.* Бутманъ остроумно замѣчаетъ, что Сократъ остерегается, какъ бы не назвать добродѣтели знаніемъ, и потому употребляетъ выраженіе *ἄλλοιον ἐπιστήμης*, равно какъ и здѣсь — не говорить: *μὴ τοῦδε*, но въ обояхъ членахъ дѣленія повторяетъ *τοῦδε*. Отсюда видно, какъ несправедлива критика Аста, когда онъ навязываетъ Сократу мысль, что добродѣтель не есть знаніе.

(31) Ib. E. *Въ здоровьѣ, силѣ, красотѣ, богатствѣ.* Подъ эти именно четыре вида древніе Греки подводили всѣ внѣшнія блага. Вотъ ехолія Симонида, или Эпихарма: *ὑγιαίνειν μὲν ἀριστον ἀνδρὶ θνατῶ, δεύτερον δὲ καλὸν φυὰν γενέσθαι, τὸ τρίτον δὲ πλετεῖν ἀδόλως, καὶ τὸ τέταρτον ἦβαν μετὰ τῶν φίλων.* См. *Jacobs. ad Antholog. gr. T. I. p. 208. sq.*

(32) 89. B. *Взвали бы ихъ и берегли съ крѣпкости.* Государственные драгоценности Аѣнъ обыкновенно

сохранялись въ Акронолисъ. См. *Voeckh. de Oecon. Att.* 11. p. 203. Conf. T. I. p. 473.

(33) Ib. D. *И заставляет исприту, что добродетель есть знание? ἀλιότης, μή ἔκ ἐπιστήμη ᾗ.* После глагола ἀλιότης и имени ἀλιότης Платонъ весьма нерѣдко употребляетъ двойное отрицаніе, и именно въ томъ случаѣ, когда эти слова заключаютъ въ себѣ понятіе страха, или опасенія. Сравни. Phaed. 70. A.

(34) Ib. E. *И сообщить ему было бы справедливо, εἰκότως δ' αὖ μεταδοίμεν αὐ.* Бутманъ замѣчаетъ, что αὖ после εἰκότως вовсе не имѣетъ значенія, — и это справедливо. Повидимому, переписчикъ не дописалъ слова αὐτῷ, которое было бы здѣсь очень кстати.

(35) 90. A. *Прекрасно воспиталъ и образовалъ своего сына.* Сократъ превозноситъ похвалами Анитова отца — преимущественно въ томъ отношеніи, что онъ былъ не гордъ, не надутъ, не спѣсивъ, и прекрасно воспиталъ своего сына. А между тѣмъ ниже доказываетъ, что и самые добродѣтельные мужи не могутъ передать дѣтямъ собственной добродѣтели. Изъ этого не трудно замѣтить, что Сократовъ отзывъ о прекрасномъ воспитаніи Анита есть иронія, намекающая на недостатокъ въ немъ добрыхъ качествъ отца, то-есть на его гордость, надутость и спѣсь. На это же указывается оговоркою Сократа, что Анитъ получилъ прекрасное воспитаніе, *по мнѣнію Афинскаго народа*, которому то-есть онъ былъ преданъ во время борьбы съ тридцатью тираннами. *Lusac. de Socrate Cive* p. 132. sq.

(36) Ib. E. *Даже и неспособность, καὶ ἀμαθία γὰρ πρός. 'Αμαθία* значитъ болѣе, чѣмъ ἀλογία, безразсудство. Последнее выражаетъ неправильность мышленія о какомъ-нибудь предметѣ, логическую ошибку, или даже дѣятельность, не рассчитанную здравымъ мышленіемъ. Напротивъ первое указываетъ на недостатокъ способностей, на самое безсиліе λογικώτερον λύνει τε καὶ ἐργάζεσθαι. Hemsterhus. ad Arist. Plut. p. 385. Wolf de Demosth. Lept. p. 99.

(37) 91. D. Объ урокахъ Протагора и цѣнтъ, какую онъ брагъ за нихъ, см. 113 прим. къ Протаг.

(38) 94. A. См. Lach. 179. C. D. и мое прим. къ тому мѣсту.

(39) Ib. B. *И притомъ самые худыя Лошмяне.* Этими отнюдъ не указывается на Аристиды и Фенистокла, какъ подозреваетъ Шлейермахеръ. Платонъ говоритъ общее положеніе, или новую мысль, которая не должна имѣть связи съ предыдущею.

(40) Ib. E. *Легче бываетъ дѣлать или зло, или добро, ῥᾶδον ἐστὶ κακῶς ποιεῖν ἀνθρώποις ἢ εὖ.* Такъ читаю я, вѣсть съ Бутманомъ, Шлейермахеромъ, Беккеромъ и Штальбономъ, вмѣсто вульгатнаго чтенія ῥᾶδιον; потому что иначе ἢ εὖ было бы неумѣстно, отчего вѣроятно въ спискѣ Ватиканскомъ оно и выпущено.

(41) 95. D. См. Theognidea v. 53. sqq. ed. Becker. Эти стихи приводятся и Ксенофонтомъ Mem. Socr. 1. 2. 20. Слѣдующіе далѣе E. Theogn. v. 435. въ томъ же изданіи.

(42) 96. D. *Можетъ ли кто сдѣлать насъ лучшими, δεῖς τις ἡμᾶς βελτίους ποιῆσαι.* Такъ я перевожу,

основываясь на значеніи изъяснительнаго ποιήσῃ, хотя въ такомъ случаѣ должно бы стоять ἀρά τις ἡμῶς и проч. При томъ явно, что сила мысли здѣсь—въ словахъ ἐνὶ γὰρ τῷ τρόπῳ, а не въ ποιήσῃ; иначе послѣ ζητητέον надлежало бы писать ποιήσῃε. Дальнѣйшихъ словъ *Ε. когда же не допустили—и другое кое-что, εἰ μὴ τῆτο δοίμεν—ἀλλῃ τινός*, во многихъ спискахъ вовсе нѣтъ, да и Фицивиъ не выразилъ ихъ въ своемъ переводѣ. Впрочемъ ходу мыслей онѣ не мѣшаютъ.

(43) 97. D. *На Дедаловы статуи.* См. прим. 25 къ Эвтиφрону.

(44) 98. D. *То вотъ мы и рассматривали, ἐσκοπῶμεν τὸ μετὰ τῆτο.* Штальбомъ догадывается, что надлежало бы читать *σκοπῶμεν*, и удивляется, какъ могло *ἐσκοπῶμεν* вкратчѣ въ всѣ списки. По моему, это очень не удивительно; потому что и въ самомъ дѣлѣ надобно читать *ἐσκοπῶμεν*. Сократъ говоритъ здѣсь очевидно о прежнемъ ироническомъ доказательствѣ, что добродѣтель пріобрѣтается наукою, а не о послѣдующемъ, котораго вовсе нѣтъ. Платонъ видимо обозрѣваетъ весь ходъ разговора и приближается къ заключенію.

(45) 100. A. Приведенныя слова Омпра см. *Odyss. X. v. 495. sqq.*

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ

АПОЛОГІИ СОБРАТА.

(1) 17. В. *Воссе не говорили правды, ꙗко ѿ ѿδέν ἀληθές εἰρήκασιν.* Эта формула заключаетъ въ себѣ понятіе совершеннаго отрицанія. См. *Falckenä. ad Herod. III. 149.* Онъ сносится выраженія Ксенофонта (Сугор. VII. 5. 45): *τῶν τῶν περισσήκων ἢ τινα ἢ ἄδενά οἶδα*, и Эліана (de nat. anim. VI. 50) *Ἰσασιν Αἰγυπτίων ἢ τις ἢ ἄδεις*, (VII. 8), *θαυμάζει τις ἢ ἄδεις.* См. *Matth. Gr. § 487. 8.* Грамматики, непонявъ силы и значенія сей формулы, слова *ἢ τι ἢ* во многихъ спискахъ признали излишними и изгнали изъ текста. Эта формула вводила критиковъ въ обманъ и при объясненіи мѣста de Rep. VI. p. 496. C.

(2) Ib. C. *Ῥῆτι, расцвѣтеной и разукрашеной сентенціали и именами, неκαλλιπτημένους γε λόγους—φῆμασί τε καὶ ὀνόμασι, ἄδὲ νεκοσμημένους.* Καλλιπῆν, по Валькеленеру (diatrib. p. 291. sqq.) значитъ: *uti oratione venusta et eleganti, eleganter dicere.* Следовательно *λόγοι неκαλλιπτημένοι φῆμασί τε καὶ ὀνόμασι* суть *Ῥῆτι* расцвѣченные сентенціали и именами; ибо

φῆματα суть мысли выраженные словами, а *ὄνματα* — самые слова. Theaet. 190. E. и прим. Гейнд. къ сему мѣсту. *Λόγοι κεισομεμένοι* суть рѣчи, вообще богатая тропами и фигурами; ибо въ нихъ собственно состоитъ *κόσμος*, или *ornatus orationis*.

(3) Ib. *Наряжать свою рѣчь съ заботливостію юности, ὥσπερ μισρανίφ πλαττοντι λόγους.* Фраза *πλαττοντι λόγους* прекрасно выражаетъ усиліе дитяти подбирать, соединять, или какъ бы смазывать слова, по требованію внѣшнихъ формъ, предписываемыхъ Риторикою, при недостаткѣ мысли, которая бы сама собою сообщала имъ связность. *Τί λόγους πλαττοντις;* говоритъ Демосѳенъ de coron. p. 268. См. Ernesti Lex. techn. gr. Rhetor. p. 267. sqq., гдѣ объясняются слова *πλαττοῖς* и *πλαττομα*.

(4) Ib. *Напротивъ, καὶ μέντοι.* Частица *μέντοι* весьма часто выражаетъ противоположеніе; на пр. *Aristoph. Ran. v. 61. ἔμ' ἔχω φράσαι ὁμῶς γε μέντοι σοὶ δὲ ἀνιγμῶν ἐρεῖ.*

(5) Ib. *Прошу и умоляю, δέομαι καὶ παρίεμαι.* Въ некоторыхъ кодексахъ *παρίεμαι* признано за глоссема и замѣнено словомъ *παραιτέμαι*. Но Рункеній правильно замѣчаетъ, что значеніе слова *παρίεμαι* объясняется значеніемъ среднихъ залоговъ. *ἴημι* и *ἐφέημι* значить отпускаю (*mitto*); но *ἴεμαι* и *ἐφέεμαι* значить *хочу, чтобы мнѣ отпустили*, то есть, *желаю, прошу*.

(6) Ib. D. *При столахъ мѣновщиковъ.* Погрешчески просто — *ἐπὶ τῶν τραπεζῶν*; но тутъ разумѣются столы мѣновщиковъ, стоявшіе обыкновенно

на площади. Слово *αἱ τραπέζαι* подобнымъ образомъ употребляютъ *Demosth.* Т. 11. р: 470, 471. 946. *Isocr.* р. 449. 450. 704. Отсюда *οἱ τραπέζιται* суть мѣновщики, или *mensarii*.

(7) Пв. *Болше селидеслти лѣтъ отъ роду,* *ἔτη γεγονὸς πλείω ἑβδομήμοντα* Иоаннъ Серрскій переводитъ: *annos plus sexaginta natus*, какъ бы стояло *πλείω ἑξήμοντα*, основываясь вѣроятно на ссылкѣ Діогена Лаерція II. 4. 5. Но см. *Criton.* р. 72. *E. Maxim. Tyr.* 39. р. 412. *Diog. L.* 11. 44. *ibique Menag.*

(8) 18. В. *Чѣмъ Анита съ его сообщниками.* Разумѣются Мелитъ и Ликонъ. Сократъ указываетъ на Анита, какъ на главнаго своего врага, потому что послѣдній пользовался особенною довѣренностію народа и заслужилъ ее ненавистію къ тридцати тираннамъ. *Xenoph. Hellen.* 11. 3. 42.

(9) Пв. *Но тѣ страшиле.* Критики Платона напрасно думаютъ, что Сократъ разуметь здѣсь однихъ комиковъ, которые дѣлали его, предметомъ своихъ эпиграммъ и выставляли въ каррикатурномъ видѣ на сценѣ театра. Изъ всего хода рѣчи видно, что апологистъ указываетъ на общее мнѣніе народа о сынѣ Софрониска, представлявшее комикамъ только случай и возможность посмѣяться надъ нимъ. Сколь ни необузданно было своеволие Аѳинянъ во времена Платона, но едва ли можно допустить, чтобы Аристофанъ, Амипсіасъ, Эвполисъ и другіе осмѣлились публично трогать личность гражданина, если бы не опирались на общее о немъ мнѣніе.

(10) Ib. *Человѣкъ мудрый, который ум-
стоуецъ о небесномъ, исплитываетъ все подлѣнное
в приимы низшя превращаетъ въ высшя.* Таково
было общее мнѣнiе о Сократѣ! Оно осталось
вѣроятно еще тогда, когда сынъ Софрониска нахо-
дился въ молодыхъ лѣтахъ и занимался изслѣдова-
нiемъ природы чрезъ чтенiе, наблюденiе и собесѣ-
дованiе съ послѣдователями разныхъ философскихъ
школъ, процвѣтавшихъ въ Греци. Это можно замѣ-
тить изъ его словъ въ Федонѣ р. 97. sqq. Сравни.
*Хенорѣ. Методоб. IV. 7. Искусство τὸν ἥττω λόγον
κρείττω ποιῆν* Геллiй (Noct. Att. v. c. 5) приписы-
ваетъ Протагорѣ и разумѣеть его, какъ умѣнье дѣ-
лу самѣму ничтожному, посредствомъ ловкихъ обо-
ротовъ рѣчи и витiеватыхъ выраженiй, придать
видъ чего-то важнаго; или на оборотъ — дѣлу осо-
бенной важности тѣми же средствами уронить въ
мнѣнiи слушателей. Для такихъ подвиговъ и у насъ
есть свои Протагоры. Но когда то же самое иску-
ство общественнымъ мнѣнiемъ усвоилось Сократу;
то, мнѣ кажется, должно понимать его, какъ пони-
малъ Цицеронъ (in Bruto c. 8): *docere, quemadmodum
causa inferior dicendo fieri superior possit*; потому что
этимъ указывается болѣе на глубокое раскрытiе
предмета, нежели на краснорѣчивое и заманчивое
изложенiе онаго. Такъ философiя природы, говоря
о какомъ-нибудь довольно обыкновенномъ явленiи,
сообщаетъ ему необыкновенный интересъ, един-
ственно чрезъ изслѣдованiе причинъ и внутреннихъ
свойствъ его.

(11) Ib. C. *Они напѣтвовали вовсе ясно,*

ἀτεχνῶς ἐρήμην κατηγορεῖντες. Ἐρήμη (δίκη) есть заочное судопроизводство надъ обвиняемымъ, покуда онъ не исполнилъ обязательства явиться къ суду (vadimonium desertum) см. *Petit. ad legg. Attic. p. 317. Hundtwalker de Diaetetic Athen. p. 99 sqq.*

(12) 19. А. Ръшиться — изгладить — эту клевету, ἐπιχειρητέον ἐξελεῖσθαι τὴν διαβολήν. Выразить поруски неокончательное ἐξελεῖσθαι очень трудно; между тѣмъ какъ эта форма средняго залога даетъ рѣчи замѣчательный оттѣнокъ. Сократъ, по скромности, не берется изгладить, ἐξελεῖν, въ душахъ слушателей худое о себѣ мнѣнiе, а только хочетъ стараться, чтобъ оно изгладилось, non evellere instituit, sed evelli vult, aut evellendum nititur.

(13) Ib. В. Сдѣлалъ на меня такой доносъ, ἐγράψατο τὴν γραφήν ταύτην. О значенiи слова γραφή и о различiи его отъ слова δίκη см. 3 прим. къ Эвтикр. Δίκη есть доносъ, по которому дѣло предлагается изслѣдованiю суда; γραφή есть доносъ, по которому оно представляется судiямъ съ готовымъ уже мнѣнiемъ для утвержденiя и произнесенiя формальнаго приговора.

(14) Ib. С. Въ комедiи Аристофановой. Указывается на Аристофановы Облака, и при томъ на первое изданiе ихъ, вышедшее 1. 89. Олимп. слѣдовательно за 24 года до смерти Сократа. Штальбомъ замѣчаетъ, что въ первомъ изданiи корзина представлена была вѣроятно движущеюся въ воздухѣ, περιφερόμενον, и потому Сократъ, на вопросъ Стрепсиада, τί δρᾷ, отвѣчалъ ἀεροβατῶ: напротивъ

ВЪ дошедшемъ до насъ вовсе не упоминается о ея движеніи, а только спрашивается (у 218—225): что это за человекъ въ корзинѣ? — Но Сократъ въ своей аполіогіи могъ сказать *περιφερόμενον*, хотя бы въ комедіи и не упоминалось о движеніи корзины; потому что ея движеніе на сценѣ было ясно уже и для глаза, слѣдовательно не требовало объясненія словеснаго. Впрочемъ, говоря объ Аристофановыхъ Облакахъ, Сократъ не укоряетъ Аристофана, который тогда уже примирился съ нимъ, а только объясняетъ, какъ давно распространилось въ народѣ невыгодное мнѣніе о сынѣ Софрониска. См. мое введеніе къ Эвтид. Плат. ч. 1 стр. 201.

(15) Ib. *Какихъ у меня и въ головахъ не было, ὅν ἐγὼ ἴδεν ἔτε μέγα ἔτε σμικρὸν πέρι ἐπαίω.* Выраженіе *ὄτε μέγα ὄτε σμικρὸν* имѣетъ значеніе поговорки и равносильно *ἢ τι ἢ ἴδεν* (см. выше прим. 1), то-есть означаетъ совершенное отрицаніе. *Verglerus ad Alciphron. p. 353. Herm. ad viger. p. 270, 78.*

(16) Ib. *Я говорю это не съ тѣмъ, чтобы унижать столь важное искусство и проч.* Здѣсь рѣчь очевидно ироническая. Сократъ имѣлъ въ виду ту мысль, что можетъ быть и Медитъ имѣетъ претензію на подобное искусство и будетъ сердиться, когда станутъ унижать его.

(17) Ib. E. *Будто я берусь учить людей и требую платы.* Что въ народѣ существовало такое мнѣніе о Сократѣ, видно изъ Аристофановой комедіи Облака ч. 98—104. Но что онъ никогда не

бралъ денегъ за свои наставленія, см. *Xenoph. Mem.* 1. 2. 70. Сравни. *Plat. Hipp. mai.* p. 300. D. *Euthyphr.* p. 3. D. *Spanhem. ad Aristoph.* l. c.

(18) Ib. О Горгіасъ и Иппіасъ будетъ сказано въ введеніяхъ къ разговорамъ Платона подъ этими именами; а о Продикъ Хиоскомъ было говорено уже прежде (см. 43 прим. къ Протаг.) Здѣсь вспомнимъ только, что у, него на языкѣ всегда была Эпихармова пословица: *рука руку моетъ, αἱ δὲ χεῖρὲς τὰν χεῖρα νίθει. δός τι καὶ λαβέ τι.* См. *Aeschin. Socrat. qui fertur, dialog.* 111 § 6. О Калліасъ, Аемнскомъ богачѣ, къ которому, по свидѣтельству Плутарха Т. 1. p. 165, слово *πλύσιος* прилагаемо было, какъ имя собственное, см. 16 прим. къ Протаг. *Xenoph. sympos.* 1. 5. О фамиліи Калліасовъ и Иппониковъ см. *Gronov. observ.* IV. 7. *Perizon. ad Aelian.* V. H. XIV. 16. *Heindorf. ad Protag.* p. 463. sq. *Boeckh. de oeconomia civit. Athen.* T. 11. p. 15. sqq.

(19) 20 С. *И преподаетъ ее за столь умеренную плату, καὶ οὕτως ἐμμελῶς διδάσκει.* Здѣсь Сократъ отъ иронической рѣчи переходитъ къ прямой; потому что пять минъ (175 p. 75 к. сереб.), которыя Эвентъ бралъ за свои уроки, есть цѣна въ самомъ дѣлѣ умеренная въ сравненіи со ста минами, за которыя учили Протагоръ, Горгіасъ, Продикъ и другіе софисты. Слово *ἐμμελῶς* можно почитать здѣсь равносильнымъ съ нарѣчіемъ «умеренно;» ибо *ἐμμελῶς* есть то, что не отстываетъ отъ настоящей мѣры, — метафора взята отъ музы-

КАНТОВЪ, КОГДА ВЪ ИЪНІИ ОНИ СЛѢДУЮТЪ ОДНОМУ ТАКТУ.

(20) *Ив. Вы гдѣ знаете Херефона.* О пылкомъ и сильномъ характерѣ Херефона. См. *Aristoph. pubb. v. 104. 501. sq. ibique scholiast. Avv. 1570. Xenoph. Memog. 11. 3.*

(21) 21. А. Этимъ указывается на эмиграцію многихъ Аѳинянъ изъ отечества въ правленіе тридцати тиранновъ (См. *Corn. Nep. Trasibul. 1. et Justin. V. 8*, бывшую не задолго до смерти Сократа.

(22) *Ив. Пивѳа отвѣтала, что клятвѣ никого.* По свидѣтельству Діог. Л. (11. 37), Пивѳа сказала: *ἀνδρῶν ἀπάντων Σωκράτης σοφώτατος.* А у Схолиаста *ad Aristoph. pubb. v. 144* ея слова читаются такъ: *σοφὸς Σοφοκλῆς, σοφώτερος δ' Εὐριπίδης, ἀνδρῶν δὲ πάντων Σωκράτης σοφώτατος.*

(23) *Ив. Братъ его,* то-есть Херекратъ. См. *Xenoph. Mem. 11. 3.*

(24) 22 А. *Клянусь собакою.* О клятвѣ Сократа собакою и другими животными у древнихъ и новѣйшихъ критиковъ были различныя мнѣнія. Всѣ онѣ собраны Менагіемъ (*ad Diog. Laert. 11. 40. p. 92. sq.*). Петитъ (*miscell 4. 7.*) полагаетъ, что подъ именемъ собаки Сократъ разумѣлъ своего генія; по Камерарію, собака для Сократа была символомъ вѣрности, и клятва ею соответствовала Латинской поговоркѣ *medius fidius*; а Олимпіодоръ въ Сократовой собакѣ видитъ Египетское божество (*Aelian. V. Н. X. 45*). Но я охотнѣе соглашаюсь съ

Кирилломъ Александрійскимъ (contr. Iulianum 6. p. 190 A), что Сократъ клялся собакою, гусемъ, даже дубомъ—потому, что слѣдуя примѣру Радананта, почиталъ за грѣхъ часто клясться именами боговъ. *Porphyr. de abstinent. III. 16.*

(25) 23. А. *А на дѣлѣ должно быти—мудръ—то Богъ, τὸ δὲ κινδυνεύει τῷ ὄντι ὁ θεὸς σοφὸς εἶναι.* Вмѣсто τὸ δὲ иногда говорится полнѣе τὸ δὲ ἀληθές, de Rep. IV. p. 443. D. τὸ δὲ γε ἀληθές, τοῦτον μὲν τι ἦν ἡ δικαιωσύνη. Tim. p. 86. D. τὸ δὲ ἀληθές, ἡ περὶ τὰ ἀφροδίσια ἀκολασία— νόσος ψυχῆς γέγονε. Впрочемъ здѣсь вмѣсто ἀληθές, стоятъ τῷ ὄντι.

(26) Ib. *Маловажно, даже ничтожно, ὀλίγη τινός καὶ οὐδενός.* Здѣсь καὶ предъ οὐδενός поправляетъ и усиливаетъ значеніе ὀλίγη τινός. См. *Fritsch. Quaest. Lucian. p. 11.* Такъ надобно переводить и словъ Демосфена (p. 790. 20 et. p. 260. 26): *μικρὰ καὶ οὐδέν.* Въ такомъ же смыслѣ Римляне употребляли иногда союзъ atque. См. *Matth. ad Cicer. 11. Catil. XII. 27. Manil. XVIII. 54.*

(27) Ib. В. *Не докажу ли въ помощь богу, τῷ θεῷ βοηθῶν, то—есть не докажу ли, что изреченіе Аполлона справедливо.*

(28) Ib. С. *Терплю величайшую бѣдность, ἐν πενίᾳ μωρία, ἐμί.* Между πενία и πτωχία такое же различіе, какое между Латинскими paupertas и egestas. *Πενία* бываетъ участію людей рабочихъ, едва достигающихъ себѣ насущный хлѣбъ непрерывными трудами; а *πτωχία* принадлежитъ людямъ, питающимся

милостынею. См. *Aristoph. plut.* v. 552. sqq. О томъ, сколь велика была бѣдность Сократа, видно изъ *Xenoph. Oecon.* II. 3. гдѣ самъ онъ говоритъ, что и домъ его, и все въ домѣ можно продать за пять Аттическихкихъ минъ (113. p. 75 к. сер.).

(29) Ib. Е. Мелитъ былъ трагикъ; но такъ какъ Музы не очень любили его, то вмѣсто худыхъ стиховъ, онъ рѣшился написать хорошія правила Пинтики. Хороши ли онѣ были, видно изъ того, что Аристофанъ (*Ran.* v. 1231.) ставитъ ихъ подъ уровень тѣхъ *Карійскихъ пѣсень*; а Карійцевъ еще Гомеръ называлъ *βαρβαροφώνες* (*Iliad* XV. 867.). Представляя суду доносъ на Сократа, Мелитъ былъ еще человѣкомъ молодымъ, но уже высоко мечталъ о себѣ; (*Euthyph.* p. 2. В. С.), и потому-то можетъ быть Сократъ обличаетъ его строже, чѣмъ другихъ. Говорятъ, что онъ находился въ числѣ тѣхъ четырехъ человѣкъ, которымъ тридцать тиранновъ приказали привести въ Аены Льва Саламинскаго. *Audocides de myster.* p. 46. *Orat.* T. IV. ed. Reisk. Сравни. ниже p. 32. С.

(30) Ib. Е. Анитъ, сынъ Анееміона, *βυρσοδέψης*, или кожевникъ (*Plat. Epist.* VII. *Socr.* p. 30. *Schol.* ad. *Plat. Men.* p. 90. А. Сравни. *Xenophont. Apol.* 39), злѣйшій врагъ Сократа, такъ что Гораций (*Satyr.* II. 4.) не безъ причины называетъ послѣдняго *Anitium*. Великое богатство его и множество мятностей были причиною того, что тридцать Тиранновъ, особенно заботившіеся, какъ извѣстно, о конфискаціи частныхъ имуществъ, изгнали его изъ отечества. За то послѣ онъ усердно помогалъ Тразябулу, воз-

становителю Афинской свободы, и этимъ содѣйстви-
емъ вкравшись въ любовь народа (*Xenoph. Hellen. II.*
3. Plat Epist. VII med.), исправлялъ значительныя
должности въ республикѣ (*Xenoph. Apol. 29*). Такіе
успѣхи сильно раздули его гордость и заставляли
его каждый разъ досадовать, когда Сократъ, для объ-
ясненія своихъ мыслей, бралъ примѣры съ сапожни-
ковъ, гончаровъ, кожевниковъ и т. п.; за что онъ
не только Сократа, но и Софистовъ почиталъ изрою
общества (*Men. p. 91. A—C.*). Изъ этого видно, что
слова «и каждый изъ нихъ, ради того, что онъ хо-
рошо владѣетъ своимъ искусствомъ (ремесломъ), почи-
таетъ себя человеконъ мудрѣйшимъ и въ другихъ
дѣлахъ самой великой важности (см. выше 22. D.)»
относятся именно къ политикамъ изъ ремесленни-
ковъ, къ такимъ людямъ, какъ Анить.

(31) Ib. Ликонъ былъ одинъ изъ десяти ора-
торовъ, которые, по закону Сомона, должны были
говорить въ защиту общественныхъ дѣлъ (*Diog. L.*
II. 38). Но такъ какъ во времена Платона управле-
ніе дѣлами республики было слабо; то привилегии-
рованные ораторы отъ нечего — дѣлать заводили су-
дебныя интриги, позволяли себѣ лбеды, и такимъ
образомъ вошли въ поговорку, какъ люди презрен-
ные. См. *Valckenär. diatrib. p. 357. sqq. Aristoph. plut.*
v. 567. sqq. Судя по намекамъ Аристофана (*Vesp. v.*
1292.), можно думать, что Ликонъ сверхъ того велъ
и развратную жизнь, ибо съ другимъ ораторомъ,
Антифономъ, любилъ пьяныя общества.

(32) 24. В. *Люблщаго Афини, филополу.* Сло-
во *φιλοπολις* не должно быть принимаемо въ одномъ

и томъ же значеніи съ словомъ *φιλόπατρις*. *Φιλόπατρις*—тотъ, кто любитъ Грецію; а *φιλόπολις* есть любитель Аѳинъ. *Dorvill. ad Charit p. 213.*

(33) Ib. *Она почти такова, έχει δὲ πῶς ὧδε.* Слово *πῶς* показываетъ, что Сократъ приводитъ формулу обвиненія не буквально. Буквальное ея изложеніе, еще во времена Фаворина, во второмъ вѣкѣ по Р. Х., сохранилось въ Аѳинскомъ *μητρόφῳ*, то-есть въ храмѣ матери всѣхъ боговъ. По свидѣтельству Діогена Л. (II. 40), на одной доскѣ въ этомъ храмѣ написаны были слѣдующія слова: *Τὰ δὲ ἐγράφατο καὶ ἀντομολογήσατο Μέλιτος Μελίτι, Πιτθέυς, Σωκράτη Σωφρονίσκῳ, Ἄλωπεκῆθεν ἀδικῆ Σωκράτης, ἕς μὲν ἡ πόλις νομίζει θεὸς ἃ νομίζουσιν, ἕτερα δὲ καινὰ δαιμόνια ἐισηγόμενος ἀδικῆ δὲ καὶ τὸς νέας διαφθειρών. Τίμημα θάνατος.*

(34) 25 A. *А советники? τί δαὶ οἱ βουλευταί;* Аѳинскій Сенатъ состоялъ изъ двухъ отдѣльных присутственныхъ мѣсть: изъ Ареопага, *βουλὴ ἡ ἐξ Ἄρειν πάγυ*, и изъ Пятисотнаго Совѣта, *βουλὴ ἡ τῶν πεντακοσίων*. Члены послѣдняго назывались *οἱ βουλευταί*, или *πρυτάνεις* и, по закону Солона, жребіемъ избирались изъ всѣхъ десяти Аттическихъ округовъ въ числѣ пятидесяти человекъ изъ каждаго. Однакожъ совѣтники не всѣ вдругъ составляли совѣтъ, но чередовались по округамъ; такъ что одинъ округъ, отслуживъ свое время, или тридцать пять дней, сдавалъ должность другому. Да и представители извѣстнаго округа засѣдали въ собраніи опять не всѣ вдругъ, но такъ какъ курсъ ихъ службы опредѣлялся тридцатью пятью днями или пятью недѣлями,

то пятьдесятъ совѣтниковъ совершали дѣло управленія, раздѣлившись на пять десятковъ, такъ что одинъ десятокъ, прослуживъ свою недѣлю, уступалъ мѣсто другому, другой третьему и т. д. Члены сихъ десятковъ назывались *πρόεδροι*. Равнымъ образомъ и *πρόεδροι* не всѣ и не всякій день имѣли одинаковую власть въ совѣтѣ, но каждому назначаемъ былъ свой день, въ который онъ предсѣдагельствовалъ, принималъ въ свое вѣденіе казну и печать и назывался *ἐπιστάτης*. Само собою разумѣется, что на череду τῶν ἐπιστάτωνъ могли вступать преемственно только семь совѣтниковъ, а служба трехъ остальныхъ состояла просто въ присутствovanіи въ совѣтѣ. *Hofman. Lexic. v. Prytaneia.*

(35) Ib. C. *Отвѣчай-ка, ὦ τᾶν, ἀπόκρισαι.* Hesychius: ὦ τᾶν — πρόσρημα τιμητικῆς λέξεως λέγεται δὲ καὶ ἐπὶ ἐιρωνείᾳ πολλάκις. *Timaeus Gloss. Plat. et Lex rhet. bibl. Coisl. p. 494.* ὦ τᾶν ὦ ἕτος. *Maeris: ὦ τᾶν, ἀπτιμῶς ὦ σὺ, ἐλληνικῶς.* Add: *Suid. h. l.*

(36) Ib. D. *И законъ велитъ отвѣчать.* Самыя слова закона, на который здѣсь указывается, приводить Демосѣенъ (с. Steph. Orat. II. p. 1131): «противникамъ въ судѣ (*ἀντιδίκοιον*) необходимо отвѣчать другъ другу на вопросы, но не свидѣтельствовать. *Forsterus.*

(37) 26. D. *Значитъ, я не почитаю боговъ ни солнца, ни луны, тѣмъ почитаютъ ихъ нѣкоторые люди.* Этимъ Сократъ хочетъ сказать не то, что онъ признаетъ за боговъ солнце и луну, а то, что ему не возможно не признавать никакого бога, ибо и

Персы и другіе варвары, невѣрующіе въ Греческихъ боговъ, воздаютъ божескія почести по крайней мѣрѣ солнцу и лунѣ. По этому мысль Штальбома, будто Сократъ разумѣетъ здѣсь Аполлона и Діану, мнѣ кажется не вѣрною.

(38) Пв. Ты, кажется, обвинишь Анаксагора. По свидѣтельству Діогена Лаерція (II. 8) Анаксагоръ Клазоменскій училъ, что солнце есть *μύδρος διαύρος*, который одни принимали за раскаленную массу желѣза, а другіе — за камень. Въ последнемъ смыслѣ *μύδρον διαύρου* разумѣлъ и Сократъ (*Xenoph. Mem. VI. 7. 7*) и опровергалъ это мнѣніе. Луна же, по Анаксагору, имѣетъ *οὐρανός, λόφος* и *φάρμακας*, значить есть земля. См. *Fischer. ad. h. l.*; также *Hemsen de Anaxagora Clazomenio, s. de vita ejus atque philosophia* p. 30 sqq. p. 70 sqq. Эти мнѣнія Мелитъ навязывалъ Сократу вѣроятно по тому, что считалъ его ученикомъ Архелая, последователя Анаксагорова.

(39) Пв. Е. Могутъ, много какъ за драхму, купить со сцѣны. Въ Аѣнахъ, до временъ Перикла, театральныя мѣста (*sedes et loca*) раздавались безмездно всемъ, желавшимъ видѣть представленіе. Периклъ, первый установилъ брать за нихъ плату, и это называлось *θείαν ἀπομοθῆν* или *ἀγοράζειν* (*Leopard. cmendatt. I. 13.*). Театральныя мѣста продавались откупщиками амфитеатровъ *θεατρῶναις, θεατροπῶλαις, ἀρχιτεκτόνεσι* (*Demosth. de corona* p. 234. 23. T. 1.) за два обола (около 2 коп. сереб.) а иногда и за цѣлую драхму (22 $\frac{3}{4}$ коп. серебр.). См. *Casaub: ad. Theophr. Char. 2. Voeckh. de oeconom. Reipubl. Athen. T. I. p. 236. sqq.* Поелику же самую высокою цѣною за мѣ-

сто въ театрѣ была драхма; то ясно, почему Сократъ говорить: «могутъ купить, много какъ за драхму.» Но какими образомъ на сцѣнѣ продавались мысли «философовъ»? Известно, что драматическіе и комическіе поэты не рѣдко вносили въ свои пьесы ипнія прежнихъ и современныхъ умиствителей — первые съ цѣлю прославить ихъ, что, какъ известно, дѣлалъ Эврипидъ съ положеніями Анаксагора (см. *Falckenär. Diatr. in fragm. Eurip. p. 29 sqq.*); а послѣдніе съ намѣреніемъ посмѣяться надъ ними, что встрѣчается почти во всѣхъ комедіяхъ Аристофана.

(40) 28. С. *И смыслъThetaиды.* Указывается на XVIII кн. 90 и сл. ст. Илиады.

(41) Ib. Е. *И въ Потидеѣ, и въ Амфилохисѣ и на Делосѣ.* Сократъ говорить о своихъ походахъ въ качествѣ воина. Подробное описаніе ихъ можно читать *Diogen. L., II. 22. sqq. ibique Menag. Athen. IV. 15. ibique Casaub.; Aelian. V. II. III. 17. Cicero. de divin. I. 54.*

(42) 30. Е. *Котораго Богъ полюбилъ въ обществѣ, какъ на великомъ и благородномъ конѣ.* Этой аллегоріи Сократа можно дать двоякій смыслъ; потому что далѣе слово *μῦθος* имѣетъ два значенія: оно значить и *шпоры* и *оводъ*. Принявъ первое, мы должны будемъ допустить, что Сократъ представляетъ себя въ обществѣ, какъ всадника на конѣ, котораго онъ возбуждаетъ шпорами; а по второму, сынъ Софрониска уподобляетъ себя оводу, сидящему на спинѣ коня, чтобы онъ былъ живѣе. Іоаннъ Серрскій, Вольфъ, Шлейермахеръ и другіе держатся перваго значенія слова *μῦθος*, а Штальбому и нѣт

кажется приличнѣйшимъ последнее, потому что то не довольно идетъ къ лицу Сократа и выражаетъ слишкомъ много самомнѣнія, нисколько ему несвойственнаго; а это гораздо скромнѣе и сообразнѣе съ тонкостію Сократовой ироніи. При томъ первая мысль не заключаетъ въ себѣ ничего необыкновеннаго и смѣшнаго; а послѣдняя дѣйствительно забавна, слѣдовательно Сократъ кстати могъ сказать: «хоть и смѣшно, а справедливо.» Наконецъ глаголы *προσκαίει* *προσπεδιμέναι*, *προσκαίειν* никакъ не могутъ относиться къ всаднику, а ма овода, поколику онъ льнетъ къ лошади, указываютъ очень выразительно.

(43) 31. D. *А побуждать — никогда не побуждаетъ.* Во всѣхъ мѣстахъ Платоновыхъ разговоровъ, гдѣ упоминается о Сократовомъ геніи, этотъ геній представляется дѣтелемъ только отвращающимъ отъ известнаго поступка, а не побуждающимъ къ чему-нибудь. (См. Phædr. 242. С. Theæt. 151. A. Alcib. I. 103. A. 124. С. Theag. 128. D. et alib.). Напротивъ Ксенофонтъ свидѣтельствуетъ, будто онъ внушалъ Сократу — и то, что должно дѣлать, и то, чего не должно. (Xenoph. Mem. I. 1. 4. IV. 8. 1.). Это кажущееся противорѣчіе объясняется весьма легко. Нѣтъ сомнѣнія, что Сократъ приписывалъ своему генію силу располагать къ исполненію должностей отрицательныхъ, тѣмъ болѣе, что онъ гораздо яснѣе входитъ въ сознаніе. Но такъ какъ предписаніе не дѣлать чего-нибудь есть ограниченіе не къ бездѣйствию, а къ поступку противоположному, то исполненіе противоположнаго поступка Ксенофонтъ и принималъ за внушеніе положительное. По-

ученію же Сократа о геніѣ, дѣйствіе положительное есть только слѣдствіе исполненія должности отрицательной. Напримѣръ въ Эвтидемѣ р. 272. Е. изъ предписанія не уходитъ, само собою вытекаетъ заключеніе, что надобно остаться на мѣстѣ.

(44) 32. В. *Нашему округу, Антиохисъ, служилось сенаторствовать.* См. выше прим. 34. Когда производилось дѣло о десяти военачальникахъ, которые, побѣдивъ Лакедемонянъ въ морскомъ сраженіи, не погребли непріятельскихъ тѣлъ; тогда Сократъ былъ *ἐπιτάτης*, председателемъ Децемвировъ. О томъ, какъ онъ въ семь случаевъ дѣйствовалъ, см. *Хеорѣ*. Hellen. I. 7. 14. 15. 38.

(45) Ib. *Былъ не согласенъ съ законами.* По свидѣтельству Ксенофонта, (Hellen. 1. extr.) законъ повелѣвалъ судить каждаго порознь, *κρίνῃ δίχα ἕκαστου*.

(46) Ib. С. *Приказали привезти Льва Саламинянина, чтобы лишить его жизни.* Левъ, по рожденію Саламинянинъ, а по отечеству Аѳинянинъ, во время правленія тридцати тиранновъ, произвольно избралъ ссылку на островъ Саламинъ, чтобы огромное его богатство не вооружило противъ него корыстолюбивыхъ правителей. *Хеорѣ*. Hellen. 11. 3. 39.

(47) 53. А. *И тѣмъ, которыхъ клеветники называютъ лошми учениками.* Здѣсь Сократъ разумѣетъ особенно Алкивиада и Критіаса, которые, по мнѣнію народа, получили худыя правила жизни и дѣятельности въ школѣ Сократа. *Хеорѣ*. Met. 1. 2. 12. sqq.

(48) 34. С. Что обвиняемые Афиняне, для уни-
лостивленія судей, приводили съ собою въ судъ
сыновей, дочерей и женъ, см. *Aristoph. Plut.* v. 383.
Vesp. v. 566. sqq.

(49) Ib. D. Hom. *Odyss.* XIX. v. 163. Пенелопа
не узнала Улисса и, требуя, чтобы онъ возвѣстимъ
ей о своемъ родѣ, сказала: οὐ γὰρ ἀπὸ δρυὸς ἔσαι
παλεφαῖτι οὐδ' ἀπὸ πέτρης.

(50) Ib. *Даже сыновъ.* У Сократа было три
сына: Лампроклъ, Софронискъ и Менекссень.

(51) 36. А. *Только три голоса пали инаге.*
Стефанъ, следуя второму Базилианскому списку, чи-
сло *τρῆς* перемѣнилъ на *τριάκοντα*, а Диогенъ Лаер-
цій (II. 41) свидѣтельствуетъ, что Сократъ осуждѣнъ
былъ большинствомъ 281 голоса. Какъ согласить
эти различныя показанія? Соглашеніемъ ихъ зани-
мался Тихзенъ въ разсужденіи: *Ueber den Prozess des*
Socrates, напечатанномъ въ библиотекѣ древней лите-
ратуры и искусствъ fasc. I. p. 1. — 53 et fasc. II. p.
1—60. Вѣроятнѣе то мнѣніе, что послѣ первой рѣчи
Сократа, большинство голосовъ оказалось дѣйстви-
тельно не велико, по крайней мѣрѣ не больше трид-
цати; но потомъ когда Сократъ, оцѣнивая свои за-
слуги отечеству, присудилъ себя къ содержанію на
счетъ общества, то количество неблагопріятныхъ
для него мнѣній могло увеличиться до двухъ сотъ
и болѣе.

(52) Ib. В. *Не шипеть на своей сторонѣ пятой*
части голосовъ. Основаніе этихъ словъ можно видѣть
изъ слѣдующаго вычисленія: мнѣній, неблагопріят-

ныхъ для Сократа, было $\frac{1}{2}$ всѣхъ + 3. Значитъ каждый изъ трехъ обвинителей имѣлъ $\frac{1}{2}$ всѣхъ + 1. Следовательно на сторонѣ Мелита было ихъ менѣе $\frac{1}{6}$ -ой. Впрочемъ эти слова Сократъ сказалъ, по видимому, въ тонѣ шутки. Должно также замѣтить, что обвинитель не имѣвшій на своей сторонѣ пятой части голосовъ, не только платилъ тысячу драхмъ штрафу, но и подвергался безчестію (*ἀτιμία*), то-есть навсегда уже лишался права обвинять кого-нибудь. *Demosth. in Mid. p. 529. 23. in Timocrat. p. 702. 5. in Theocrat. p. 1323. 19.*

(53) Ib. D. *Благодѣтелю—блѣднику, ἀνδρὶ πέντητι εὐεργέτῃ.* Люди, оказавшіе Аѳинской республикѣ особенные услуги, были украшаемы именованіемъ благодѣтелей, τῶν εὐεργετῶν. *Dorvill. de Chariton. p. 317. Xenoph. de re dit. 923. Lysias 20 p. 365* и содержались на счетъ отечества. См. введ. въ апологію, it. *Cicer. Orat. 1. 54. Demosth. de falsa leg. p. 231.*

(54) 37. C. *Всегда поставленной власти — одинадцати судіи.* Одинадцать судей, οἱ ἑνδεκά, имѣли власть исполнительную: ихъ дѣло состояло въ исполненіи опредѣленій Сената, которыми виновный присуждается былъ къ смерти (*Utric.* въ концѣ Платоновыхъ разговоровъ: Менонъ, Критонъ и Алкивіадъ I и II).

(55) 39. C. *Предсказываютъ, когда приближаются къ смерти.* Древніе вѣрили, что человекъ предъ смертію получаетъ способность провидѣть будущее и предсказывать. *Cicer. de divin. 1. 30. Eustath. ad Iliad. XVI. p. 1089. sq. Phædon. 94. B. C. D.*

(56) *Ив. Е. Пока архонты замлы.* Надобно разумѣть одиннадцать судей, которыми судиѣ должны были передать свои опредѣленія, и которые въ свою очередь дѣлали зависящія отъ себя распоряженія касательно исполненія оныхъ.

(57) 41. В. *Съ Паламедомъ, Аяксомъ сыномъ Теламона.* Паламеда убило камнями Греческое войско за то, что, по интригамъ Улисса, на него пало подозрѣнiе въ изменѣ. *Неуп. excurs. ad Virgil. Aeneid. II. 81.* Аяксъ, сынъ Теламона, послѣ Ахиллеса храбрѣйшій изъ всехъ Греческихъ вождей подъ Троею, не получивъ Ахиллесова оружія и бывъ униженъ предъ Улиссою, сошелъ съ ума и умертвилъ самъ себя. *Hom. Odys. XI. v. 545.*

ПРИМѢЧАНІЯ

къ

КРИТОНУ.

(1) 43. А. *Глубокое утро, ὄρθρος βαθύς.* Этимъ выраженіемъ Критонъ точнѣе опредѣляетъ значеніе предыдущаго πρῶ, рано; ибо последнее можетъ относительно указывать на всякое время, а ὄρθρος, по Фриниху, есть τὸ πρὸ ἀρχομένης ἡμέρας, ἐν ᾧ ἔτι λίγυφ δύνатаί τις χρῆσθαι. Далѣе: глаголы *услышать* и *впустить* соответствуютъ одному Греческому ὑλαίνω, подобно тому, — какъ Protag. 314. А *встать* и *выйти* — одному ἐξαναστᾶν. См. примѣч. къ сему мѣсту.

(2) Ib. C. *Которое перенести мнѣ было бы, по видному, тлжсѣтѣ всего, ἦν ἐγὼ, ὡς ἐμοὶ δοκεῖ, ἐν τοῖς βαρύται' ἂν ἐνέγκαιμι.* Переводчика можетъ затруднить здѣсь ἂν; потому что Критонъ уже получилъ извѣстіе и долженъ былъ говорить положительно о своей скорби. Но ἂν ἐνέγκαιμι указываетъ не на возвращеніе корабля, а на имѣющую последовать за тѣмъ смерть Сократа. При томъ Критонъ пришелъ съ надеждою уговорить своего друга къ бѣгству изъ темницы, и представляетъ, что если

бы надежда его не сбылась, то ему было бы тяжело всего перенести наступающее бѣдствіе.

(3) Ib. Аѳиняне ежегодно праздновали день благополучнаго возвращенія Тезея съ острова Крита. Праздникъ состоялъ въ томъ, что въ сей день увѣнчаемъ былъ корабль и на немъ послы, θεωροὶ (отъ глаг. φέρει т. е. φροντίζω, φεραλέω, и θεός, т. е. Аполлонъ), отправлялись на Делось, для принесенія жертвы Аполлону. Ихъ плаваніе, смотря по погодѣ, иногда продолжалось около мѣсяца, и во все это время въ Аѳинахъ не позволялось исполнять приговоровъ надъ преступниками, присужденными къ смерти (Хенорф. Мет. IV. 8. 2.). Окончательный судъ надъ Сократомъ случился на другой день по отплытіи увѣнчаннаго корабля; а по тому Сократъ содержался въ темницѣ до его возвращенія, и именно тридцать дней. Phaed. init.

(4) Ib. D. *Щастливаго ему возвращенія, τύχη ἄγαθῆ*, — известная формула привѣтствія, которою Греки выражали свое благожеланіе отъѣзжающимъ, или пріѣзжающимъ. У Римлянъ соответствовала ей: quod bene vertat, quod felix faustumque sit. Symp. p. 177. E.

(5) 44. A. *Господа этого дѣла*, то-есть одиннадцать Архотовъ, на нѣкоторыхъ лежала обязанность исполнять судейскіе приговоры надъ преступниками. См. Arol. Socr. 39 C. и 59 прим.

(6) Ib. *Незадолго въ сію ночь*. Слово «незадолго» *δλίγον πρότερον*, поставлено здѣсь, кажется,

не безъ причины. Древніе полагали, что сны послѣ полуночи бываютъ вѣрны. *Hom. Odys. IV. v. 842. XX. v. 82 — 91. Horat. Satir. 1. 10. 33. Quirinus post mediam noctem visus, quum somnia vera.*

(7) Ib. B. *На третій день ты впрно прибудешь въ холмистую Фтію, ἤματι κεν τριτάτῳ Φθίην ἐρίβωλον ἰκοίω.* Это предсказаніе есть стихъ Иліады IX. 363. Въ семь мѣстъ Ахиллесъ, разгнѣванный Агамемнономъ, приходитъ къ Улиссу и объявляетъ, что чрезъ три дня онъ будетъ въ холмистой Фтіи, то-есть въ своемъ отечествѣ. По этому у Омира читается *ἰμοίμην*. Само собою разуніется, что Сократъ указываетъ этииъ на будущую жизнь.

(8) Ib. *Хоть теперь послушайся меня.* Это выраженіе показываетъ, что Критонъ и прежде упрашивалъ Сократа бѣжать изъ темницы; но всѣ прозбы его были отвергаемы.

(9) Ib. D. *Настоящее именно событіе показывается, αὐτὰ δὲ δηλατὰ παρόντα νυνί.* Должно замѣтить, что *δηλον* иногда имѣетъ значеніе дѣйствія и выражаетъ то же, что *δηλοῦ*, или *δηλωτικόν*. По этому нѣтъ надобности, вмѣстѣ съ Стефаномъ, замѣнять его глаголомъ *δηλοῖ*.

(10) 45. A. *Такъ не видишь ли самъ ты, ἔπιτα ἢ χ' ὄρας.* Слова *ἔπιτα* и *ἔπιτα* въ вопросительной рѣчи ставятся предъ заключеніемъ и выражаютъ негодованіе или презрѣніе. Напр. *Aristoph. Nubb. v. 226 ἔπιτ' ἀπὸ τὰρδ' ὅς τες θεὸς ὑπερφρονᾶς*; такъ сидя въ корзинѣ, ты презираешь боговъ? *Vesp. v. 1128. Ἐπιτα παῖδας χρῆ φυτέων καὶ τρέφειν*; такъ

послѣ этого, думаешь, надобно рожать и воспитывать дѣтей?

(11) Ib. В. *Живущіе здѣсь иностранцы*, преимущественно Симіась и Кевись, Фивейцы, короткіе друзья Сократа. Жизнеописанія и мнѣнія ихъ изложены Диогеномъ Лаерц. 11. 124. 125. Оба они писали въ философскомъ родѣ. До насъ дошла *Картина Кевиса*, если только она действительно Кевисова.

(12) Ib. Указывается на Апол. Сокр. р. 37. С. D.

(13) Ib. E. *Какъ онъ внесень, ὡς εἰσηλθες*. По всей вѣроятности надобно читать: ὡς εἰσηλθεν. Этого чтенія держится и Вольфъ, следуя лучшимъ спискамъ Платоновыхъ сочиненій. Но дальнѣйшія слова: *ἐξὸν μὴ εἰσελθᾶν* суть или глоссема или неполная фраза. Предположивъ последнее, надлежало бы читать: *ἦν δ' ἐξὸν μὴ εἰσελθᾶν*. Этою мыслию тогда, можетъ быть, указывалось бы или на законъ, упоминаемый Лизіасомъ (р. 354 ed. Reisk.), что *δεδιότι δίκης ἐνεκα δρασιναῖον*, то-есть обвиняемому, не надѣющемуся оправдаться, позволено бѣжать, или на расположеніе Анита помириться съ Сократомъ, послѣ того какъ онъ представилъ въ судъ свой доносъ. *Liban.* Т. 1. р. 644.

(14) 46. С. *Исследовать' это сообразиле съ дѣломъ, μετρίωτατα σκοποῦμεθα αὐτά; Μετρίως σκοποῦμαι* значитъ исследовать надлежащимъ образомъ, какъ должно, по существу дѣла. Въ этомъ смыслѣ *μετρίως λέγειν* употребляется Theaet. р. 180. С. de

Rep. IV. p. 421. C. VI. p. 484. B. al. Ниже D. выражение: *ἐν δὲ τῆσδε τῶν λόγων, τὴν λέγουσαν*, противуполагается словамъ: *ῥηθὲν καὶ ἄλλοις*; изъ этого видно, въ какомъ смыслѣ надобно всегда разумѣть его. *Figerus.* p. 731.

(15) 47. D. *Что отъ справедливости улучшалось, а отъ несправедливости погибало, ὁ τῷ μὲν δίκαιῳ βέλτιον ἐγίγνετο, τῷ δὲ ἀδίκῳ ἀπόλλυτο.* Этими прошедшими временами указывается на мнѣнія Сократа въ прежней его жизни, какъ онъ рассуждалъ объ этомъ съ своими учениками. Сократъ хотѣлъ сказать: *ὁ τῷ μὲν δίκαιῳ βέλτιον γέγνεσθαι, τῷ δὲ ἀδίκῳ ἀπόλλυσθαι ἐλέγετο ἐκάστοτε ὑφ' ἡμῶν περὶ τῶν τοιούτων διαλεγομένων.*

(16) 48. B. *Но та самая мысль, которую мы теперь раскрывали, и походитъ на прежнюю.* То - есть мы и прежде говорили, что не должно слѣдовать мнѣнiямъ толпы, хотя бы она покушалась на нашу жизнь.

(17) Ib. E. *Для меня дорого убѣдиться — лишь бы не сдѣлать нехотья, ἐγὼ περὶ πολλῶ ποιῆμαι πείσαι σε ταῦτα πράττειν, ἀλλὰ μὴ ἄκοντος.* Это выражение можетъ быть переведено двоякимъ образомъ: 1) я дорого цѣню, что ты убѣждаешь меня сдѣлать это, но только бы не противъ моей воли; 2) я дорого цѣню убѣдить тебя сдѣлать это, лишь бы не противъ твоей воли. Двухъзначательность сей фразы зависитъ отъ неокончат. *πείσαι σε*, котораго подлежащимъ можетъ быть и Критонъ и Сократъ. По моему мнѣнiю, подлежащее здѣсь Кри-

томъ, такъ что къ слову *μὴ ἀκοντος* надобно умственно присоединить *μᾶ*; ибо въ противномъ случаѣ Сократу было бы дорого убѣдить Критона только въ томъ, чтобы онъ не повторялъ одного и того же; а сему смыслу противорѣчитъ значеніе глагола *πράττειν*, которое всегда ставится въ связи съ предикатомъ положительнымъ. При томъ должно замѣтить, что *μὴ ἀκοντος* относится не къ *πῆσαι*, а къ *πράττειν*; ибо иначе стояло бы *μὴ ἀκοντα*. Впрочемъ, вмѣсто того, чтобы сказать: мнѣ дорого, что ты убѣждаешь меня, я перевожу: для меня дорого быть убѣжденнымъ тобою; такого оборота рѣчи требуетъ аористъ *πῆσαι*.

(18) 49. А. *Хорошо, постараюсь, ἀλλὰ πικράσομαι*. Такъ употребляется *ἀλλὰ* въ смыслѣ одобренія, или, какъ говорятъ грамматикки, *ἀποστατικῶς*. Подобное употребленіе сего союза см. de Rep. IV. p. 421. *ἀλλὰ καλῶς μοι δοκεῖς λέγειν*. Hoogeven. doctrina particularum ling. gr. 15. VI.

(19) Ib. В. *Дѣлать несправедливость несправедливому, какимъ бы то ни было образомъ, и преступно и постыдно*. Протагоръ, Горгіасъ и другіе софисты учили, что надобно доброхотствовать друзьямъ и вредить врагамъ (Apolog. Socr. p. 28. С. Archiloch. ap. Theophil. ad Autolyc. L. II. 57. *Ἐν δ' ἐπίσταμαι μέγα, τὸ κακῶς τι δοῶντα θανοῖς ἀνταμείβεσθαι κακοῖς*. Solon, in Brunckii Poët. gnom. p. 73. *Εἶναι δὲ γλυκὴν ὡς φίλοις, ἐχθροῖσι δὲ πικρὸν τοῖσι μὲν αἰδοῖον, τοῖσι δὲ θανὸν ἰδεῖν* Fragm. Eurip. ap. Valcken. p. 157. *Ἐχθρὸν κακῶς δοῶν ἀνδρὸς ἡγῆμαι*

μείρος). Напротивъ Сократъ доказывалъ, что за несправедливость не должно платить несправедливостію, то-есть враждебныя отношенія чловѣка еще никому не даютъ права дѣлать ему зло. Однажды спросили Сократа (Gorg. p. 469): «неужели согласился бы онъ лучше быть обиженнымъ, нежели обидѣть?» Сынъ Софрониска отвѣчалъ: «я не хотѣлъ бы ни того ни другаго; но еслибы встрѣтилась необходимость либо обидѣть, либо быть обиженнымъ, то скорѣе избралъ бы послѣднее, чѣмъ первое.» Сколь ни высока эта нравственность въ сравненіи съ софистическою; но что значить она предъ нравственностію Христіанскою, которая повелѣваетъ не только не обижать враговъ, но еще любить ихъ и благотворить имъ!

(20) Ib. *Никакъ, ἄ δῆτα.* Частица *δῆτα* въ отвѣтахъ обыкновенно соединяется либо съ *μή*, либо съ *οὐ*. *Μή δῆτα* выражаетъ страстное движеніе чувства, отвращающагося отъ чего-нибудь; напр. Eurip. Orest. v. 1329. *Θαυεῖν Ὀρέστην καὶ ἐδοξε τῇ δὲ γῆ.* — *Μή δῆτα*, Оресту и мнѣ суждено въ этой землѣ умереть.—Да не будетъ. Напротивъ *οὐ δῆτα* только усиливаетъ отрицаніе, напр. Aristoph. Acharn. v. 619. *ὦ δημοκρατία, ταῦτα δῆτ' ἀνασχετά;*—*οὐ δῆτα.* О демократія! Это ли можно стерпеть?—Никакъ.

(21) Ib. C. *Чтоже теперь? τί δὲ δῆ;* Эта формула употребляется въ смыслѣ заключительномъ: 1) при увѣщаніяхъ, и соответствуетъ Русской: *такъ что же?* Напр. Plat. Protag. p. 358. *τί δὲ δῆ, ὦ ἄνδρες, τὸ τοῖον δὲ αἱ ἐπὶ ταῖς πράξιν ἀλασται κ. т. л.* Такъ что же это, господа? Всѣ наши дѣйствія и проч.; 2) При возвращеніи къ главному предмету рѣчи,

какъ Русское *ну, а...*; напр. *Euthyphr.* p. 14. *Τί δὲ δῆ;* τῶν πολλῶν καὶ καλῶν κ. τ. λ. Ну, а изъ многихъ прекрасныхъ дѣлъ, производимыхъ богами, и проч. 3) При выведеніи результата послѣ изслѣдованія; по-русски: *это же теперь?* Напр. въ Hipp. p. 575. послѣ многократнаго повторенія *τί δὲ*, наконецъ говорится: *τί δὲ δῆ. ἀνθρώπι ψυχὴν κεντηοθαί* κ. τ. λ. Въ этомъ послѣднемъ значеніи она употреблена и здѣсь.

(22) Ib. C. *Какъ бы не противоречить мнѣнію, ὅπως μὴ παρὰ δόξαν ὁμολογῆς.* Здѣсь говорится о мнѣніи въ томъ же смыслѣ, въ какомъ выше принималъ его Критонъ, то-есть въ смыслѣ народной молвы, которая, какъ ему казалось, должна побудить Сократа уйти изъ темницы. Асть и Шлейермахеръ неправильно понимаютъ и переводятъ это выраженіе; по Асту: *at vide, Crito, ne hoc concedens, praeter tuam ipse sententiam cedas;* по Шлейермахеру: *und siehe wohl zu, Kriton, wenn du dies eingestehest, dass du es nicht gegen deine Meinung eingestehest.*

(23) 51. D. *Выдержать испытаніе, δομιασθῆ.* Такъ читается во всѣхъ спискахъ, кромѣ одного Венеціанскаго Σ , въ которомъ стоитъ *δομιασθῶ.* Не смотря на то, что послѣдняго чтенія держатся почти всѣ переборчики, я вмѣстѣ съ Штальбомомъ, не нахожу причины предпочитать его первому; потому что страдательнымъ *δομιασθῆ* указывается на древній законъ, которымъ предписывалось вводить юношу въ званіе челоѣвка совершеннолѣтняго посредствомъ испытанія, *δομιασθῶ εἰς ἀνδρας.* Это испытаніе, долженствовавшее дать юношѣ право на обще-

ственную службу и почести, состояло въ показаніи его происхожденія и законности его генеалогіи, также въ изслѣдованіи его понятій о государственныхъ постановленіяхъ и вообще о добрѣ и злѣ. Юноши, выдержавшіе испытаніе, вносились въ особую книгу, *ληξιαρχικὸν γραμματεῖον*. или *βιβλίον*. *Aeschin. adv. Timarch.* p. 26. ed. Bremi. 'Επιδὰν δὲ ἐγγραφῆτις εἰς τὸ ληξιαρχικὸν γραμματεῖον, καὶ τὲς νόμους εἶδῆ τὲς τῆς πόλεως καὶ ἤδη δύνηται διαλογίζεσθαι τὰ καλὰ καὶ τὰ μὴ. *ὅτι ἔτι ἐτέρω διαλέγεσθαι (ὁ νομοθέτης)*. *Demosth. in Midiam.* C. 45. *Boeckh.* de ephelia Attica въ книгѣ: *Neues Archiv für Philologie etc.* v. Seebode P. III. p. 18 sqq.

(24) Ib. *Переселиться въ колонію, εἰς ἀποικίαν ἕναι*. Выраженіе *ἀποικίαν ἕναι* значитъ переселиться въ *Грегескую*, и именно Аѳинскую колонію, а *μετοικεῖν* переѣхать въ другое, Греческое или Варварское государство.

(25) 52. В. *И для общественныхъ праздниковъ, καὶ ὅτ' ἐπὶ θεωρίαν*. Разумѣются Олимпійскія, Немейскія, Истмійскія и Пнейскія игры, на которыя стекалась вся Греція. Слѣдующее: *разъ только, ὅτι μὴ ἀπαξ*, не должно быть смѣшиваемо съ *εἰ μὴ* *Ἐἰ μὴ* есть формула простиго исключительная, а *ὅτι μὴ* исключаетъ только послѣ предшествующей отрицательной мысли. Напр. Не хорошо было бы сказано: *ἀπώλοντο πάντες, ὅτι μὴ ὀλίγοι τῇ φυγῇ σεωσμένοι*. Надобно сказать: *ἴδεις ἐσώθη. ὅτι μὴ ὀλίγοι τῇ φυγῇ*. *Thucyd.* L. IV. C. 94. *οὐ παρεγέροντο, ὅτι μὴ ὀλίγοι*. Впрочемъ должно замѣтить, что *ὅτι μὴ* часто употребляется вмѣсто *εἰ μὴ*, но *εἰ μὴ* никогда вмѣсто *ὅτι μὴ*, если не предшествуетъ отрицаніе.

(26) Ib. *Съ иными обществами и иными законами.* По свидѣтельству Сенеки, Лаерція, Ливанія и др., Сократъ отказался отъ многихъ иноземныхъ приглашеній, и между прочимъ отъ приглашенія Архелая, который звалъ его въ Македонію.

(27) Ib. E. *Которыя всякій разъ признавалъ благоустроенными.* Эти отзывы Сократа см. de Republ. VIII. p. 544. С. Legg. I. p. 634. sqq. Protag. p. 342. С. D. Alcib. I. p. 121.

(28) 53. D. *Не думаешь ли, что тогда Сократъ и пр. καὶ ἐν οἴσιν—τὸ τῷ Σωκράτῃ προῦμα.* См. прим. 21 къ Протаг.

(29) 54. D. *Какъ изступленные жрецы слышатъ флейту, ὄσπερ οἱ κορυβαντιῶντες τῷν ἀλλῶν δομῶσιν ἀμύν.* Подъ именемъ изступленныхъ жрецовъ разумѣются Коривангы, служители великой матери боговъ въ Фригійи. По свидѣтельству Страбона, онѣ выражали присутствіе въ себѣ Бога изступленною пляскою. Strabo X. p. 726. Отсюда *κορυβαντίαν* страдать воображаемою болѣзнію, называвшеюся въ древности *κορυβαντισμός*.

